

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

46 2024
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (545) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Григорий Яковлевич Перельман (1966), российский математик, доказавший гипотезу Пуанкаре, которая была нерешённой проблемой около века, а в настоящий момент это единственная решённая математическая проблема из семи задач тысячелетия.

Григорий Яковлевич родился 13 июня 1966 года в Ленинграде в еврейской семье. Распространенное заблуждение о том, что его отец — Яков Исидорович Перельман, русский и советский математик, физик, популяризатор науки, произошло из-за совпадения фамилии и отчества. Отец Григория Перельмана, Яков Наумович, был инженером-электриком, эмигрировавшим в Израиль. Мать Перельмана работала учительницей математики. Она отказалась уезжать из СССР и осталась с сыном и дочерью в Ленинграде.

Сначала Григорий Перельман учился в обычной средней школе. С 5-го класса он посещал математический кружок в Ленинградском дворце пионеров. После 8-го класса перевелся в физико-математическую школу № 239 (ныне Президентский физико-математический лицей № 239). В 1982 году в составе команды советских школьников он выиграл золотую медаль на Международной математической олимпиаде в Будапеште (Венгрия).

После окончания школы Григорий Перельман был зачислен на математико-механический факультет Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова без вступительных экзаменов. Регулярно одерживал победы на факультетских, городских и всесоюзных студенческих математических олимпиадах. Окончив университет с отличием, он поступил в аспирантуру при Ленинградском отделении Математического института имени В. А. Стеклова Академии наук СССР (ныне ПОМИ РАН). Там же Григорий Перельман защитил диссертацию на соискание степени кандидата физико-математических наук по теме «Седловые поверхности в евклидовых пространствах» и остался работать в институте старшим научным сотрудником.

В качестве преподавателя математик был приглашен в Нью-Йоркский университет и Университет Стоуни-Брук, где провел по одному семестру. Он продолжил преподавание и научную работу в Калифорнийском университете в Беркли. В то же время внимание Перельмана привлекла гипотеза Пуанкаре, которая была сформулирована в 1904 году французским математиком Анри Пуанкаре и оставалась неразрешенной.

Формулировка гипотезы звучит следующим образом: «Всякое односвязное компактное трехмерное многообразие без края гомеоморфно трехмерной сфере». Данная задача посвящена возможности изменения формы объекта при помощи непрерывной трансформации, но так, чтобы он не лишился своих топологических свойств. Перельман занялся этой проблемой после знакомства с американским математиком Ричардом Гамильтоном, который безуспешно пытался ее решить.

По возвращении в Санкт-Петербург математик возобновил работу в ПОМИ РАН. Ему была присуждена премия Европейского математического общества для молодых математиков, получить которую он отказался.

На сайте arXiv.org ученый разместил три препринта статьи, в которых кратко представил оригинальный метод доказательства гипотезы Пуанкаре. В своих статьях Перельман развил и довел до конца метод изучения потока Риччи, предложенный в 1980-е годы Ричардом Гамильтоном. Описанный российским математиком метод получил название теории Гамильтона — Перельмана. Ученый утверждает, что предложенная им теория позволяет не только доказать гипотезу Пуанкаре, но и решить более общую задачу — гипотезу геометризации Тёрстона (о свойствах произвольных трехмерных поверхностей), предложенную американским математиком Уильямом Тёрстоном.

Работы Григория Перельмана не получили статуса официальной научной публикации, так как arXiv.org не является рецензируемым журналом, но привлекли повышенное внимание профессионального научного сообщества. Российский математик принял приглашение посетить ряд университетов США (Массачусетский технологический институт, Принстонский университет и др.), где выступил с серией докладов о своей работе по доказательству гипотезы Пуанкаре.

Проверкой результатов Перельмана занимались независимые группы математиков в США и Китае. Они пришли к выводу, что гипотеза Пуанкаре полностью доказана российским ученым. В декабре 2006 года американский академический журнал Science назвал это событие научным прорывом года.

Григорий Перельман был назначен ведущим научным сотрудником ПОМИ РАН, но вскоре уволился из института и практически полностью прекратил общение с коллегами. Также он заявил о намерении оставить теоретическую математику.

Международный математический союз присудил Григорию Перельману золотую медаль Филдса «за вклад в геометрию и революционные достижения в понимании аналитической и геометрической структуры потока Риччи», однако ученый отказался и от ее получения без объяснения причин. Он также не принял «Премии тысячелетия» в один миллион долларов США за доказательство гипотезы Пуанкаре от Математического института Клэя. На его денежную премию Математический институт Клэя совместно с парижским Институтом Анри Пуанкаре учредил должность для молодых математиков.

В 2007 году британская газета Sunday Telegraph опубликовала список «100 ныне живущих гениев», в котором Григорий Перельман занял девятое место, а также вошел в десятку самых известных ученых российского происхождения, сформированную журналом Forbes.

Григорий Перельман никогда не был женат и не имеет детей. Как пишут СМИ, он ведет замкнутый образ жизни и проживает с матерью в Санкт-Петербурге, время от времени читает лекции за границей.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Порхун М. В.**
Особенности предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на котором расположены здания и сооружения 201
- Потапов В. Е.**
Проблематика соотношения нормативной дефиниции «коррупция» и трактовки данного термина в юридической литературе... 202
- Простев Е. Н.**
Особенности методов измерения латентной преступности..... 204
- Савкин Д. О., Лавриненкова М. В.**
Правовое регулирование ветеринарной деятельности в Российской Федерации 206
- Салейко Ю. И.**
Правовой статус помощника судьи общей юрисдикции 208
- Сафронова И. В.**
Проблемы правоприменения при осуществлении международной правовой помощи по гражданским и семейным делам..... 211
- Спиридонова К. С.**
Нормативно-правовое регулирование налогообложения субъектов малого предпринимательства 214
- Сурнин И. Н.**
Вопросы использования искусственного интеллекта в органах прокуратуры Российской Федерации 216
- Тагиев И. И.**
Корысть и её понимание в уголовном праве ... 219
- Тагиев И. И.**
К вопросу о неизгладимом обезображении лица 222
- Темир-Булатов Р. И.**
Актуальное состояние института наследования по закону в России 225
- Тимотин А. Ю.**
Обременение имущества, купленного на торгах 226
- Титков Н. А.**
Автоматизация криминалистического анализа данных в информационно-поисковых системах 228
- Титков Н. А.**
Особенности применения биометрических данных в криминалистических информационно-поисковых системах 230
- Толкачева Н. А.**
Юридические критерии и особенности информации, рассматриваемой в качестве рекламы..... 232
- Толкачева Н. А.**
Проблемы привлечения к административной ответственности лиц по части 1 статьи 14.3 КоАП РФ за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе 233
- Фролова В. С.**
Этика и правосознание в эпоху искусственного интеллекта 235
- Фролова В. С.**
Восприятие правовых норм в эпоху искусственного интеллекта 237
- Харламова А. В.**
Роль прокуратуры в борьбе с экстремизмом и терроризмом 239
- Цюпа А. М.**
Международные экономические договоры как источники международного частного права 242
- Чанкаев М. М.**
Особенности действия норм международного права в регулировании прокурорского надзора за деятельностью средств массовой информации 246
- Чистякова О. О.**
Методы и способы обеспечения режима чрезвычайного положения 249

Чувашова А. С.

О возможности заключения соглашения
о примирении сторон по делам
об оспаривании решений, действий
(бездействия) органов публичной власти..... 251

Шакирова Э. Р.

Особенности юридической техники
для устранения коррупциогенности
правовых норм 253

Шишелина В. А.

Юридическое содержание и состав
административно-правового статуса
государственного гражданского служащего... 255

Штрекер Н. В.

Прокурорский надзор в судебном процессе... 257

Яковлева Я. Е.

Административно-правовые аспекты защиты
прав потребителей в Российской Федерации ... 259

Якунина В. О.

Договорный режим имущества супругов 262

ИСТОРИЯ

Уманец М. А.

История освоения Кубанской области
немецкими и эстонскими поселенцами
во второй половине XIX века 266

ПОЛИТОЛОГИЯ

Вунш А. Н.

Формирование имиджа публичного
должностного лица 269

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на котором расположены здания и сооружения

Порхун Марина Владимировна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Статья посвящена особенностям предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на котором расположены здания и сооружения. Автор проводит анализ теоретических и практических аспектов данного процесса, обращая внимание на законодательство, судебную практику в данной сфере.

Ключевые слова: земельное законодательство, гражданское законодательство, земельные участки, государственная и муниципальная собственность.

До 1 марта 2015 года правила оформления прав на земли, занятые постройками, регулировались статьей 36 Земельного кодекса Российской Федерации [1]. Однако с вступлением в силу Федерального закона от 23 июня 2014 года № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] данная статья утратила свою законную силу. Новая версия Земельного кодекса Российской Федерации продолжает устанавливать, что владельцы зданий и сооружений, находящихся на определенных земельных участках, имеют возможность приобретать эти участки без проведения торгов.

Вместо вышеупомянутой 36 статьи был введен комплекс норм, который регулирует процесс приобретения земель правомочными собственниками зданий и сооружений, размещившихся на данных участках.

Процедура передачи земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности и на котором размещены здание или сооружение, регулируется статьей 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации.

Согласно общему правилу, право первоочередного получения земельных участков в собственность или аренду принадлежит гражданам и юридическим лицам, являющимся владельцами зданий и сооружений, расположенных на этих участках. Каждый заинтересованный правообладатель может лично подать в уполномоченный орган заявление на аренду данного земельного участка [3].

В течение тридцати дней с даты получения такого заявления уполномоченный орган обязан разослать другим правообладателям, имеющим право на соглашение об

аренде, проект договора аренды с указанием нескольких арендаторов.

Правообладатели должны в течение тридцати дней подписать предложенный договор и направить его в уполномоченный орган. Договор аренды составляется с теми, кто успел подписать его в указанный срок.

По практике судов в сфере гражданских дел возможно заключение дополнительного соглашения к аренде с множественностью арендаторов [4]. Такого рода соглашение не может изменять условия основного договора и предполагает вступление новых арендаторов с передачей им всех прав и обязанностей, за исключением тех, что сохранены за другими арендаторами.

Согласно ст. 247 ГК РФ [5] владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех её участников, а при недостижении согласия — в порядке, устанавливаемом судом. Согласно п. 1 ст. 35 ЗК РФ в случае перехода права собственности на здание, сооружение к нескольким собственникам порядок пользования земельным участком определяется с учётом долей в праве собственности на здание, сооружение или сложившегося порядка пользования земельным участком. Необходимое отступление от размера долей в целях использования земельного участка по назначению может быть компенсировано взысканием денежных сумм.

Согласно пункту 7 статьи 39.20 Земельного кодекса, в течение трех месяцев после предоставления подписанного договора аренды, уполномоченный орган обязан подать в суд иск о принуждении к подписанию этого договора теми правообладателями, которые его не представили.

В заключение статьи следует отметить, что процесс предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, требует внимательного учета различных факторов. Наличие построек и сооружений на земельном участке добавляет сложности, но также и редкие возможности для комплексного развития. Важно понимать, что такие участки требуют особого подхода с учетом их назначения, состояния и потенциальной выгоды для общества.

Кроме того, соблюдение всех юридических норм и процедур — залог успешного и законного использования

данных земель. Это включает в себя детальную экспертизу, согласование с заинтересованными сторонами и соблюдение требований экологии. В конечном итоге, грамотная организация процесса предоставления участков способствует не только их эффективному использованию, но и устойчивому развитию городской инфраструктуры.

При правильном подходе и ответственности со стороны всех участников, земельные участки с уже построенными зданиями могут стать основой для новых инициатив, удовлетворяющих современные потребности населения и повышающих качество жизни.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 сентября 2001 г. № 136-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г., № 319-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ.— 2001.— № 44, ст. 4147; 2024.— № 33 (Часть II), ст. 5015.
2. Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 13 июня 2023 г., № 228-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ.— 2014. № 26 (часть I), ст. 3377; 2023.— № 25, ст. 4417.
3. Разумовская, Е.В. Договорное право. Особенная часть: учебник для вузов / Е.В. Разумовская.— 3-е изд., перераб. и доп.— Москва: Издательство Юрайт, 2024.— 449 с. [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт [сайт].— URL: <https://urait.ru/bcode/534927> (дата обращения: 10.11.2024).
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.07.2024 N Ф10-2248/2024 по делу № А64-733/2023// [Электронный ресурс] — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2024).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г., № 237-ФЗ) [Текст] // СЗ РФ.— 1994. № 32, ст. 3301; 2024.— № 33 (Часть I), ст. 4933.

Проблематика соотношения нормативной дефиниции «коррупция» и трактовки данного термина в юридической литературе

Потапов Владислав Евгеньевич, студент

Научный руководитель: Патова Елена Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

В статье проанализированы ключевые проблемные вопросы, связанные с неоднозначным подходом к содержанию термина «коррупция» в законодательстве Российской Федерации и современной юридической доктрине.

Ключевые слова: коррупция, юридическая доктрина, законодательство Российской Федерации.

Для того, чтобы успешно противостоять такому сложному, многоаспектному явлению, как коррупция, пронизывающему все сферы жизни российского общества, представляется необходимым выработать единый подход к трактовке данного термина. Это позволит обеспечить более эффективное формирование перечня тех мер, которые будут способствовать если не полному искоренению данной проблемы, то хотя бы уменьшить степень ее влияния на нашу действительность: ведь всегда проще бороться с тем, что ясно для понимания всеми субъектами, участвующими в такой борьбе.

Между тем, юридическая доктрина до сих пор характеризуется плюрализмом мнений к трактовке понятия «коррупции».

Как подчеркивал в своих трудах А.С. Никифоров, «изначальная семантика слова и соответствующее ей общепринятое понимание термина дают основания считать коррупцией разложение государственного аппарата, общественных и частных служб, извращение возложенных на них функций и т.п. в результате подкупа их должностных лиц» [1].

Такой подход явно соотносится с самим происхождением слова «коррупция» от латинского «*corruption*», что значит «разложение».

К сторонникам данного подхода можно также отнести А.И. Долгову, А.И. Кирпичникова, Б.В. Волженкина.

Так, А.И. Долгова под коррупцией понимает «социальное явление, характеризующееся подкупом — продажностью государственных или иных служащих и на

этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [2].

А.И. Кирпичников подчеркивает, что «коррупция — это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества» [3].

Волженкин Б.В. также отмечает, что «коррупция — это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [4].

Другие авторы рассматривают коррупцию в более узком плане, в качестве правонарушения, которое запрещено уголовно-правовыми и моральными нормами. Например, Н.Ф. Кузнецова представляет коррупцию как «общественно опасное явление, выражающееся в подкупе служащих государственного аппарата и негосударственных структур» [5]. В этой связи она выделяет коррупцию как «коммерческий подкуп одних лиц другими в негосударственных структурах» [6], либо как «взятку, то есть подкуп чиновника» [7].

В целом же, обобщая указанные трактовки вкладываемого в понятие «коррупция» смысла различными правоведом, следует признать справедливость вывода Т.Я. Хабриевой, согласно которому «в науке сложились два подхода к понятию коррупции: узкий и широкий. В узком понимании коррупция есть совокупность составов преступлений и иных правонарушений, которые совершаются должностными лицами в корыстных целях и в ущерб публичным интересам. В широком смысле коррупция — это негативное социальное явление, поразившее публичный аппарат управления» [8].

Происходящие в течение длительного времени в научной доктрине дебаты, связанные с различным подходом разных авторов к оценке содержания термина «коррупция», наложили свой отпечаток и на формулировку нормативного определения данного понятия.

Она закреплена статьей 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», которая относит к коррупции «злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица» [9].

Между тем, что в проекте указанного Федерального закона определение коррупции было сформулировано

иным, более широким образом, в качестве социально-правового явления и коррупционного правонарушения как внешнего проявления коррупции, за которое наступает тот или иной вид юридической ответственности [10].

Несмотря на то, что формулировка термина «коррупция» в проекте закона была более удачной с точки зрения ее «наполнения», однако в принятой норме закона такая конструкция «пропала» и вместо неё были приняты «узконаправленные» положения, определившие коррупцию не как явление, а как правонарушение, должностное (служебное) преступление.

В этой связи было понятно возмущение отдельных правоведов, которые подвергли жёсткой критике диспозицию статьи 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», указав на ее явные недостатки, в числе которых были названы следующие:

- законодателем не приведен исчерпывающий перечень коррупционных преступлений;
- явление коррупции законодатель свел до уровня должностного (служебного) преступления;
- отсутствует указание на коррупционный признак;
- явление коррупции охватывает не только уголовные деяния, но и иные правонарушения (административные, гражданско-правовые деликты и т.д.), что не нашло отражения в определении [11].

В целом же, останавливаясь на отдельных проблемных аспектах нормативной дефиниции коррупции, сформулированной федеральным законодателем, обращают на себя внимание как недостатки юридической техники данной формулировки, когда, перечисляя конкретные антикоррупционные деяния, законодатель впоследствии производит расширительное пояснение, указывая, что в понятие «коррупция» входит и «иное незаконное использование...», так и содержательного наполнения, когда акцент делается на перечислении именно уголовно-наказуемых деяний. В то время как значительную роль в коррупционных проявлениях играют и те проявления коррупции, ответственность за совершение которых происходит в административном и дисциплинарном порядке [10].

Кроме того, ссылка в законодательной конструкции на «иное незаконное использование...» по своей сути ограничивает круг актов, признаваемых коррупционными, поскольку подразумевает под ними лишь активные действия, оставляя за рамками законодательной дефиниции коррупционное бездействие.

Таким образом, федеральный законодатель раскрывает понятие коррупции через внешние формы ее проявления. При этом ограничивая круг таких форм лишь активными действиями субъекта коррупционного поведения, оставляя вне поля зрения коррупционное бездействие.

В это связи, ряд авторов отмечают, что «произошла подмена понятий «коррупция» и «преступление коррупционной направленности» [11].

Вместе с тем, несмотря на всё несовершенство нормативной дефиниции понятия «коррупция», надо признать, что уже само собой появление в законодательстве Россий-

ской Федерации легального определения данного термина явилось важным шагом на пути создания основ по противодействию такому явлению.

Учитывая же «многополярность» трактовки понятия коррупции в юридической доктрине, представляется крайне необходимым объединение усилий научного сообществом и федерального законодателя с целью приведения

нормативной дефиниции данного термина к «единому знаменателю», который бы учитывал все передовые разработки правоведов в «наполнении» данной дефиниции и ликвидировал бы указанные выше недостатки ее законодательной конструкции.

Литература:

1. Никифоров А. С. Контроль над преступностью в России // Государство и право, 1994. — С. 79.
2. Криминология / под ред. А. И. Долговой. М.: ИНФРА-М, 1997.
3. Кирпичников А. Это модное слово «коррупция» // Российская провинция. Набережные Челны, 1995. № 5.
4. Волженкин Б. В. Коррупция как социальное явление // Чистые руки. 1999. № 1.
5. Криминология / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М.: МГУ, 1994.
6. Кузнецова Н. Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. — Сер. 11: Право, 1993. — № 1. — С. 25.
7. Кузнецова Н. Ф. Борьба с коррупцией в странах СНГ // Сб. материалов Межд. науч.-практ. конф. «Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы». / под ред. В. В. Лунеева. — Москва: Юристъ, 2001. — С. 344.
8. Хабриева Т. Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 7–14.
9. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
10. Шурыгин, Ф. Ф. Проблема толкования термина «коррупция»: особенности отечественных и зарубежных подходов / Ф. Ф. Шурыгин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 26 (316). — С. 198–201. — URL: <https://moluch.ru/archive/316/72087/> (дата обращения: 11.10.2024).
11. Мурашкин И. Ю. О понятии коррупции, сформулированном в Федеральном законе «О противодействии коррупции» // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2016. С. 279.
12. Плохов С. В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: Автореф. дис... канд. юрид. наук / С. В. Плохов. Саратов, 2017. С. 19.

Особенности методов измерения латентной преступности

Простев Егор Николаевич, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

На сегодняшний день латентную преступность называют одной из самых опасных видов преступности, которая незаметно наносит достаточно серьезный деструктив в общество и государство в целом. В связи с этим, в статье анализируются особенности методов измерения латентной преступности, которые смогут помочь правоохранителям в работе по выявлению и противодействию в будущем.

Ключевые слова: латентность, преступность, криминология, латентная преступность, методы измерения.

Проблема латентной преступности является одной из важнейших в области криминологии, поскольку она искажает реальное представление о преступности в Российской Федерации, давая ложное представление о состоянии безопасности в обществе. Латентная преступность — это преступления, которые не фиксируются официальной статистикой по разным причинам, включая страх жертв перед сообщением о преступлении, недостаток доверия к правоохранительным органам или

их недостаточную способность выявлять такие случаи. Чтобы получить более полную картину реального уровня преступности, исследователи сегодня используют специальные методы измерения латентной преступности, которые позволяют оценить масштабы, причины и особенности преступлений, которые не находят отражения в официальной статистике.

Для начала важно обратить внимание на тот факт, что латентная преступность включает все те преступные

деяния, которые остаются вне поля зрения официальных структур, включая случаи, когда:

1. Жертва не обращается в правоохранительные органы.
2. Правоохранительные органы не регистрируют преступление, либо его скрывают.
3. Преступление рассматривается как незначительное и не фиксируется.

Латентность (от лат. *latentis* «скрытый, невидимый») — термин, употребляемый для описания явления, предмета, внешне не проявляющегося либо скрытого [7, с. 143]. В случае латентной преступности речь идет о преступлениях, которые не попали в официальные статистические показатели в силу различного рода причин и факторов как естественного, так и искусственного характера.

Рассматриваемый вид преступности особенно характерен для таких деяний, как: домашнее насилие, финансовые преступления, коррупция и сексуальные домогательства. Латентность таких преступлений затрудняет анализ и выработку эффективных мер их профилактики. Так, по мнению Лунева В. В., латентная преступность приближается к 80–85% [5, с. 44]. В настоящее время, если судить по данным официальной статистики МВД, с одной стороны, ежегодно на протяжении 7 лет количество регистрируемых преступлений снижается, с другой стороны, ежегодно растет число заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях [3, с. 13].

Существует несколько методов, которые используются для измерения латентной преступности, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. Как показывает анализ криминологической литературы, «одними из наиболее эффективных при установлении уровня рассматриваемых видов скрытой преступности являются методы опроса и анкетирования» [2, с. 73].

Так, виктимизационные опросы представляют собой анкетирование населения с целью выявления преступлений, о которых не было сообщено в полицию. Данный метод позволяет получить информацию непосредственно от жертв, что помогает узнать о таких преступлениях, которые не зарегистрированы в официальных источниках. Как отмечает В. Ю. Арзамасов: «В результате первого такого исследования было выявлено, что число фактически совершенных преступлений в 3,5 раза превышает данные официальной уголовной статистики» [1, с. 241].

Преимущества данного метода заключаются в том, что он предоставляет возможность получения точной информации о реальном уровне преступности, выявляет причины, по которым жертвы не обратились в правоохранительные органы и предоставляет возможность анализа социально-демографических характеристик жертв. Совокупность методов и приемов позволяет установить приблизительные показатели общей фактической преступности в стране, что, в свою очередь, необходимо для определения направлений деятельности государства по снижению общего числа совершаемых преступлений.

Тем не менее, одним из серьезнейших недостатков данного метода является то, что опросы не всегда охватывают все слои населения, что может привести к выборочной ошибке, а также то, что респонденты могут не помнить или умышленно исказить информацию, особенно в случаях давних или малозначительных преступлений. Также, некоторые виды преступлений остаются трудно поддающимися выявлению через опросы, например, преступления против детей. Метод самооценочных опросов предполагает, что опрашиваемые лица сами признаются в совершении тех или иных преступлений. Данный метод обычно применяется в социологических исследованиях для выявления уровня преступности среди различных групп, например, среди молодежи или определенных профессиональных групп, позволяя исследовать не только преступления, которые не известны правоохранительным органам, но и мотивы, которые ими движут. Точно также как и в виктимизационных опросах, респонденты могут скрывать участие в преступной деятельности или выдавать ложные факты.

В свою очередь, метод экспертных оценок заключается в том, что группа экспертов на основе имеющихся данных и профессионального опыта делает свои собственные прогнозы, а также оценки масштабов латентной преступности. Экспертами могут выступать правоохранители, криминологи, социологи и другие специалисты, знакомые с тенденциями преступности в той или иной области, что помогает учесть профессиональное мнение в условиях дефицита данных и иметь возможность глубокого анализа, основанного на практическом опыте экспертов, что также может говорить о субъективности оценки, зависящей от уровня компетенции и опыта экспертов.

Контрольные исследования включают анализ отдельных дел и инцидентов с целью выявления скрытых преступлений. Хорошо зарекомендовали себя на практике локальные методы изучения латентности. Например, сведения о количестве фактов причинения вреда здоровью, полученные в поликлиниках, больницах, можно сопоставить с данными органов милиции, прокуратуры, суда [5, с. 175]. Такие исследования часто проводятся в рамках криминологических программ, которые отслеживают эффективность деятельности правоохранительных органов, а также причины, по которым те или иные преступления остаются нераскрытыми. Такой метод помогает выявить конкретные проблемы в системе регистрации преступлений и может быть использован для совершенствования работы правоохранительных органов. Тем не менее, данный метод достаточно трудоемок и требует значительных ресурсов.

Каждый из методов измерения латентной преступности имеет свои сильные и слабые стороны; например, виктимизационные опросы эффективны для выявления преступлений, связанных с насилием, но могут быть малоэффективны для выявления коррупции. Самооценочные опросы хорошо подходят для оценки уровня преступности среди молодежи, но имеют низкий уровень достоверности данных, в свою очередь, экспертные оценки

дают полезные прогнозы, однако их точность может зависеть от субъективных факторов. Как отмечает В. В. Карпеев: «Данные, полученные в результате применения какого-либо метода, не следует принимать как абсолютную истину, без последующей проверки путем использования другого метода, что позволит говорить, о достаточно достоверном установлении уровня латентной преступности» [4, с. 142].

Таким образом, можно сказать о том, что методы измерения латентной преступности играют важную роль

в криминологии, так как они позволяют дополнить официальные данные о преступности и получить более полное представление о ее реальных масштабах. Рассмотренные методы помогают не только выявить скрытые преступления, но и понять их причины, а также особенности восприятия преступности в обществе, а современные подходы к измерению латентной преступности требуют комплексного использования различных методов, чтобы добиться наиболее точных и полных результатов.

Литература:

1. Арзамасов, В. Ю. Латентная преступность: понятие, негомогенная природа, превентивные меры / В. Ю. Арзамасов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2022. — № 1(48). — С. 237–250.
2. Гавриленко, В. А. К вопросу об отдельных видах латентной преступности / В. А. Гавриленко, В. В. Карпеев // Актуальные проблемы государства и права. — 2020. — Т. 4, № 13. — С. 68–76.
3. Гусейнова, Ш. А. Масштабы латентной преступности, методы оценки и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел РД / Ш. А. Гусейнова, А. Г. Таилова // Colloquium-Journal. — 2020. — № 8–7(60). — С. 12–16.
4. Карпеев, В. В. Латентная преступность / В. В. Карпеев, Н. М. Силуянова // Российское законодательство в сфере борьбы с пожарами и другими стихийными бедствиями: история и современность. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 137–143.
5. Платошин, Ю. А. Сущность латентной преступности / Ю. А. Платошин // Право и образование. — 2011. — № 5. — С. 171–176.
6. Яхьяева, М. У. Общая характеристика латентной преступности / М. У. Яхьяева // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. — 2017. — № 4(28). — С. 143–145.

Правовое регулирование ветеринарной деятельности в Российской Федерации

Савкин Денис Олегович, студент магистратуры;
Лавриненкова Мария Владимировна, студент магистратуры
Смоленский государственный университет

Статья рассматривает противоречия современного законодательства, касающиеся ветеринарной деятельности в РФ — лицензирование ветеринарной деятельности, качество ветеринарных услуг.

Ключевые слова: ветеринарная деятельность, ветеринарная сфера, ветеринарные услуги, лицензирование ветеринарной деятельности.

Тема ветеринарных услуг в России становится все более актуальной, но проблемы правового регулирования в этой области остаются недостаточно изученными юристами. Существующая юридическая научная литература лишь частично затрагивает вопросы, связанные с правовыми отношениями в ветеринарной сфере.

В работе ветеринаров в России предстоит решать многочисленные задачи, охватывающие широкий спектр деятельности. Перечислим основные задачи, стоящие перед ними.

Одной из ключевых задач является организация мероприятий по профилактике и искоренению заболеваний, передающихся от животного к животному и от животного к человеку. Эти болезни могут проявляться в различных

формах и поражать сельскохозяйственных и домашних животных, рыб, пчел, птиц и диких животных.

Для предотвращения эпидемий необходимо разрабатывать и внедрять региональные планы ветеринарного обслуживания животноводства. Ключевым аспектом является подготовка квалифицированных специалистов в области ветеринарии, производство эффективных лекарственных препаратов и технических средств ветеринарного назначения, а также проведение научных исследований по актуальным проблемам в ветеринарной сфере.

Особенно важным является обеспечение безопасности территории Российской Федерации от панзоотических заболеваний, таких как чума свиней и ящур. Эти заболевания имеют широкий спектр распространения и часто

поступают из-за границы, из других стран. Для обеспечения эффективного контроля необходим строгий надзор со стороны органов исполнительной и государственной власти, предприятий, учреждений, организаций, иных коммерческих структур, а также общественных объединений, международных организаций, иностранных юридических лиц и граждан Российской Федерации [9, с. 375].

В настоящее время наблюдается увеличение спроса на ветеринарные услуги в связи с ростом числа домашних животных, а также повышается внимание их владельцев к обеспечению здоровья питомцев.

Правовое регулирование ветеринарных услуг осуществляется Законом РФ «О ветеринарии» от 14 мая 1993 г. № 4979-1. Для оказания платных ветеринарных услуг существует правовое регулирование в соответствии с нормами главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ). Кроме того, при заключении договора возмездного оказания ветеринарных услуг возможно применение общих положений о подряде, при условии их согласования со статьями 779–782 ГК РФ и особенностями предмета договора услуг [2].

Помимо положений ГК РФ данные отношения регулируются Правилами оказания платных ветеринарных услуг, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 6 августа 1998 г. № 898 [7]. В случае, если одной из сторон договора оказания ветеринарных услуг является гражданин-потребитель, к нему применяются положения Закона РФ «О защите прав потребителей» [3]. Многие из этих документов были приняты давно и не всегда соответствуют современным условиям.

В настоящее время срочно требуется пересмотр всей нормативно-правовой базы в сфере ветеринарии. Особое внимание следует уделить пересмотру Закона Российской Федерации «О ветеринарии» от 14 мая 1993 года № 4979/1-1. Данный Закон противоречит Конституции РФ, Гражданскому Кодексу РФ, Закону РФ от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Другие нормативные документы, регулирующие деятельность ветеринарных предприятий в области лечения, профилактики, лабораторной диагностики, производства и торговли, не подлежат регистрации в Минюсте РФ, так как все они издаются Департаментом ветеринарии Минсельхоза РФ — структурным подразделением федерального органа власти. Поэтому они не обладают юридической силой [8, с. 29].

Практика показывает, что существует множество противоречий в оказании платных ветеринарных услуг в нашей стране. Одним из них является вопрос лицензирования ветеринарной деятельности. Отмена лицензионных требований к ветеринарам в 2007 году негативно сказалась на качестве предоставляемых услуг, поскольку это привело к утрате контроля над деятельностью ветеринарных организаций. Следовательно, важно восстановить систему государственного контроля за ветеринарной деятельностью через введение лицензирования, чтобы обеспечить высокий уровень качества услуг в этой сфере.

В связи с вышесказанным, предлагается внести дополнение о ветеринарной деятельности в статью 12 Федерального закона РФ «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ. Лицензия на ветеринарную деятельность должна быть разрешительной по способу получения и краткосрочной по сроку действия (до 1 года). При переоформлении лицензии срок ее действия может быть увеличен до максимум 3 лет в зависимости от желания лицензиата и качества предоставляемых услуг. Решение о выдаче лицензий должно приниматься на основе заключений и рекомендаций экспертного совета или Ассоциации практикующих ветеринарных врачей в качестве независимого учреждения. Один из важных требований для кандидата на лицензию (лицензиата) — наличие высшего профессионального образования, послевузовского или дополнительного профессионального образования, опыт работы по специальности не менее 5 лет, а также регулярное повышение квалификации специалистов, выполняющих работы (услуги), не реже чем раз в 5 лет [6].

В настоящее время в Российской Федерации действует Закон «О ветеринарии», в котором установлены строгие требования к лицам, предоставляющим ветеринарные услуги. Согласно статье 4 этого Закона, право на занятие ветеринарной деятельностью имеют специалисты с высшим или средним ветеринарным образованием [4]. Все эти меры повысят контроль за качеством ветеринарных услуг в нашей стране.

Сегодня в России возникла острая проблема с качеством ветеринарных услуг и доказательством причиненного ущерба. Одним из ключевых условий договора на оказание ветеринарных услуг является их качество. На практике качество ветеринарной помощи напрямую зависит от результатов и эффективности лечения, что, в свою очередь, определяется уровнем квалификации ветеринарного врача, правильным анализом и выбором методики лечения животного. Кроме того, важное значение имеет качество применяемых ветеринарных препаратов, то есть лекарственных средств для животных [9, с. 376].

В настоящее время качество ветеринарных услуг в России не подвергается специальному регулированию нормативными актами. Основными критериями качества ветеринарных услуг являются условия договора и положения Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей». При оказании ветеринарных услуг, которые привели к неправильному постановлению диагноза, неправильному лечению, причинению вреда животному или даже его гибели, потребитель (владелец животного) часто сталкивается с трудностями в доказательстве ветеринарной ошибки. Это связано с недостаточным развитием системы экспертизы качества ветеринарных услуг в России [3].

По результатам анализа действующего законодательства выяснилось, что на данный момент отсутствуют нормативные документы, регулирующие независимую ветеринарно-экспертную деятельность. В законе РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»

от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ не содержит обязательного требования к тому, чтобы судебная экспертиза выполнялась исключительно сотрудниками экспертных учреждений. Любое лицо, обладающее необходимыми знаниями для вынесения заключения, может быть приглашено в качестве эксперта [5].

Рекомендуется расширить законодательство в области ветеринарной деятельности, устанавливая, что в качестве

экспертов могут выступать врачи-ветеринары с высоким уровнем квалификации, большим опытом работы и другими соответствующими качествами.

Таким образом, необходимо дополнить действующее законодательство в области ветеринарии в части формы и содержания экспертных заключений. Из вышеизложенного делается вывод, что ветеринарное законодательство нуждается в доработке и усовершенствовании.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 06.10.2022) // Российская газета. — 2020. — № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ, часть третья (ред. от 8 августа 2024 № 237-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (ред. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ) // Российская газета. — 07.04.1992.
4. Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4979-I «О ветеринарии» (ред. от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ) // Ведомости СНД РФ. — 1993. — № 24. — Ст. 857.
5. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22 июля 2024 г. № 191-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2291.
6. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 8 августа 2024 г. № 324-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2716.
7. Постановление Правительства РФ от 6 августа 1998 г. № 898 «Об утверждении Правил оказания платных ветеринарных услуг» (ред. от 4 февраля 2021 г. № 114) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 33. — Ст. 4012.
8. Арндт, О. В. Несовершенство правового регулирования ветеринарной деятельности в РФ и пути его преодоления / О. В. Арндт // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. Сборник статей и тезисов. — 2021. — С. 28–31.
9. Сергеев, А. А. Ветеринарная деятельность и правовое регулирование в данной сфере / А. А. Сергеев, А. Д. Брик // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. — 2021. — С. 375–378.

Правовой статус помощника судьи общей юрисдикции

Салейко Юлия Ивановна, студент

Научный руководитель: Пак Валерий Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В настоящей статье автором рассмотрены вопросы, раскрывающие проблемы, возникающие в связи с осуществлением должности государственного гражданского служащего — помощника судьи.

В структуре аппарата суда в Российской Федерации наиболее квалифицированным сотрудником, чья деятельность направлена на оказание содействия судье в осуществлении его полномочий, является помощник судьи. Вместе с тем правовое положение помощника судьи действующим законодательством в достаточной степени не определено. Помощник судьи, как и секретарь судебного заседания, не входит и в число участников судопроизводства. Фактически права и обязанности помощника судьи определяются его должностным регламентом. Подобная ситуация не позволяет говорить об эффективности взаимодействия между судьей и его помощником ввиду отсутствия системного подхода к определению основ этого взаимодействия, создает условия для нарушения прав данной категории служащих и может привести к служебному конфликту.

Введение должности помощника судьи в Российской Федерации в начале 2000-х годов было обусловлено необходимостью уменьшения нагрузки на судей, освобождения их от технической работы при подготовке и рассмотрении судебных дел. За время своего существования институт помощников судей в России зарекомендовал себя с положительной стороны, однако во многом его потенциал до настоящего времени не реализован, цель введения указанной должности не была достигнута в полной мере.

Законодательное закрепление процессуального статуса помощника судьи в российском судопроизводстве, наделение его рядом процессуальных прав и обязанностей позволило бы устранить правовую неопределенность в его процессуальном положении, способствовало возрастанию его роли и значимости в судебной системе, а также повышению авторитета судебной власти и доверия общества к судебной власти.

Ключевые слова: помощник судьи, правовой статус, материальное обеспечение, отправление правосудия, расширение процессуальных полномочий.

The legal status of an assistant judge of general jurisdiction

Saleiko Yulia Ivanovna, student

Scientific advisor: Pak Valery Alexandrovich, candidate of law sciences, associate professor
East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk)

In this article, the author examines the issues that reveal the problems that arise in connection with the exercise of the position of a state civil servant — an assistant judge.

In the structure of the court apparatus in the Russian Federation, the most qualified employee whose activities are aimed at assisting a judge in the exercise of his powers is an assistant judge. At the same time, the legal status of the assistant judge is not sufficiently defined by the current legislation. The assistant judge, as well as the secretary of the court session, is not included in the number of participants in the proceedings. In fact, the rights and duties of an assistant judge are determined by his official regulations. Such a situation does not allow us to talk about the effectiveness of interaction between a judge and his assistant due to the lack of a systematic approach to determining the basics of this interaction, creates conditions for violating the rights of this category of employees and can lead to an official conflict.

The introduction of the position of an assistant judge in the Russian Federation in the early 2000s was due to the need to reduce the burden on judges and relieve them of technical work in the preparation and consideration of court cases. During its existence, the Institute of assistant judges in Russia has proven itself positively, but in many ways its potential has not yet been realized, the purpose of introducing this position has not been fully achieved.

Constitutional and legal sanctions have some peculiarities in comparison with other types of sanctions. For example, constitutional and legal sanctions can be applied by a fairly wide range of specially authorized entities (authorities). This type of sanctions can also be applied by an instance to unaccountable entities, which is how it differs from disciplinary penalties.

Legislative consolidation of the procedural status of an assistant judge in Russian judicial proceedings, granting him a number of procedural rights and obligations would eliminate legal uncertainty in his procedural position, contribute to an increase in his role and importance in the judicial system, as well as increase the authority of the judiciary and public confidence in the judiciary.

Keywords: assistant judge, legal status, financial support, administration of justice, expansion of procedural powers.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3] и должностным регламентом соответствующего суда помощник судьи является государственным гражданским служащим.

Должность помощника судьи впервые появилась в 2000 г. в Арбитражных судах, после введена в судах общей юрисдикции. Изначально полномочия помощника судьи не были закреплены в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [1], при ведении протоколов судебных заседаний помощник судьи в протоколе указывал себя в качестве секретаря судебного заседания и подписывал протокол.

В силу Федерального закона от 29.07.2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» полномочия помощника закреплены в ст. 47.1 Гражданского процессуального кодекса РФ [5, с. 172].

Правовой статус помощника судьи включает перечень всех прав по исполнению и обеспечению полномочий

суда. Элементом правового статуса должности государственной службы является также ответственность. Осуществлением необходимых мероприятий, направленных на создание условий, обеспечивающих ведение судопроизводства, занимаются работники аппарата суда: служащие канцелярии, секретари суда, секретари судебных заседаний, помощники судей, консультанты, архивариусы, делопроизводители.

В аппаратах судов субъектов РФ к категории «руководители» отнесены начальник, заместитель начальника отдела; в аппаратах районного суда, гарнизонного военного суда — начальник, заместитель начальника отдела.

Категория «помощники (советники)» — должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим в том числе государственные должности, в реализации их полномочий и замещаемые на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц.

В аппаратах судов субъектов РФ — помощники председателя суда, помощники судей; в аппаратах районного суда, гарнизонного военного суда — помощник председа-

теля суда, помощники судей, в аппарате мирового судьи — помощник мирового судьи.

Помощник судьи не может быть наделен полномочиями по осуществлению правосудия, его работа консультационного, вспомогательного порядка, однако интеллектуально мало чем отличается от работы судьи [11, с. 350].

Вместе с тем несмотря на десятилетнюю историю существования института помощников судей в России, законодательно он в достаточной мере не урегулирован, что является фактором, препятствующим проведению оптимизации деятельности судов, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть вопрос о правовом статусе помощника судьи.

Элементы правового статуса помощника судьи устанавливаются следующими нормативно-правовыми актами.

Согласно статье 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [2], судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей.

В соответствии с частью 1 статьи 33 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», районный суд формируется в составе председателя районного суда, его заместителя (заместителей) и судей районного суда, назначаемых на должность в количестве, достаточном для обеспечения права граждан, проживающих на территории судебного района, на доступность правосудия.

Статьей 1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [4] установлено, что судьями являются лица, в конституционном порядке наделенные полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе.

В соответствии с частью 1 и частью 2 статьи 38 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», организационное обеспечение деятельности федерального суда общей юрисдикции по осуществлению правосудия возлагается на аппарат этого суда, который, согласно статье 32 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» подчиняется председателю соответствующего суда [8, с. 148].

В подготовке дела к судебному разбирательству по поручению судьи может участвовать помощник судьи, который оказывает судье содействие в организации судебного процесса, его планировании, в организации проведения собеседования и предварительного судебного заседания, совершает иные действия, связанные с оказанием содействия судье в подготовке дела к судебному разбирательству, в том числе информирует судью о наличии доказательств надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, об их ходатайствах и заявлениях, связанных с ор-

ганизацией процесса и движением дела. После ознакомления с иском, заявлением, жалобой помощник судьи на данной стадии процесса может подготовить документы по нормативно-правовой базе по конкретному делу, включая нормы международного права, уточнить вопросы обновления законодательства и т.д.

К основным обязанностям помощника судьи относятся: изучение заявления, жалобы, внесение предложений по их разрешению; изучение гражданских дел и материалов, поступивших судье для рассмотрения по существу; подготовка проектов судебных документов; оказание помощи судье в подготовке дела к судебному разбирательству.

В соответствии со ст. 2 ГПК РФ задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду [9, с. 20].

Исходя из этих задач, помощник судьи должен выполнять свои обязанности в установленные сроки. Также помощник судьи должен иметь в виду, что закон возлагает на судью полномочия по руководству процессом, поэтому деятельность помощника судьи должна осуществляться строго в рамках указаний, получаемых им от судьи.

Помощник судьи, рассматривающего гражданские дела, должен знать содержание и понимать смысл каждой процессуальной нормы, рассматривать ее в неразрывном единстве с другими нормами Гражданского процессуального кодекса РФ.

По нашему мнению, в ГПК РФ необоснованно отсутствует отдельная глава, посвященная статусу всех участников гражданского судопроизводства, включая лиц, содействующих осуществлению правосудия, что затрудняет установление круга таких субъектов. В связи с этим представляется целесообразным по аналогии с АПК РФ закрепить круг всех участников гражданского процесса в отдельной главе, а лиц, содействующих осуществлению правосудия, — в конкретной статье. Действующий ГПК РФ четко не регламентирует правовой статус эксперта, специалиста и переводчика в гражданском процессе, что, на их взгляд, является существенным упущением, поскольку их статус достаточно значим для гражданского процесса, а отсутствие конкретных требований (критериев) к эксперту, специалисту (педагогу, психологу) и переводчику приводит к различным ошибкам в судебной практике [6, с. 104].

Несмотря на то, что с 1 сентября 2019 г. ст. 49 «Лица, которые могут быть представителями в суде» ГПК РФ излага-

ется в новой редакции, считаем, что положения о представительстве не претерпели фундаментальных изменений. Очевидно, что представителя необходимо рассматривать в качестве самостоятельного субъекта гражданского процесса. В перспективе развития законодательства видится закрепление в ГПК РФ отдельных статей, определяющих и конкретизирующих правовой статус представителя как иного участника процесса, действующего по правилам, предусмотренным главой о представительстве. Анализ полномочий помощника судьи (ст. 47.1 ГПК РФ), а также процессуальных полномочий и цели участия секретаря судебного заседания позволяет сделать вывод о том, что они по своему статусу вполне могут быть отнесены к лицам, содействующим осуществлению правосудия [10, с. 65].

Анализируя научные исследования, приходим к выводу, что необходимо законодательно закрепить процессуальный статус помощника судьи, так как за время своего существования институт помощников судей в России рекомендовал себя с положительной стороны, однако во многом его потенциал до настоящего времени не реализован, цель введения указанной должности не была достигнута в полной мере. Данное обстоятельство связано с тем, что, закрепив в ГПК РФ отдельные положения, связанные с участием помощника судьи в гражданском судопроизводстве, законодатель не наделил его достаточным объемом процессуальных прав и обязанностей для осуществления полноценной гражданско-процессуальной деятельности, оставив неопределенным его процессуальный статус.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ: ФЗ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изменениями от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (с изменениями от 16 апреля 2022 г.) // СЗ РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (с изменениями от 8 августа 2024 г.) // СЗ РФ. — 2004. — № 31. — Ст. 3215.
4. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 (с изменениями от 27 ноября 2023 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 30. — Ст. 1792.
5. Глушков В. В. К вопросу о статусе помощника судьи и секретаря судебного заседания районных судов / В. В. Глушков // Вестник КГУ. — 2019. — № 4. — С. 170–174.
6. Глыбина И. В. Участие помощника судьи в уголовном (гражданском, административном) судопроизводстве / И. В. Глыбина // Молодой ученый. — 2023. — № 5(452). — С. 103–106.
7. Григорьев И. С. Помощники суда: российский Конституционный суд и Уполномоченный по правам человека / И. С. Григорьев // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). — 2022. — № 1(104). — С. 92–109.
8. Кузин С. А. Институт помощников судей в Российской Федерации и перспективы его развития / С. А. Кузин // Юридическая наука. — 2022. — № 7. — С. 147–151.
9. Нестеров В. М. Помощник мирового судьи / В. М. Нестеров // Мировой судья. — 2023. — № 4. — С. 19–23.
10. Поливцева А. А. К вопросу о правовом статусе помощника судьи в гражданском и арбитражном судопроизводстве / А. А. Поливцева. — Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. — С. 65–66.
11. Шеина В. А. К вопросу о правовом статусе помощника судьи / В. А. Шеина // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: Сборник научных трудов. Том Выпуск 4. — Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2023. — С. 349–352.

Проблемы правоприменения при осуществлении международной правовой помощи по гражданским и семейным делам

Сафронова Ирина Викторовна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассматриваются ключевые проблемы правоприменения, возникающие при осуществлении международной правовой помощи в области гражданских и семейных дел. Актуальность исследования обусловлена растущей сложностью международных отношений, а также увеличением числа транснациональных споров, требующих взаимодействия

между юрисдикциями различных государств. Анализируются правовые рамки, установленные международными договорами и конвенциями, а также их применение в разных правовых системах, предлагаются рекомендации по улучшению правоприменительной практики и совершенствованию существующих механизмов. В заключение подчеркивается необходимость дальнейшего исследования и разработки унифицированных норм для обеспечения надлежащей правовой помощи и защиты прав граждан на международном уровне.

Ключевые слова: международная правовая помощь, гражданские дела, семейные дела, правоприменение, транснациональные споры, международные договоры, правовые системы, культурные различия, языковые барьеры, унифицированные нормы, правовая защита, юридическое сотрудничество, международное право.

Problems of law enforcement in the implementation of international legal assistance in civil and family matters

Safronova Irina Viktorovna, student master's degree
International Law Institute (Moscow)

The article examines the key problems of law enforcement that arise in the implementation of international legal assistance in the field of civil and family affairs. The relevance of the study is due to the growing complexity of international relations, as well as an increase in the number of transnational disputes requiring interaction between jurisdictions of different states. The article analyzes the legal framework established by international treaties and conventions, as well as their application in different legal systems, and offers recommendations for improving law enforcement practice and improving existing mechanisms. In conclusion, the need for further research and development of unified norms to ensure adequate legal assistance and protection of citizens' rights at the international level is emphasized

Keywords: international legal assistance, civil cases, family cases, law enforcement, transnational disputes, international treaties, legal systems, cultural differences, language barriers, unified norms, legal protection, legal cooperation, international law.

Международная правовая помощь представляет собой важный механизм, способствующий взаимодействию государств в решении правовых вопросов. Особенно это актуально в области гражданских и семейных дел, где вопросы юрисдикции, исполнения судебных решений и признания иностранных актов занимают значительное место. Несмотря на развитую нормативную базу и активное сотрудничество стран, существуют серьезные проблемы правоприменения, которые влияют на эффективность международного правосудия [1, с. 48].

Одной из основных проблем является наличие неопределенности в правовых нормах и процедурах, регулирующих международную правовую помощь. Разные государства могут интерпретировать одни и те же международные соглашения по-разному. Это приводит к правовым несоответствиям и затрудняет процесс реализации правовой помощи. Например, в случаях, когда требуется выполнение решений суда, различия в законодательстве между странами могут стать преградой для успешного выполнения запросов.

Язык представляет собой еще одну значимую преграду. Документы, представляющие интерес для одной страны, могут потребовать перевода на официальный язык другой страны. Неправильный или некачественный перевод может привести к потере важных нюансов, что, в свою очередь, может вызвать юридические осложнения или замедлить процесс. [2, с.125]

Юрисдикционные конфликты часто возникают в случаях, когда правовые системы разных стран не совпадают.

В современных условиях гражданские и семейные дела могут быть связаны с несколькими юрисдикциями, что затрудняет определение суда, который должен рассматривать дело. Например, в случае международного брака или транснационального наследства может возникнуть вопрос о применимом праве и компетентных органах, что влечет за собой дополнительные сложности в процессе правоприменения.

Культурные и правовые различия между странами могут также влиять на правоприменение в сфере гражданского и семейного права. Например, вопросы, касающиеся опеки над детьми, алиментов или разводов, могут регулироваться по-разному в разных странах. Эти отличия могут привести к трудностям в реализации международной правовой помощи, если одна из сторон не принимает практику, существующую в другой стране.

Хотя существуют некоторые международные конвенции, такие как Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (Гаага, 19 октября 1996 г.) [3] и другие правовые инструменты, не все страны являются участниками этих соглашений. Это создает пробелы в правовом регулировании и препятствует эффективной правовой помощи. Некоторые государства могут не иметь четкого законодательства, связанного с международной правовой помощью, что еще больше усложняет правоприменение.

На уровне практического взаимодействия между органами юстиции разных стран также возникают сложности. Не всегда имеется четкая система коммуникации между судебными и исполнительными органами. Механизмы оперативного обмена информацией могут быть недостаточными, что ведет к задержкам в рассмотрении дел и исполнении судебных решений.

Исполнение иностранных судебных решений может столкнуться с рядом сложностей. Разные страны имеют различные подходы к признанию и приведению в исполнение решений судов других юрисдикций. Для этого может потребоваться соблюдение определённых процедур, таких как легализация документов или подтверждение соблюдения принципов взаимности. [4, с. 187] При отсутствии соответствующей правовой базы в стране, которая должна исполнить решение, исполнение может быть полностью невозможно.

Правовая культура и отличия в правовых системах также играют значительную роль в международной правовой помощи. В странах с различными правовыми традициями (например, общим правом и континентальным правом) могут возникнуть разногласия в применении норм, что затрудняет процесс правосудия. Например, принцип соразмерности или добросовестности может трактоваться по-разному, что влияет на итоговые решения судов.

Многие страны сталкиваются с ограниченными ресурсами и административными барьерами при реализации международной правовой помощи. Внутренние суды и административные органы могут не иметь достаточного количества квалифицированного персонала или современного оборудования, необходимых для обработки международных запросов. Это приводит к задержкам и возможному ухудшению качества предоставляемой помощи.

В рамках международной правовой помощи также возникает вопрос о соблюдении прав человека. В некоторых юрисдикциях может существовать риск, что признание и исполнение иностранных судебных решений приведёт к нарушению прав одного из сторон спора, особенно если дело рассматривается в стране, где не обеспечиваются необходимые гарантии защиты. [5, с.98]. Например, в случаях, когда речь идет о передаче детей в международных семейных спорах, необходимо учитывать также мнение самого ребенка, его желание и интересы, что может не всегда быть учтено.

Нехватка международной координации и взаимодействия между правоохранительными органами и судебными системами различных стран создаёт дополнительные сложности. Региональные организации, такие как Европейский Союз, делают шаги в этом направлении, но на глобальном уровне сотрудничество остаётся недостаточным.

Несмотря на существование различных механизмов международной правовой помощи, проблемы правоприменения остаются актуальными и требуют внимания со стороны международного сообщества. Улучшение коор-

динации между государственными органами, развитие единой правовой базы, работа над устранением языковых и культурных барьеров, а также активное внедрение современных технологий могут способствовать более эффективному решению гражданских и семейных дел на международном уровне [6, с. 78]. Обеспечение стабильной и четкой правоприменительной практики в этой сфере будет иметь важное значение для защиты прав граждан и улучшения взаимодействия между государствами.

Международная правовая помощь также тесно связана с политикой и дипломатическими отношениями между государствами. Например, товарищеские или конфликтующие отношения между государствами могут существенно повлиять на эффективность и скорость международной правовой помощи. В ситуациях, когда одно из государств может быть обеспокоено возможными последствиями передачи информации или исполнения судебного решения (оговорка о публичном порядке), это может привести к отказу в помощи или к затягиванию процесса.

Неправительственные организации играют важную роль в международной правовой помощи. Они могут выступать посредниками, предоставлять юридическую помощь и защищать права граждан, что особенно актуально в странах с недостаточно развитой правовой системой. НПО могут также проводить мониторинг соблюдения прав человека в рамках международных правовых процедур, что помогает обеспечить справедливость и прозрачность в процессе.

С развитием технологий и увеличением глобализации процесс обеспечения международной правовой помощи становится более быстрым и эффективным. Современные технические средства, такие как электронная подача документов и видеоконференции, начинают значительно менять подходы к взаимодействию между судебными системами разных стран. Тем не менее, важно помнить о защите данных и правовых норм, которые могут различаться в зависимости от юрисдикции [7, с. 167].

Международная правовая помощь представляет собой многоуровневый, сложный процесс, требующий учёта множества обстоятельств, включая правовые нормы, общественные и политические условия, культурные различия и технические свойства. Для повышения эффективности международной правовой помощи необходимы как конструктивные изменения в международном праве, так и активное вовлечение различных субъектов: от государственных органов до неправительственных организаций и международных организаций. При наличии желания к сотрудничеству и готовности к решению вопросов на международном уровне можно значительно улучшить эффективность правоприменения и защиту прав граждан каждой страны. Важно двигаться в направлении улучшения координации, обмена информацией и практиками, а также реализации международных стандартов, чтобы обеспечить справедливое и быстрое правосудие для всех.

Литература:

1. Международное частное право: учебник / Е. Р. Аминов, Н. Г. Валеева и др. под редакцией Б. М. Гонгалло. — Москва: Статут, 2020. С. 48
2. Осавелюк Е. А. Международный гражданский процесс в системе российского права: монография / Е. А. Осавелюк. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: лань. 2024. С. 125
3. Конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам (Заключена в г. Гааге 02 октября 1973) (в ред. 23.11.2007) // Международное частное право. Сборник документов. М. БЕК. 1997. С. 712–722.
4. Сеницын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: монография; С. А. Сеницын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации — М Инфотропик Медиа, 2020. С. 187
5. Хабриева Т. Я. Международное правосудие как фактор интеграции: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер. — Москва: ИНФРА-М, 2020. С. 98.
6. Шепида В. Д. Международная правовая помощь по гражданским делам // Актуальные исследования. 2020. № 15 (18). С. 76–84., С. 78 URL: <https://apni.ru/article/> (дата обращения: 30.06.2024)
7. Курбанов Р. А., Международное частное право: учебник / под ред. Р. А. Курбанова, А. С. Лалетина А. С. — Москва: Проспект. 2023. С. 167

Нормативно-правовое регулирование налогообложения субъектов малого предпринимательства

Спиридонова Ксения Сергеевна, студент

Научный руководитель: Иванова Валентина Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ульяновский государственный университет

В статье определены параметры классификации организаций как субъектов малого бизнеса. Также рассмотрены особенности режимов налогообложения, которые могут применяться представителями малого бизнеса.

Ключевые слова: малое предпринимательство, малый бизнес, налогообложение, специальные налоговые режимы.

При рассмотрении правового поля, выделим следующее, ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации понимает предпринимательство в качестве независимой, реализуемой на собственный риск деятельности, которая ориентирована на постоянное формирование прибыли, которая связана с применением активов, с реализацией продукции, с осуществлением работ, либо с предоставлением услуг субъектами, которые зарегистрированы как индивидуальные предприниматели, либо хозяйствующие субъекты в соответствии с правовым полем.

Таким образом, хозяйственная активность может реализовываться посредством различных юридических структур, при этом масштабы операций могут значительно варьироваться между экономическими агентами, равно как и количество сотрудников и иные параметры. Учитывая данные обстоятельства, принято дифференцировать предприятия на микропредприятия, на малые предприятия, на средние предприятия, а также на крупные предприятия.

Федеральный Закон № 209-ФЗ от 24 июля 2007 года «О развитии МСП в РФ» устанавливает параметры классификации предприятий по масштабу деятельности [3].

В соответствии с названным НПА микропредприятиями являются организации, в которых количество сотрудников меньше или равно 15, а выручка за год равна до 120 миллионов рублей. При численности персонала 15–100 человек и обороте за год не более 800 млн руб. организации относятся к малым предприятиям.

Малые предприятия представляют собой элемент экономической системы, оказывающий значительное влияние на динамику хозяйственного развития, уровень трудоустройства населения, а также на структуру и качественные характеристики валового национального продукта.

Система налогообложения представляет собой совокупность платежей и сборов, которые хозяйствующие субъекты и физические лица обязаны перечислять в государственный бюджет в соответствии с законодательно установленными требованиями. Любая налоговая система характеризуется определенными компонентами, а именно: объектом налогообложения, налогооблагаемой базой, налоговым периодом, ставкой налогообложения, регламентом и сроками внесения налога, методикой расчета налога.

Основополагающим нормативно-правовым документом, регламентирующим порядок налогообложения

субъектов малого предпринимательства, выступает НК РФ.

Субъекты малого предпринимательства имеют возможность использовать ОСНО, либо специальный налоговый режим.

ОСНО признается наиболее сложным фискальным механизмом среди всех действующих в Российской Федерации. Для нее характерно большое количество уплачиваемых налогов и сборов, а также требование организации максимально полного бухгалтерского и налогового учета экономических операций.

Для развития отрасли экономики в виде малого предпринимательства, в нашей стране присутствуют специальные режимы налогообложения как:

- УСН;
- ЕСХН;
- ПСН;
- НПД;
- АУСН.

Специальные налоговые режимы определяются отличительными чертами, наглядно проиллюстрированными на рис. 1.

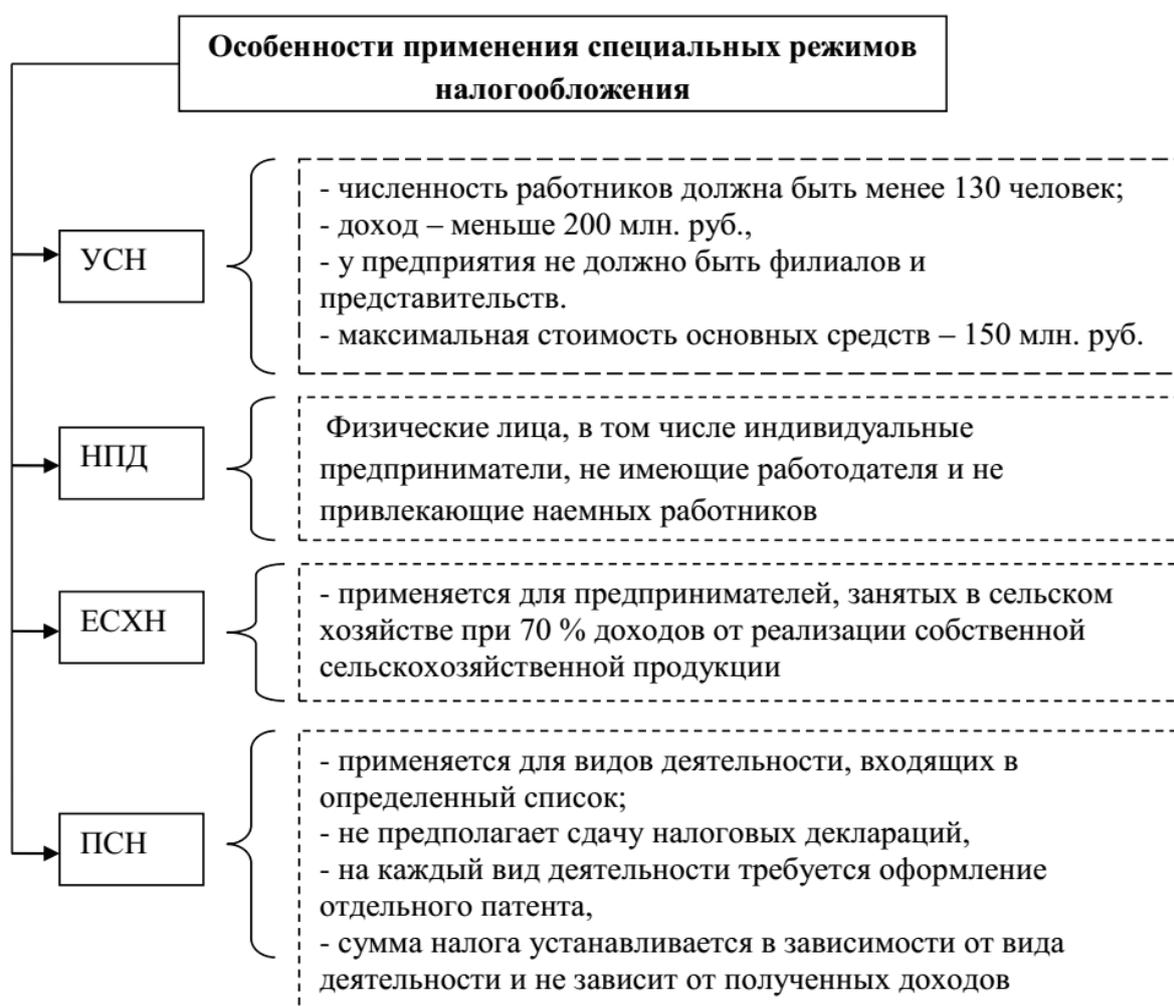

Рис. 1. Особенности специальных режимов налогообложения

При рассмотрении налоговых режимов необходимо принимать во внимание дополнительные аспекты. Так, законом допустимо совмещение УСН и ПСН. При этом, ПСН не получится совмещать с общей системой налогообложения, а также с единым сельскохозяйственным налогом. Когда предприятие параллельно использует разные режимы налогообложения, тогда предприятию необходимо выстроить раздельный учет относительно доходов, а также расходов.

АУСН — это особый налоговый режим, которому свойственно почти полное отсутствие требований по пред-

ставлению отчетности, здесь реализован автоматический расчет налоговых обязательств.

Пилотный проект относительно интеграции этого режима осуществляется, а также должен функционировать до конца 2027 г. в следующих регионах нашей страны: в Москве, в Московской области, в Калужской области, в республике Татарстан.

Право применять автоматизированную упрощенную систему налогообложения дается хозяйствующим субъектам, а также ИП, которые следуют таким показателям как:

- Среднесписочная численность работников не более 5;
- годовая выручка не превосходит шестидесяти миллионов рублей;
- балансовая стоимость основных фондов после вычета амортизации не более ста пятидесяти миллионов рублей.

Применение специальных режимов налогообложения имеет следующие положительные моменты:

- снижение фискального давления на приоритетные отрасли предпринимательской деятельности;
- стимулирование роста малого предпринимательства;
- сокращение объемов применения теневых бизнес-схем;
- увеличение налоговых доходов бюджета.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. N51-ФЗ, часть вторая от 26 января 1996 г. N14-ФЗ, часть третья от 26 ноября 2001 г. N146-ФЗ и часть четвертая от 18 декабря 2009 г. N230-ФЗ [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.garant.ru/doc/law/>.
2. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ: [с изменениями и дополнениями] [Электронный ресурс] — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417877/
3. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июня 2007 г. N209-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]: Доступ из СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/
4. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов (утв. Минфином России) [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458280/
5. Коваль, В. Н. Налогообложение малого и среднего предпринимательства: правовой аспект / В. Н. Коваль, О. Н. Васильева, А. Н. Морозова.— Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024.— 102 с.

Вопросы использования искусственного интеллекта в органах прокуратуры Российской Федерации

Сурнин Иван Николаевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Меркушина Светлана Игоревна, старший преподаватель
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор исследует вопросы возможных путей развития искусственного интеллекта в органах прокуратуры Российской Федерации, проблематику его использования с учетом требований действующего законодательства об информационной безопасности и защите информации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, органы прокуратуры, информационная безопасность.

В современном мире информационные технологии развиваются с невероятной скоростью, оказывая глубокое влияние на все аспекты жизни общества. В этой связи важно, чтобы органы прокуратуры Российской Федерации (далее — органы прокуратуры) шли в ногу со временем и эффективно использовали новые инструменты для обеспечения законности и правопорядка.

Государственное регулирование налогообложения субъектов малого бизнеса осуществляется на основе Налогового кодекса РФ, в котором выделены специальные налоговые режимы. Их предназначение — стимулирование развития малого бизнеса. При этом государству приходится балансировать, решая две несколько противоположных задачи. С одной стороны, целью государственной политики является поддержка малого бизнеса в виде тех или иных налоговых послаблений. С другой стороны, государство также стремится к повышению налоговых доходов бюджета.

Тем не менее, государственная политика должна быть ориентирована на поддержку субъектов малого бизнеса, поскольку их прогресс служит индикатором эффективности экономических преобразований, осуществляемых государством в сфере развития конкурентной рыночной среды.

Генеральным прокурором Российской Федерации 22.03.2024 утвержден План по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024–2026 гг.

Появление новых технологий, основанных на искусственном интеллекте, открывает перед прокурорами большие возможности. К их числу можно отнести авто-

матизацию рутинных задач, таких, как сбор и обработка информации. При этом существенно снижается возможность искажения данных, связанная с «человеческим фактором», повышается скорость и эффективность анализа. Даже если ограничиться развитием исключительно этих направлений, нагрузка на прокуроров существенно снизится, что является несомненным плюсом.

Однако уже сейчас очевидно, что применение искусственного интеллекта не ограничится решением рутинных задач.

Так, изучение положений приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 380 от 16.07.2020 «О совершенствовании информационно-аналитической деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации», свидетельствует о том, что прокуратура, если уместно воспользоваться терминами бизнес-аналитики, планирует постепенно перейти от «описательной» к стратегической (предиктивной) аналитике, позволяющей не только оценивать состояние законности и правопорядка, но и выявлять причины и условия, снижающие эффективность работы, принимать меры по их устранению.

В течение 2024 года планируется запуск нового национального проекта «Экономика данных», предполагающего переход к алгоритмам анализа данных на основе технологий искусственного интеллекта [1]. Потенциальное участие органов прокуратуры в реализации этого проекта позволило бы создать собственные информационно-аналитические платформы, а значит перейти на качественно новый уровень аналитики, включающий в себя не только постоянный мониторинг состояния законности, но и поддержку принятия решений.

Для этого органам прокуратуры необходимо развивать такие направления внедрения искусственного интеллекта как:

- 1) Анализ больших данных, в т.ч. и тех данных, объемы которых не позволяют обработать их традиционными методами.
- 2) Анализ правоприменительной практики, обращений граждан и юридических лиц.
- 3) Мониторинг законодательства, и т.д.
- 4) Использование возможностей генеративного искусственного интеллекта для создания информационно-аналитических документов.
- 5) Создание информационно-аналитической платформы (платформ) для поддержки принятия решений, и т.п.

Вместе с тем нужно понимать, что смена парадигмы информационно-аналитической деятельности потребует привлечения значительных ресурсов (временных, финансовых, технических, человеческих). Не в последнюю очередь это связано с тем, что внедрение технологий искусственного интеллекта заставляет органы прокуратуры обратить особое внимание на выработку нормативных, организационных и технических аспектов информационной безопасности их применения. Для этого необходимо прогнозировать и реально оценивать потенциальные угрозы в этой сфере.

Учитывая отсутствие в настоящее время необходимых ресурсных и технических возможностей по созданию собственных моделей на базе искусственного интеллекта, с большой долей вероятности можно предположить, что органы и организации прокуратуры будут закупать и использовать готовые модели, с последующим их «дообучением» на данных органов прокуратуры.

Соответственно, первой проблемой будет оценка соответствия готовой модели требованиям информационной безопасности — Концепции обеспечения информационной безопасности в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, положениям федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов и методических документов регуляторов в сфере защиты информации (ФСТЭК России, ФСБ России и других федеральных органов исполнительной власти, определенных законодательством) и т.п.

При условии положительного прохождения данного этапа, впоследствии будет производиться «дообучение» готовой модели. И с большой долей вероятности мы можем прогнозировать на этой стадии возникновение рисков в сфере сохранности и целостности данных органов и организаций прокуратуры, в первую очередь, персональных данных, служебной и иной конфиденциальной информации.

В первую очередь, это связано со спецификой данных, которые необходимо будет использовать для дообучения, а именно, с созданием наборов таких данных.

Так, все имеющиеся в органах прокуратуры данные, вне зависимости от источника их получения, условно можно разделить на три большие группы — числовые (например, статистические), текстовые и графические данные.

Для анализа первой группы данных искусственным интеллектом традиционно применяются математические методы и алгоритмы.

Использование же искусственного интеллекта для анализа текстовых данных требует масштабной подготовки, прежде всего, создания наборов данных и обучения искусственного интеллекта.

На начальном этапе необходимо отобрать текстовые данные для обучения модели искусственного интеллекта, а затем выполнить предварительную обработку текстовых данных — токенизацию (разделить текст на отдельные слова или символы), стемминг и лемматизацию (приведение слов в начальную форму), стандартизировать текст (т.е. удалить лишние символы, не несущие смысловой нагрузки (предлоги и союзы, знаки препинания), нормализовать текст (т.е. привести в единый формат), произвести его фильтрацию (удалить повторяющиеся данные). Для улучшения качества обучения может также потребоваться произвести ручную или автоматическую маркировку (расставить метки отдельным примерам в наборе данных), векторизацию текста (перевести текст в числовые символы, которые можно использовать для классификации), проверить качество данных (устранить

возможные ошибки), разделить тексты на обучающую и текстовую выборки.

Что касается графических данных, как единицы анализа, то, разумеется, на сегодняшний день они меньше используются в органах прокуратуры, нежели в органах федеральной безопасности, и в органах внутренних дел. Но, тем не менее, на отдельных направлениях прокурорского надзора и прокурорской деятельности (например, прокурорский надзор в сфере информационных технологий и защиты информации, противодействие экстремизму, в экологической сфере, прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере противодействия коррупции), анализ графических данных также будет весьма востребованным. Создание наборов графических данных является довольно трудозатратным, поскольку также предполагает предварительную обработку данных (сбор данных, маркировку, нормализацию и т.д.).

В этой связи нельзя недооценивать наличие «стандартного» набора угроз, потенциально возникающих при обучении любой модели на базе искусственного интеллекта.

В первую очередь, при создании наборов данных органы и организации прокуратуры могут столкнуться с «отравлением данных» — умышленным обучением модели на искаженных или вредоносных данных. Впоследствии это может позволить злоумышленникам манипулировать поведением модели, заставить её принимать неправильные решения. Подобная некорректная работа модели может привести к значительным негативным последствиям. К их числу можно отнести:

- утрата доверия к модели со стороны пользователей;
- утечки конфиденциальной информации;

- материальный ущерб, причиненный органам и организациям прокуратуры необходимостью переобучения (если это возможно), или закупкой новой модели;

- ущерб репутации органов и организаций прокуратуры вследствие некорректной работы системы, особенно, в случае ее имплементации в межведомственное электронное взаимодействие;

- необходимость разрешения жалоб на некорректно принятые решения, особенно при использовании такой модели при непосредственном взаимодействии с гражданами и юридическими лицами.

Для того, чтобы избежать «отравления данных», органам прокуратуры необходимо использовать как стандартные, так и специфические подходы к организации информационной безопасности.

По оценкам специалистов, к стандартным мерам в данном случае можно отнести предварительную оценку данных, использующихся для обучения, использование антивирусов, мониторинга сетей, использование брандмауэров, своевременного обновления программного обеспечения. Также необходимо проводить периодический мониторинг аномалий работы системы, а также фильтрацию и валидацию данных после обучения [2].

Что касается специфических подходов, в свете специфики различных направлений прокурорского надзора и прокурорской деятельности, требующей создания отдельных наборов данных для обучения искусственного интеллекта для каждого из указанных направлений, при одновременной необходимости сохранности конфиденциальной информации, формирование наборов данных и проведение операций машинного обучения вряд ли можно доверить сторонним специалистам. Эта работа должна производиться непосредственно работниками органов прокуратуры, либо под их контролем.

Кроме того, важной задачей является создание органами и организациями прокуратуры собственной инфраструктуры для работы с большими данными и обучения искусственного интеллекта — собственных центров обработки данных (ЦОД). Аренда сторонних датацентров если и допустима, то лишь на первых порах. Во-первых, их использование не гарантирует сохранности и целостности данных, во-вторых, потребует значительных финансовых затрат. К примеру, Министерство внутренних дел Российской Федерации приступило к строительству собственного ЦОД еще в июне 2023 года.

Еще одной угрозой некорректной работы модели, является так называемое «катастрофическое забывание». Это явление, связанное с погрешностями в машинном обучении, возникающее при ускоренном обучении модели, когда модель начинает некорректно работать, а именно, «забывает» то, чему ее научили, начинает хуже работать (т.е. снижаются ее точность и эффективность) после изучения новой задачи [3]. Решить данную проблему можно посредством регуляризации (добавлении штрафа к функции потери модели), ограничивающей способность модели запоминать слишком много информации; использования «импульса» (коэффициента, учитывающего предыдущие градиенты при обновлении параметров модели), предотвращающего резкое изменение параметров модели.

Еще одной потенциальной угрозой информационной безопасности может стать наличие такого явления, которое мы могли бы охарактеризовать как несанкционированное или неконтролируемое использование сотрудниками органов и организаций прокуратуры искусственного интеллекта. В первую очередь это касается использования так называемых генеративных (языковых) моделей, причем, как отечественных, таких как, например, GigaChat, так и зарубежных — в первую очередь, ChatGPT4.

На сегодняшний день в органах и организациях прокуратуры разрешено использовать лицензионное и свободно распространяемое ПО, перечень которого утвержден распоряжением заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, курирующего деятельность Главного управления правовой статистики и информационных технологий. При этом генеративные языковые модели в данном перечне отсутствуют. Соответственно, их использование можно расценивать как прямое нарушение

требований информационной безопасности, дающее основания для применения мер дисциплинарной ответственности.

Решением данной проблемы могла бы быть легитимизация использования генеративных языковых моделей в органах прокуратуры.

Первым способом легитимизации могло бы быть внесение соответствующих изменений в Единый реестр программного обеспечения, используемого в органах и организациях прокуратуры, т.е. включением в него наиболее часто используемых отечественных генеративных языковых моделей. При этом приоритет необходимо отдать отечественным генеративным языковым моделям, включенным в Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных, например, GigaChat. Подобный подход, на наш взгляд, может быть реализован лишь после оценки на соответствие требованиям информационной безопасности потенциально используемой модели. При этом, как нам представляется, использование при работе с GigaChat персональных данных и иной конфиденциальной информации должно быть запрещено, либо существенно ограничено.

Второй путь легитимизации, связан с разработкой или приобретением для органов прокуратуры генеративных

языковых моделей, соответствующих всем требованиям информационной безопасности. Данный путь, очевидно, является более затратным как с временной, так и финансовой точки зрения. Кроме того, не следует забывать о том, что его реализация сопряжена с проявлением вышеописанных угроз, возникающих при обучении любой модели на базе искусственного интеллекта.

Таким образом, ответственное применение искусственного интеллекта в органах прокуратуры подразумевает обеспечение высокого уровня защиты данных, в первую очередь, конфиденциальной информации.

Оно может быть обеспечено посредством внедрения передовых технологий шифрования и аутентификации, предотвращающих несанкционированный доступ к конфиденциальной информации, а также жесткой регламентации контроля за использованием данных, содержащих конфиденциальную информацию, в машинном обучении и работе с системами на базе искусственного интеллекта.

В этой связи с большой долей вероятности потребуются актуализировать действующие в органах прокуратуры организационно-распорядительные документы, регулирующие вопросы обеспечения информационной безопасности.

Литература:

1. В России появится новый нацпроект — «Экономика данных». — Текст: электронный // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/45686> (дата обращения: 14.11.2024).
2. Труцуненко, С. Что такое отравление данных и чем оно грозит / София Труцуненко. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/662b41839a79474a44a18e6d> (дата обращения: 14.11.2024).
3. Катастрофическое забывание в машинном обучении. — Текст: электронный // Code Labs Academy: [сайт]. — URL: <https://codelabsacademy.com/ru/blog/catastrophic-forgetting-in-machine-learning> (дата обращения: 14.11.2024).

Корысть и её понимание в уголовном праве

Тагиев Илькин Ильгамович, студент магистратуры

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Корысть — это ненасытная жажда приобретения, жадность к деньгам и материальным благам, стремление к личной выгоде. Корыстный человек всегда ожидает награду, стремится к существенной прибыли и вознаграждению, будучи эгоистом, думающим лишь о собственных интересах. Корыстные мотивы нередко приводят к совершению мошенничества, краж и иных правонарушений.

Желание получить материальные блага любой ценой глубоко укоренено в человеческом сознании. В русской культуре корысть воспринимается как чрезмерное стремление к накоплению материальных ценностей, выходящее

за рамки разумных потребностей. Это духовное искажение личности, приводящее к стяжательству, внутреннему пороку, который может привести к греху и вине. Часто корысть сопровождается завистью. Она не сводится к обычной прибыли, случайно полученной выгоде или оправданному пользованию ресурсами, но является глубинным изъяном человеческой натуры. По мнению В.В. Колесова, корысть свойственна слабым и жалким людям [5].

Современное русское сознание связывает корысть с такими качествами, как алчность (крайняя форма жадности), жадность (непомерные желания), скряжниче-

ство, скарденность (чрезмерная скупость), хамство, скопидомство (излишнее накопительство) и продажность (готовность продать себя ради денег). Молодежь в возрасте 17–24 лет, люди среднего возраста (45–54 года) и те, кто имеет высокий уровень образования, чаще всего отвергают корысть как негативное личностное качество.

В правовой сфере корысть рассматривается как один из мотивов преступной деятельности, направленной на получение материальной или иной имущественной выгоды либо на избавление от финансовых затрат. Уголовное законодательство считает корысть обстоятельством, усиливающим ответственность.

В уголовном кодексе российской федерации нету законодатель не дает определения корысти. Хотя мы частно можем встретить в законодательстве такие термины, как корыстная цель, корыстный мотив, корыстные побуждения.

Думается, что будет правильно проанализировать УК РФ и составить список в которых упоминается данный термин — корысть.

Статья 105 — Убийство [1]. В пункте «з» части 2 этой статьи говорится об убийстве, совершённом из корыстных побуждений или по найму, наряду с другими квалифицирующими признаками.

Статья 126 — Похищение человека. Пункт «з» части 2 УК РФ также упоминает, что похищение человека может совершаться из корыстных побуждений.

Статья 158 — Кража. Часть 1 описывает кражу как тайное хищение чужого имущества, а часть 2 уточняет, что она может быть совершена группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище, с причинением значительного ущерба гражданину, из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, что также предполагает корыстную цель.

Статья 159 — Мошенничество. Статья посвящена различным формам мошенничества, включая использование обмана для завладения имуществом другого лица, что подразумевает корыстные цели.

Статья 160 — Присвоение или растрата. Здесь речь идёт о присвоении или растрате чужого имущества лицом, которому оно было вверено, что опять же связано с корыстными целями.

Статья 161 — Грабёж. Эта статья касается открытого хищения чужого имущества и включает в себя различные формы грабежа, которые могут быть совершены с применением насилия, что тоже может указывать на корыстный умысел.

Статья 162 — Разбой. В статье описаны случаи нападения с целью хищения имущества, которое может сопровождаться насилием, опасным для жизни или здоровья, что свидетельствует о наличии корысти.

Статья 163 — Вымогательство. Здесь рассматриваются ситуации, когда имущество или права на имущество требуют передать под угрозой применения насилия, уничто-

жения или повреждения имущества, распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных действий, направленных на ущемление прав и интересов потерпевших, что указывает на корысть.

Статья 164 — Хищение предметов, имеющих особую ценность. Подразумевает хищение предметов или документов, обладающих особой исторической, научной, художественной или культурной ценностью, что может быть вызвано желанием получения выгоды.

Статья 165 — Причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием. Речь идет о случаях, когда ущерб причиняется без признаков хищения, но с использованием обмана, что направлено на достижение корыстной цели.

Статья 166 — Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения [1]. Хотя цель хищения отсутствует, завладение транспортом может преследовать корыстное желание использовать его в личных целях.

Статья 167 — Умышленное уничтожение или повреждение имущества. В части 2 этой статьи упоминается умышленное уничтожение имущества, совершённое из хулиганских побуждений, а равно путём поджога, взрыва или другим общеопасным способом, что могло бы быть мотивировано корыстью.

Статья 174 — Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём. Статьёй предусмотрена ответственность за совершение финансовых операций и сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретёнными преступным путем, что связано с попыткой скрыть их происхождение и использовать в дальнейшем для достижения корыстных целей.

Статья 186 — Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. В этом случае подделка и оборот фальшивых денег или бумаг направлены на извлечение нелегальной финансовой выгоды, что также является проявлением корысти.

Статья 221 — Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами. Статья предусматривает ответственность за хищение или вымогательство таких материалов, что вполне может быть обусловлено корыстными интересами.

Статья 226 — Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения. Такие действия могут иметь корыстную основу, направленную на получение прибыли от продажи запрещенных товаров.

Статья 229 — Захват заложника. Если захват заложников осуществляется с требованием выкупа или иной

материальной компенсации, то это преступление может быть квалифицировано как совершённое с корыстной целью.

Статья 285 — Злоупотребление должностными полномочиями. В некоторых случаях злоупотребление служебным положением может происходить с целью получения материальной выгоды, хотя эта статья охватывает широкий спектр деяний.

Статья 286 — Превышение должностных полномочий. Аналогично предыдущей статье, превышение полномочий может быть использовано для личного обогащения, что указывает на наличие корыстного мотива.

Статья 290 — Получение взятки. Взятки могут приниматься должностными лицами за выполнение определённых действий или бездействие в пользу взяткодателя, что непосредственно связано с корыстным интересом.

Статья 291 — Дача взятки. Передача взятки также может быть обусловлена корыстной заинтересованностью, так как взяткодатель надеется получить какую-то выгоду взамен.

Статья 292 — Служебный подлог. Подделка официальных документов может осуществляться с целью извлечения личной выгоды, например, для сокрытия хищений или иных неправомерных действий.

Статья 293 — Халатность. В отдельных случаях халатность может быть вызвана корыстными соображениями, например, если должностное лицо сознательно игнорирует свои обязанности в обмен на вознаграждение.

Статья 304 — Провокация взятки либо коммерческого подкупа [1]. Здесь речь идёт о действиях, направленных на искусственное создание условий для дачи взятки или подкупа, что обычно делается с целью последующего шантажа или вымогательства, что также носит корыстный характер.

Хотя мы и привыкли, что обычно корысть относится к так называемым преступлениям против права собственности, но теперь мы наглядно видим, что данный термин используется и при других объектах преступления. В целом здесь приведены 24 статьи из УК РФ, где встречается данный термин.

Таким образом, думается, что необходимо закрепления данного понятия на законодательном уровне, раз уж он так часто встречается в статьях УК РФ.

Так же необходимо разграничивать корыстную цель от мотива.

Корыстный мотив — это внутреннее побуждение, причина, движущая сила поступка, основанная на стремлении получить материальную выгоду или иные личные преимущества. Пример: Человек совершает кражу, потому что хочет улучшить своё финансовое положение.

Корыстная цель — это конкретный результат, ради достижения которого совершаются действия, направленные на получение материальной выгоды или иных личных преимуществ. Пример: Целью кражи является приобретение денег или ценных вещей.

Таким образом, мотив — это внутреннее побуждение к действию, а цель — конкретный ожидаемый результат этого действия.

Корыстная цель определяется как стремление изъять и/или обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц.

Два этих признака субъективной стороны преступления должны быть взаимосвязаны. Без корыстного мотива, состоящего в побуждении виновного извлечь в результате совершения преступления выгоду имущественного характера или избавиться от определенных материальных затрат, отсутствует корыстная цель, состоящая в мысленно представляемом виновным результате в виде обращения имущества в свою пользу, пользу других лиц, извлечения иной имущественной выгоды, извлечения от материальных затрат [3].

Разберем один пример.

Парень, которому исполнилось 16 лет, начал воровать, чтобы оплатить лечение тяжело больной матери. Корыстно ли это?

В одном случае судья может посчитать, что обычно под корыстью подразумевается стремление к личной выгоде, обогащению или удовлетворению собственных желаний. Однако в данном случае речь идет о помощи близкому человеку, что скорее говорит о сострадании и заботе, чем о корысти. Таким образом, можно сказать, что действия парня не являются корыстными в традиционном смысле этого слова.

В другом случае, судья будет утверждать, что парень действует из корыстных побуждений, поскольку он хочет улучшить состояние своей матери, что косвенно приносит ему удовлетворение.

Таким образом, мы уже обнаружили казусную ситуацию. Для того чтобы избежать таких споров, необходимо, чтобы закон установил определение, элементы и критерии корыстности.

В общем выходит, что понятия корыстная цель и побуждения (мотивы) не закреплены на законодательном уровне, тем самым судья при рассмотрении дела должен на свое усмотрение решать данный вопрос. Но это в корне неправильно и противоречит принципу равенства всех перед законом и справедливости правосудия.

Таким образом, сделаем вывод, что нашему законодательству необходимо. Несмотря на то, что некоторые авторы предлагают употреблять единую категорию «корыстные побуждения» и отказаться от применяемых в настоящее время различных терминов «корыстная заинтересованность», «в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц», «корыстная цель» [4]. Думается, что будет правильнее дать определение термину корысть, его элементам/составляющим и обозначить его признаки. Т. е. не отказываться от этого, а наоборот расписать, что такое корысть, корыстные побуждения, цели, заинтересованность и т.д. Необходимо закрепить это именно в Уголовном кодексе РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. (с послед. изм. и доп.).
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г.) № 29 (в редакции от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2024).
3. Шеслер, А. В. Корусть: соотношение цели и мотива совершения преступления / А. В. Шеслер, С. С. Шеслер // Вестник Югорского государственного университета. — 2023. — № 4. — С. 33–37. — DOI 10.18822/byusu20230433–37. — EDN XITLUU.
4. Захарова, С. С. Корусть как факультативный признак субъективной стороны преступлений: цель, мотив или заинтересованность? / С. С. Захарова // Проблемы уголовной ответственности и наказания: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова, Рязань, 24 мая 2024 года. — Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. — С. 29–34. — EDN AUGRSO.
5. Колесов, В. В. Язык города: о развитии современной городской речи / В. В. Колесов. — Москва: Высшая школа, 1991. — 192 с. ISBN: 5–06–001674–9.

К вопросу о неизгладимом обезображении лица

Тагиев Илькин Ильгамович, студент магистратуры

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Вопрос о том, следует ли рассматривать повреждения шеи как повреждения лица, требует детального анализа с учетом различных факторов. Некоторые авторы могут считать повреждения шеи тяжким вредом здоровью, так как они могут привести к значительным функциональным нарушениям, включая проблемы с дыханием, питанием и речью. Кроме того, повреждения шеи могут значительно повлиять на внешний вид и самооценку человека, что также может рассматриваться как причинение тяжкого вреда здоровью. Но в последнее время всё чаще появляются мнения о том, что причинение вреда шее следует рассматривать как неизгладимое обезображение лица в любом случае, то есть расширить границы данного понятия.

Сперва рассмотрим этот вопрос с юридической точки зрения. Напомним, что термин неизгладимое обезображивание лица является квалифицирующим признаком тяжкого вреда здоровью. Законодатель раскрывает данное понятие, как такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее, либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция).

На данный момент обезображивание лица определяется судом по степени посттравматического искажения статических и динамических характеристик лица, которых в настоящее время не существует, поэтому судьи при решении данного вопроса исходят из своего внутреннего убеждения [9].

Естественно, обезображивание может коснуться любой части тела, однако в соответствии с Уголовным кодексом РФ под причинением тяжкого вреда здоровью путем обезображивания понимаются повреждения, затрагивающие лицо. Поскольку среди экспертов нет единого мнения относительно того, какие части тела считаются лицом, судебная практика показывает, что при рассмотрении случаев полной или частичной потери ушной раковины, её деформации, а также наличия грубых рубцов на передней и боковой поверхностях шеи суды руководствуются законами и прецедентами прошлого.

Понятие «обезображивание» применяется исключительно к лицу. Законодатель использует термин «лицо», это означает, что другие участки тела, которые расположены за пределами указанных границ, не могут быть отнесены к лицу, а также повреждения на них нельзя оценивать по признаку неизгладимого обезображивания лица. Но такие специалисты, как А. Г. Корчагин и Н. П. Федотова считают, что подобное толкование вряд ли будет корректным. Шея и волосяной покров головы в целом влияют на общее восприятие лица, кроме того, они органично интегрированы в черты лица пострадавшего. Например, повреждение передней видимой части шеи может существенно исказить внешность, сделав её неприятной и отталкивающей [5, с. 57]. Принятие указанного мнения приведет к произвольному расширению границ термина «лицо», что может рассматриваться как применение судом аналогии в уголовном праве. Это обстоятельство станет основанием для обжалования ква-

лификации действий в вышестоящих судебных инстанциях.

Если же результаты повреждений (обычно это рубцы) находятся в нижней трети шеи, на груди или других участках, скрытых одеждой, их нельзя рассматривать как обезображивание. Тем не менее, исказить внешность человека могут такие факторы, как искривление позвоночника, деформация конечностей, неподвижность из-за анкилозов в суставах, например, в тазобедренном, и другие подобные дефекты.

Читлов Дмитрий Самсонович тоже предлагал ввести уголовную ответственность за неизглядимое обезображивание не только лица, но и шеи [6, с. 59].

М.И. Галюкова вообще считает, что обезображена может быть любая часть тела и, что признак обезображения должен оцениваться независимо от возможности скрыть дефект одеждой или аксессуарами [8]. Но ведь стоит отметить, что лицо это часть тела, которая призвана быть открытой, даже в мусульманских странах, где женщины носят хиджаб, их лицо остаётся открытым. Таким образом, думается, что если дефект остался на части тела, которая обычно остается под одеждой, например, спина, то соответственно, это не будет бросаться в глаза и тем самым не будет отталкивать других от данного человека.

Международная классификация области лица (номенклатура областей тела человека по PNA): область глазницы (правая и левая); подглазничная область (правая и левая); скуловая область; область носа; область рта; щечная область (правая и левая); подбородочная область [7, с. 60].

Для полного анализа с юридической точки зрения можно рассмотреть, как относятся к данному вопросу хотя бы одна зарубежная страна. Пусть это будет Беларусь, которая является нашими ближайшими соседями. Их уголовный кодекс очень сильно схож с российским, они также строили его, опираясь на старый кодекс при СССР. Но несмотря на то, что у нас так много общего, Беларусь смотрит на данные вопрос совсем иначе и в своём УК РБ в статье 147 говорит следующее: «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, то есть повреждения, опасного для жизни, либо повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха, какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство (заболевание), иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть, либо вызвавшее расстройство здоровья, связанное с травмой костей скелета, на срок свыше четырех месяцев, либо вызвавшееся в неизглядимом обезображении лица или шеи [4]». Тем самым актуальность проблемы становится ещё больше.

Повреждения, повлекшие за собой неизглядимое обезображение лица, сами по себе, как правило, не причиняют тяжкого вреда здоровью человека, и законодатель, относя такие последствия к категории тяжких, руководствуется здесь не патологическим, а психологическим (эстетическим) критерием.

С точки зрения эстетики, шея может рассматриваться как часть тела, которая дополняет лицо и фигуру в целом особенно у представительниц женского пола. Красивая и ухоженная шея может подчеркнуть женственность и элегантность, создавая гармоничный образ. В некоторых культурах и традициях, таких как Япония и Корея, где носят воротники кимоно и других традиционных одежд, подчеркивающих шею, шея является важной частью образа.

Культурный контекст также важен, поскольку в некоторых культурах шея считается важной частью женского тела и её повреждения могут рассматриваться как серьёзная травма. Но в нашей русской, славянской культуре символом красоты женщины всегда было её лицо и волосы, а шея обычно покрывалась платком. Таким образом, идеалом красоты была девушка с пропорциональным лицом, светлой кожей и ярким румянцем, покрывающим всю щеку. Полные красные губы и выразительные глаза дополняли облик русской красавицы. И, конечно, длинная-предлинная коса (волосы на голове).

С точки зрения анатомии лицо и шея — это два разных анатомических региона человеческого тела, каждый из которых имеет свою структуру и функции. Лицо — это передняя часть головы, которая включает в себя лоб, глаза, нос, щеки, рот и подбородок. Оно играет важную роль в выражении эмоций, восприятии окружающей среды через органы чувств (глаза, уши, нос) и общении посредством мимики и речи. Шея — это часть тела, соединяющая голову с туловищем. Она поддерживает голову и обеспечивает подвижность, позволяя поворачивать и наклонять голову.

Их различия заключается в следующих аспектах. Расположение: Лицо находится спереди головы, тогда как шея расположена ниже головы и выше грудной клетки. Структуры: Лицо состоит преимущественно из мягких тканей и костей черепа, включая лицевые кости. Шея состоит из костных структур (шейные позвонки), мышц, сосудов и органов. Функции: Лицо служит для выражения эмоций и восприятия окружающей среды, в то время как шея выполняет поддерживающую и проводящую функции. Эти различия важны для понимания анатомии и физиологии человеческого тела.

Будет правильно также разобрать данный вопрос и с психологической точки зрения, то есть момент с отношением человека/потерпевшего к таким повреждениям (рубцам, шрамам на шее и лице). Разумно, что один и тот же человек будет по-разному восприниматься повреждения на разных участках тела. Тем не менее такая часть тела, как лицо для большинства людей является более важным по сравнению с другими. Таким образом, думается, что потерпевший будет больше обеспокоен шрамом на лице, нежели тем же шрамом на шее.

Для полноты анализа мы проведём анкетирование, в котором люди будут отвечать на следующие вопросы. Во-первых, считаете ли вы, что шея это, часть лица — 1) да; 2) нет? Во-вторых, какое повреждение будет вас беспо-

коить и отталкивать больше — 1) шрам на лице; 2) шрам на шее; 3) одинаково? Где проходит нижняя граница лица — 1) начало грудной клетки; 2) нижняя челюсть; 3) основание шеи?

Проанализировав результаты проведенного анкетирования, можно сделать следующие статистические выводы.

На первый вопрос лишь 6% участвующих ответили, что шея — это часть лица. Но стоит отметить, что никто из них не смог аргументировать свою точку зрения. Остальные 94% ответили противоположно.

На второй вопрос: 80% выбрали первый вариант ответа, 4% — второй, и 16% выбрали третий. Те 16% которые выбрали третий вариант ответа, то есть которые одинаково будут беспокоиться о дефекте на шее и лице поясняли что им не важно, где находится шрам и что повреждение на шее что на лице их не будут отталкивать, но это не связано с тем, что они считают, что шея и лицо одна составляющие. А те 4% которые проголосовали за второй вариант ответа, что шея их будет беспокоить больше, аргументировали это тем что это вызывает негативные ассоциации, что данная травма должна была переноситься более тяжело и может быть между гранью жизни и смертью, но при этом отмечали что с эстетической точки зрения шрам на лице их беспокоил бы больше.

На третий вопрос: ни один человек не выбрал первый вариант ответа, 88% анкетированных проголосовали за второй вариант, и 12% человек за третий. Здесь всё более ясно.

Таким образом, статистика говорит нам ясно, что сами люди, не считают шею, как часть лица и посттравматические дефекты на лице для них вызывают большую ассоциацию с обезображением, а также большинство анкетированных отмечают, что нижняя граница лица проходит, где нижняя челюсть.

Вопрос о том, следует ли рассматривать повреждения шеи как повреждения лица, требует детального анализа с учетом анатомических, медицинских, юридических,

психологических, эстетических и культурных факторов. С одной стороны, шея включает важные анатомические структуры, такие как гортань, трахея, пищевод, крупные артерии и вены, нервы и мышцы, и повреждения этих структур могут привести к серьезным последствиям. С другой стороны, шея часто ассоциируется с красотой и/или женственностью в различных культурах, и ее повреждения могут иметь значительное влияние на внешность и самооценку особенно у представительниц женского пола. Рубцы и шрамы на шее намного проще скрыть, чем на лице. Согласно анатомическим определениям, границы лица простираются от края волосяного покрова в области лба и висков до заднего края ушной раковины и нижнего края/угла нижней челюсти. Но всё же, некоторые страны, специалисты и авторы, категорически с этим не согласны и считают нижней границей лица основание шеи, а то и начало грудной клетки.

Проанализировав, различные взгляды на поставленный вопрос, хотелось бы поддержать точку зрения нашего отечественного законодательства и сделать следующие итоги. Шея не может относиться к части лица и является самостоятельной составляющей организма человека. Таким образом, законодатель правильно интерпретирует термин «лицо». Другие участки тела, которые расположены за пределами указанных границ, нельзя относить к лицу, а также повреждения, оставшиеся на них, не могут быть оценены по признаку неизгладимого обезображивания лица. Для предотвращения дальнейших противоречий и споров, необходимо на законодательном уровне закрепить определение лица человека и его границы. Например, так «Анатомические границы области лица определяются следующим образом: верхняя граница проходит по краю волосистой части головы; боковая граница включает передний край основания ушной раковины и задний край ветви нижней челюсти; нижняя граница охватывает угол и нижний край тела нижней челюсти».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. (с послед. изм. и доп.).
2. Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. N522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.08.2007. № 35. Ст. 4308.
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. N194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/12162210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 09.07.1999 № 275-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.— Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&rp0=Hk9900275>.— Дата доступа: [20.10.2024].
5. Корчагин А. Г., Федотова Н. П. Уголовно-правовая политика борьбы с преступлениями умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.— М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014.— 175 с.— ISBN978-5-4396-0799-0.
6. Читлов Д. С. Охрана здоровья граждан от тяжких насильственных посягательств.— Саратов, 1974.— 183 с.
7. Путинцев, В. А. Неизгладимое обезображивание лица / В. А. Путинцев, С. С. Абрамов // Судебно-медицинская экспертиза.— 2011.— Т. 54, № 3.— С. 60–64.— EDN PХКЕВВ.

8. Галюкова, М. И. Неизгладимое обезображивание лица как признак тяжкого вреда здоровью [Электронный ресурс] / М. И. Галюкова.— Режим доступа: http://www.rusnauka.com/8_NPE_2007/Pravo/18984.doc.htm.— Дата доступа: [22.10.2024].
9. Клевно В. А., Богомолова И. Н., Заславский Г. И. и др. Судебно-медицинская экспертиза вреда здоровью. Руководство. М., 2009; Михайлов С. С. (ред.). Международная анатомическая номенклатура (с официальным списком русских эквивалентов).— М.: Медицина 1980.

Актуальное состояние института наследования по закону в России

Темир-Булатов Руслан Искандэрович, студент магистратуры
Научный руководитель: Корсикова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В данной статье анализируется значение, особенности и проблемы актуального института наследования по закону в рамках гражданского права России. Приведены рекомендации по улучшению российского законодательства, направленные на защиту прав граждан при наследовании по закону. Также высказывается мнение о важности наследования по завещанию в сравнении с наследованием по закону.

Ключевые слова: наследование, наследник, наследование по закону, срок принятия наследства

Российская правовая система организована таким образом, что наследование по закону занимает важное место. Это один из ключевых институтов наследственного права. Источниками наследственного права являются Конституция РФ, Гражданский кодекс, Налоговый кодекс, Основы законодательства о нотариате, Земельный кодекс, федеральные законы и другие нормативные правовые акты, которые взаимосвязаны и дополняют друг друга. Например, часть 4 статьи 35 Конституции РФ утверждает, что право на наследование является гарантией прав гражданина, в то время как часть 3 Гражданского кодекса Российской Федерации описывает и уточняет эти гарантии.

Парадокс нашего законодательства заключается в очередности наследников, тогда как в других странах такой очередности вовсе не существует. Кроме того, стоит отметить, что круг наследников в России является весьма широким.

В статьях 1141–1145 Гражданского кодекса Российской Федерации говорится о том, что родственники наследодателя до пятой степени родства имеют такие же права, как и наследники первой очереди. Более того, после пятой степени родства возможность претендовать на наследство распространяется и на последующие две степени (шестую и седьмую). Определённо, такое предоставление прав людям, которые не являются близкими по отношению к наследодателю, вызывает сомнения в том, насколько корректно и адекватно осуществляется воля самого наследодателя.

Теперь проанализируем сроки принятия наследства. Если по каким-либо причинам наследник пропустил установленный срок для его принятия, он имеет право обратиться в суд для защиты своих законных прав и интересов. Однако суд может восстановить этот срок только в случае наличия уважительных причин для его пропуска, при этом законодательство не содержит конкретного пе-

речня таких причин. Это создает значительный пробел в праве, и такие ситуации и их причины требуют конкретизации и закрепления в законодательных актах или дополнениях к ним.

На практике суд может восстановить срок принятия наследства, если наследополучатель находился в состоянии болезни, находился за границей, оказался в беспомощном состоянии или не имел соответствующих знаний о наследстве в силу своей неграмотности или незнания. В соответствии со статьей 1114 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, днем открытия наследства признается день смерти наследодателя. Поэтому для более полноценной защиты прав наследополучателей необходимо установить положение о том, что днем открытия наследства следует считать не только день смерти, но и момент, когда наследник узнал о смерти наследодателя и о наличии наследства.

Российская Федерация заключила международные соглашения с рядом стран, таких как Польша, Болгария и Венгрия, касающиеся вопросов наследования. Согласно этим договорам, срок принятия наследства начинается с момента подачи уведомления о смерти наследодателя и наследстве в дипломатическое представительство иностранного государства. Если для иностранцев предусмотрено такое исключение, то аналогичные права должны предоставляться и гражданам России.

Современное законодательство в области наследования содержит множество недостатков и не полностью проработано. Это касается, в частности, вопросов наследования по очередям, включая четвертую и седьмую степени, а также довольно короткого срока для принятия наследства. Часто наследники, относящиеся к последним очередям, не имеют близких родственных связей с наследодателем и, следовательно, не знают о его смерти и наличии наследства. Такая

ситуация может привести к тому, что имущество наследодателя становится выморочным из-за отсутствия наследников первой очереди, в то время как наследники более дальних степеней не в курсе событий.

Для решения указанных проблем можно разработать следующие предложения:

1) Увеличить срок принятия наследства, к примеру: с 6 до 12 месяцев, для избегания случаев истечения срока;

2) Сформировать четкий перечень уважительных причин для восстановления срока принятия наследства;

3) В Федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» подключить функцию оповещения родственников о смерти лица, наследниками которого они являются и установить отсчет срока вступления в наследство со дня его получения.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // Российская газета, 12.03.2024 г.
3. Протас Е. В., Карabut А. С. Правовое регулирование наследования: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. 6 с.

Обременение имущества, купленного на торгах

Тимотин Андрей Юрьевич, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

Ключевые слова: обременение имущества, торг, судебный пристав-исполнитель, имущество, исполнительное производство, исполнительный документ

Актуальность исследования проблемы обременения имущества, купленного на торгах, состоит в том, что это является важной правовой проблемой, которая встречается в повседневной жизни людей при покупке недвижимости на аукционах либо приобретении ценных вещей на торгах. Обременение имущества может иметь различные юридические последствия для покупателя, включая нежелательные долги, о которых он мог не знать.

Проблемы, связанные с обременением имущества, купленного на торгах, могут включать:

1. Наличие залога или ипотеки на имущество, что может привести к тому, что новый владелец становится должником по существующему долгу.

Отсутствие правоустанавливающих документов или наличие споров по праву собственности на приобретенное имущество.

Наличие ограничений использования имущества, таких как сервитуты или обязательства по обслуживанию соседних участков. [1, с. 1]

Исследование данных проблем позволяет разработать рекомендации по минимизации рисков при покупке имущества на торгах, а также выработать предложения по улучшению законодательства в этой области.

Таким образом, изучение темы «Обременение имущества купленного на торгах» является актуальным и важным для обеспечения защиты прав потребителей

и улучшения правового регулирования процесса покупки имущества на торгах.

Судебный пристав-исполнитель в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, содержащего требования об имущественных взысканиях, вправе, в том числе и в течение срока, установленного для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований, наложить арест на имущество должника. При этом судебный пристав-исполнитель вправе не применять правила очередности обращения взыскания на имущество должника.

Арест имущества должника включает запрет распоряжаться имуществом, а при необходимости — ограничение права пользования имуществом или изъятие имущества. Вид, объем и срок ограничения права пользования имуществом определяются судебным приставом-исполнителем в каждом случае с учётом свойств имущества, его значимости для собственника или владельца, характера использования.

Следующей стадией является реализация имущества. Это комплекс мер, направленных на удовлетворение требований кредиторов должника. Это продажа принадлежащего должнику имущества на торгах. Реализация производится на основании исполнительного документа.

Если говорить об обращении взыскания на предмет залога — то здесь реализация может происходить как на ос-

новании соответствующего решения суда, так и во внесудебном порядке.

Судебные приставы не реализуют имущество самостоятельно. Этим занимаются специальная уполномоченная на такие действия организация. Помимо всего прочего, закон о продаже устанавливает, что такая организация должна иметь соответствующее разрешение на реализацию определенного имущества.

Принудительная реализация арестованного имущества осуществляется двумя способами: либо на комиссионных началах — подобно магазину — между продавцом и покупателем. Либо на торгах — кто предложит большую сумму специализированной организации. На торги попадает имущество стоимостью свыше 500 тысяч рублей в соответствии с Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об исполнительном производстве». [4, с. 62–68]

На основании статьи 69 ФЗ № 229-ФЗ, взыскание на собственность обращается в размере задолженности, включая все расходы, связанные с осуществлением исполнительного действия. Сумма, оставшаяся после продажи и превышающая стоимость обязательств, возвращается должнику.

Рассмотрев в общих чертах всю процедуру продажи обремененного имущества до момента приобретения его в собственность покупателем на торгах, стоит сказать, что эти ограничения, не позволяющие новому собственнику пользоваться и распоряжаться имуществом в полной мере.

Третьи лица используют обременения, чтобы контролировать должника и заставить его вернуть долг. Если говорить обобщенно.

Разновидностей обременений масса: залог (сюда же относится ипотека), аренда, сервитут, рента, доверительное управление и т.д. Каждый из этих вариантов по-своему ограничивает собственника в правах.

Имущество, реализуемое на торгах по банкротству и в рамках возбуждения исполнительного производства, чаще всего обременено залогом, ограничением на регистрационные действия или арестом.

Узнать про обременение имущества можно ещё до участия в торгах: на стадии выбора подходящего лота. По

закону арбитражный управляющий обязан сообщить потенциальным покупателям о наличии обременений и сопутствующих рисках. Однако на практике арбитражные управляющие зачастую недобросовестно выполняют это условие и не сообщают об этом. [5, с. 42–45]

На практике встречаются ситуации, когда победитель торгов о факте наличия обременения узнает только после покупки имущества. Если в описании лота и договоре купли-продажи нет информации об ограничениях — это серьезная ошибка организатора торгов, которая может служить поводом для отмены их результатов. [3, с. 294–296]

В случае признания должника банкротом, арбитражный управляющий уведомляет судебных приставов о необходимости возбужденные исполнительные производства окончить и обременения с имущества снять.

Однако, встречаются ситуации, когда Обременения на имуществе банкротов продолжают висеть. В итоге у управляющего имеется два варианта: добиваться снятия обременений в судебном порядке, либо реализовывать имущество с указанием на наличие в отношении него действующих обременений. [2, с. 1]

В рамках уголовного дела, снять обременение в виде, как правило ареста, может только тот уполномоченный орган, который арест наложил. Иными словами, придётся ждать либо итога рассмотрения уголовного дела, либо истечения срока ареста имущества, установленного судом.

Таким образом, чтобы наличие залога или ареста на уже приобретенном имуществе не стало неожиданностью, необходимо информацию о состоянии имущества проверять самостоятельно.

Наличие обременений на недвижимости проверяйте через официальный сайт Росреестра.

Также для исключения покупки обремененного имущества, необходимо направить управляющему запрос на получение выписки из ЕГРН. В ней также содержится информация об обременениях

Для снятия обременения в виде залога после оплаты по договору купли-продажи управляющий передает сведения залогодержателю, а тот самостоятельно направляет информацию в регистрирующие органы о снятии обременений.

Литература:

1. Как снять обременение с имущества, приобретенного на торгах. — Текст: электронный // Игумнов Групп: [сайт]. — URL: <https://igumnov.group/kak-snyat-obremenenie-s-imushchestva/> (дата обращения: 09.11.2024).
2. Как судебные приставы реализуют арестованное имущество.. — Текст: электронный // Федеральный центр банкротства граждан: [сайт]. — URL: <https://fcbg.ru/kak-pristavy-realizuyut-arestovannoe-imushchestvo> (дата обращения: 09.11.2024).
3. Зейналова, Л. М. Проблемы ограничения и обременения права собственности граждан на жилое помещение в Российской Федерации / Л. М. Зейналова. — Текст: непосредственный // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 1. — С. 294–296.
4. Швабауэр, А. В. О государственной регистрации обременений прав на недвижимое имущество / А. В. Швабауэр. — Текст: непосредственный // Вестник СПбГУ. — 2012. — № 2. — С. 62–68.
5. Бумажникова, О. В. Защита обременения в ходе исполнительного производства / О. В. Бумажникова. — Текст: непосредственный // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2013. — № 16. — С. 42–45.

Автоматизация криминалистического анализа данных в информационно-поисковых системах

Титков Никита Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Даниил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена вопросам автоматизации криминалистического анализа данных в информационно-поисковых системах, применяемых в следственной и оперативной работе. Рассматриваются возможности современных систем для улучшения качества и скорости расследования преступлений, особенно в случаях многоэпизодных правонарушений. Описаны преимущества применения компьютерных технологий для обработки и анализа информации в процессе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: автоматизация, криминалистический анализ, информационно-поисковые системы, оперативная деятельность, уголовное судопроизводство.

Криминалистика, оставаясь динамично развивающейся наукой, ориентирована на удовлетворение потребностей следственной, экспертной, оперативно-криминалистической и судебной практики, предоставляя эффективные средства и методы для борьбы с преступностью. Как описывает С.В. Баринов, этот раздел науки постоянно адаптирует и обновляет свои методики и практики расследования для обеспечения высокой эффективности работы [1, с. 25].

В ходе раскрытия и расследования преступлений очень важно учитывать, что информация должна быть системной. Это подразумевает, что данные собираются, обновляются и упорядочиваются в четко организованной форме, что может включать разные виды учета информации.

Согласно Р.Е. Деминой, современная система криминалистической регистрации основывается на научных принципах и включает в себя различные специализированные учеты, которые являются основными источниками актуальной информации. В зависимости от специфики предмета исследований и его значимых признаков, выделяют несколько категорий криминалистически важной информации, среди которых оперативно-справочные, криминалистические учетные данные, а также справочные и вспомогательные записи. Кроме того, элементы ведомственной статистики, регистрационно-справочные материалы и документы, служат вспомогательными инструментами для работы правоохранительных органов [3, с. 46].

Успешность расследования правонарушений в немалой степени определяется тем объемом критически важной информации, имеющейся у следователя и его помощников. В последние годы для систематизации и анализа таких данных активно используются информационные технологии, основанные на мощных вычислительных системах с соответствующим программным обеспечением.

При расследовании уголовных дел важно вести информационно-аналитическую работу, охватывающую сбор, систематизацию, хранение и анализ доказательств для поиска наиболее полезных тактических и процессуальных решений дела.

В ходе расследования преступлений, связанных с организованными преступными группами, информационно-аналитическое обеспечение стремительно увеличивает свою важность. Это обусловлено тем, что следователь сталкивается с рядом сложных задач, которые требуют глубокого анализа и понимания. В частности, в ситуации многоэпизодных групповых преступлений, особенно характерных для сфер, подвергающихся изменениям в экономике, росту межрегиональных и международных преступных связей, без качественной информационно-аналитической работы невозможно эффективно расследовать преступления такого рода.

Внедрение информационно-аналитических технологий в работу правоохранительных органов повышает эффективность процессуальных подходов в сферах расследования правонарушений, следствия, оперативной работы, судебных экспертиз и оптимизации формирования, хранения, упорядочивания и глубокого анализа как доказательственной, так и вспомогательной информации.

В своём исследовании А.И. Винберг указывает на использование в следственных подразделениях различных информационных систем, таких как «Папиллон», «Арсенал», «Образ плюс» и других [2, с. 45].

С конца 80-х годов прошлого столетия в органах внутренних дел начали использовать автоматизированные информационные дактилоскопические системы (АИДС), работающие на компьютерах и позволяющие осуществлять автоматическое хранение, кодирование и анализ отпечатков пальцев. По мнению А.Е. Козлова, дактилоскопические системы эффективно применяются для идентификации и улучшают точность результатов на этапе криминалистической экспертизы и оперативной деятельности [5, с. 11].

Система АДИС «Папилон» представляет собой многофункциональный программно-аппаратный комплекс для формирования и обработки биометрических данных, направленный на создание качественного массива дактилоскопических карт (дактилокарт) с использованием бесцветного метода прокатки. Этот метод, обеспечивающий высокую точность и чистоту отпечатков, реализован с помощью «живых сканеров», которые считывают

отпечатки пальцев и ладоней напрямую, без необходимости нанесения краски. Таким образом, отпечатки, попадающие в систему, сохраняют высокое качество, что упрощает процесс идентификации личности.

Важным компонентом системы является банк данных, где хранятся дактилокарты, фотоизображения лиц, особые приметы, а также словесные описания. Это позволяет обеспечить полноту и надежность биометрической информации о каждом человеке. Система обеспечивает удобный ввод данных и предоставляет функции хранения и обработки информации, что делает её особенно полезной для правоохранительных органов и других структур, занимающихся идентификацией лиц.

Функции идентификации в системе включают определение личности человека по отпечаткам пальцев и ладоней. АДИС «Папилон» может производить автоматическое сопоставление полученных данных с сохраненными в базе, что позволяет оперативно выявлять личность человека. Кроме того, система предоставляет возможность идентификации следов, оставленных пальцами и ладонями на различных поверхностях, что имеет особое значение для проведения экспертиз и раскрытия преступлений.

АДИС «Папилон» включает инструменты для автоматизированного дактилоучета, которые позволяют выводить дактилоформулы, производить выборки, сортировать списки, а также редактировать и удалять записи. Помимо этого, система обеспечивает вывод изображений дактилокарт и фотоизображений на монитор и принтер, а также возможность печати документов и справок [4, с. 99].

Массивы АДИС могут быть использованы:

- для розыска пропавших без вести граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства;
- для установления по неопознанным трупам личности человека;
- для установления личности граждан, неспособных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о себе;
- для подтверждения личности граждан;
- для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также предупреждения и выявления административных правонарушений [1, с. 18].

Информационно-поисковая система «Арсенал» представляет собой специализированное решение для автома-

тизации работы с базами данных, предназначенное для оперативного поиска и анализа информации. Она разработана для правоохранительных органов и силовых структур и позволяет собирать, хранить и быстро обрабатывать большие массивы данных, связанных с личностями, их биометрическими и персональными характеристиками, криминальными историями, а также с различными предметами и объектами, представляющими оперативный интерес. Система интегрирует различные источники информации и предоставляет удобный интерфейс для ввода, сортировки и поиска по различным критериям, что повышает эффективность обработки данных и обеспечивает высокий уровень безопасности и конфиденциальности [4, с. 33].

Одной из ключевых особенностей «Арсенала» является возможность быстрого поиска данных по запросам, например, по биометрическим признакам, следам, отпечаткам пальцев, внешним особенностям, а также по признакам, связанным с конкретными событиями или объектами. Система поддерживает функции интеграции с другими базами данных, что позволяет оперативно обмениваться информацией и проводить межведомственные проверки. В дополнение к этому «Арсенал» обладает мощными аналитическими инструментами, которые помогают строить связи между записями, анализировать тенденции и выстраивать логические цепочки, что делает его незаменимым помощником в расследованиях и оперативной деятельности.

Таким образом, криминалистика, активно применяя автоматизированные технологии анализа данных в информационно-поисковых системах, адаптируется к современным требованиям и условиям борьбы с преступностью, что позволяет оперативно решать сложные задачи, встающие перед следствием, особенно в расследованиях, связанных с организованными преступными группами. Компьютерные технологии, лежащие в основе данных систем, не только оптимизируют поиск информации, но и позволяют строить логические связи, что важно при расследовании многоэпизодных и межрегиональных преступлений. В результате информационно-аналитические системы оказываются мощным инструментом, который не только ускоряет криминалистический анализ данных, но и повышает уровень доказательности и системности в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Баринов, С. В. Криминалистика / С. В. Баринов. — Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2023. — 136 с. — Текст: непосредственный.
2. Винберг, А. И. Криминалистика / А. И. Винберг. — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 2020. — 272 с. — Текст: непосредственный.
3. Демина, Р. Е. Криминалистическая регистрация и ее использование в расследовании преступлений / Р. Е. Демина. — Саратов: СЮИ МВД России, 2021. — 215 с. — Текст: непосредственный.
4. Демин, К. Е. Криминалистическая техника / К. Е. Демин. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 403 с. — Текст: непосредственный.
5. Козлов, А. Е. Современные технико-криминалистические средства, применяемые в ходе осмотра места происшествия / А. Е. Козлова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. — 64 с. — Текст: непосредственный.

Особенности применения биометрических данных в криминалистических информационно-поисковых системах

Титков Никита Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Стронский Даниил Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена особенностям использования биометрических данных в криминалистических информационно-поисковых системах. Рассматриваются преимущества биометрии для оперативной идентификации личности и повышение эффективности раскрытия преступлений. Также затронуты вопросы безопасности и конфиденциальности биометрических данных в правоохранительных системах.

Ключевые слова: биометрия, криминалистика, идентификация личности, информационно-поисковые системы, национальная безопасность.

С быстрым развитием технологий обработки данных растёт актуальность использования биометрических систем для обеспечения национальной безопасности. В последние годы в Российской Федерации активно обсуждается идея создания единой базы биометрических данных граждан, которая охватывала бы не только финансовый сектор, но и другие области [2, с. 11].

В начале 1980-х годов биометрия означала изучение мер и пропорций человеческого тела, которые влияют на здоровье. С течением времени она начала активно использоваться в других сферах, например, в криминалистике, информационной безопасности, а также для идентификации личности.

Сфера биометрии претерпела значительные изменения благодаря развитию технологий. До недавнего времени она занималась лишь анализом человеческих физических данных, сегодня благодаря компьютеризации и искусственному интеллекту она научилась также использовать цифровую обработку для идентификации и верификации личности по уникальным особенностям организма и поведения. Таким образом, она является не просто наукой, а актуальной практической методикой, востребованной в реальной жизни.

Биометрия охватывает использование статистики, медицинской информатики и компьютерных наук для решения задач в биологии и медицине. В свою очередь, судебная экспертиза и криминалистика активно применяют биометрические исследования [5, с. 19].

Биометрические технологии представляют собой методы, на основе которых осуществляется идентификация или аутентификация людей через анализ их биометрических данных, таких как отпечатки пальцев, радужка глаз, или другие характеристики. «Био» — от греческого — означает «жизнь», что говорит о конкретных признаках человека; а метрика — это, по сути, математическая обработка данных в статистике [3, с. 99]. Таким образом, криминалисты, работающие с биометрией, выполняют такие важные функции как идентификация и аутентификация. При идентификации производится установление соответствия параметров, характеризующих лицо, заданным критериям, а при аутентификации подтверждается при-

надлежность к определённому набору данных для предоставления доступа к системам или услугам.

В сфере банковского дела, правоохранительных органов, а также в системах контроля доступа и прочих, биометрические технологии находят сегодня широкое применение.

Согласно Л. Я. Драпкиной, биометрия — это совокупность технологий и систем, предназначенных для автоматической идентификации личности по её физиологическим или поведенческим признакам [4, с. 86].

По мнению А. В. Антропова, биометрия представляет собой ряд автоматизированных систем, позволяющих собирать, хранить и анализировать индивидуальные биометрические характеристики, направленные на идентификацию личности, что положительно сказывается на предотвращении и раскрытии преступлений [1, с. 67].

Учитывая вышеизложенное, главной целью биометрического исследования является идентификация и верификация личности.

Идентификация личности — это процесс, в ходе которого устанавливается соответствие индивидуального человека с конкретной записью или изображением из базы данных [6, с. 81].

Верификация заключается в сопоставлении идентичности конкретного пользователя с существующими данными в базе.

Применение биометрических данных в криминалистических информационно-поисковых системах играет важную роль в современных методах борьбы с преступностью. Биометрические данные, включая отпечатки пальцев, изображения лиц, радужную оболочку глаза и голосовые характеристики, используются для идентификации личности на основе уникальных физических или поведенческих особенностей. Эти данные повышают точность и надёжность системы при проверке личности, что имеет значительные преимущества как для следственных органов, так и для правовых процессов. В информационно-поисковых системах правоохранительных органов биометрия позволяет оперативно сравнивать новые данные с существующими записями и находить соответствия в базе.

Одной из важных особенностей применения биометрических данных является возможность автоматизированного поиска и сопоставления информации. Современные программные комплексы, такие как автоматизированные дактилоскопические системы, работают с большим объемом данных и предоставляют быстрые результаты, что ускоряет процесс идентификации подозреваемых или подтверждения личности потерпевшего. Автоматизация процессов позволяет эффективно управлять огромными массивами информации, исключая человеческие ошибки и повышая достоверность получаемых данных. Эти возможности особенно ценны при расследовании сложных дел, когда требуется оперативный доступ к различным криминалистическим учетам и информации [3, с. 106].

Применение биометрии в криминалистических информационных системах требует соблюдения строгих стандартов безопасности и конфиденциальности данных. Поскольку биометрические данные представляют собой чувствительную информацию, доступ к ним должен быть строго контролируемым, а хранение данных должно соответствовать законодательным нормам и требованиям. Защита биометрической информации снижает риски утечки или несанкционированного использования данных, что особенно важно для обеспечения доверия к системе со стороны граждан и соблюдения их прав.

Использование биометрии открывает новые возможности для международного сотрудничества правоохранительных органов. Унификация методов и стандартов сбора и хранения биометрической информации позволяет создавать межведомственные и международные базы данных, что ускоряет обмен информацией в глобальном масштабе. Новые технологии дают возможность прово-

дить совместные проверки и обмениваться биометрической информацией. Это делает биометрию важнейшим инструментом в борьбе с преступностью и помогает в эффективном раскрытии и предотвращении преступлений.

Важно заострить внимание на том, что на сегодняшний день в правоохранительных органах не используются все доступные методы биометрической идентификации при раскрытии и расследовании преступлений. В ходе практической деятельности правоохранительных органов возникают сложности, когда сотрудники должны запрашивать информацию из различных источников, в том числе из разных ведомств, что приводит к запозданию в раскрытии преступлений. Это существенно затрудняет работу «по горячим следам» и приводит к упущению ценной информации о предполагаемых правонарушителях [5, с. 22].

Таким образом, биометрические данные становятся неотъемлемой частью современных криминалистических информационно-поисковых систем, предлагая эффективные инструменты для идентификации и верификации личности. Благодаря применению уникальных физиологических и поведенческих характеристик, биометрия значительно повышает точность и надежность идентификационных процедур, что способствует более оперативному раскрытию преступлений и усилению мер безопасности. Вместе с тем, использование биометрии требует особого внимания к вопросам защиты данных и соблюдения конфиденциальности, что важно для предотвращения несанкционированного доступа и укрепления доверия к системе. В будущем биометрические технологии, вероятно, продолжат развиваться, предлагая новые возможности для международного сотрудничества правоохранительных органов и повышения эффективности работы с массивами данных в криминалистике.

Литература:

1. Антропов, А. В. Криминалистическая экспертиза / А. В. Антропов, Д. В. Бахтеев, А. В. Кабанов. — Москва: Юрайт, 2023. — 185 с. — Текст: непосредственный.
2. Баринов, С. В. Криминалистика / С. В. Баринов. — Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2023. — 136 с. — Текст: непосредственный.
3. Винберг, А. И. Криминалистика / А. И. Винберг. — Москва: Государственное издательство юридической литературы, 2020. — 272 с. — Текст: непосредственный.
4. Драпкина, Л. Я. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений / Л. Я. Драпкина. — Москва: Юрайт, 2024. — 392 с. — Текст: непосредственный.
5. Козлов, А. Е. Современные технико-криминалистические средства, применяемые в ходе осмотра места происшествия / А. Е. Козлова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. — 64 с. — Текст: непосредственный.
6. Эксархопуло, А. А. Криминалистическая техника / А. А. Эксархопуло. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 258 с. — Текст: непосредственный.

Юридические критерии и особенности информации, рассматриваемой в качестве рекламы

Толкачева Надежда Анатольевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Колосов Николай Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет

В статье анализируются критерии отнесения информации к рекламе с юридической точки зрения, а также особенности разграничения сведений информационного и рекламного характера.

Ключевые слова: критерии отнесения информации к рекламе, признаки рекламы, реклама, сведения, носящие информационный характер.

В настоящее время понятие рекламы в Российской Федерации закреплено на законодательном уровне в Федеральном законе от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее — Закон о рекламе). Так, согласно статье 3 указанного закона реклама — это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [1, ст. 3].

На основе вышеуказанного понятия можно выявить основные признаки рекламы в юридическом смысле этого слова.

Первым и одним из ключевых признаков рекламы является распространение ее любыми способами, в любой форме и с использованием любых средств. Это значит, что законодатель в данном случае не ограничивает рекламодателя какими-то конкретными способами распространения рекламы. Реклама может быть распространена как угодно, будь то размещение информации на рекламных стендах, общественном транспорте, на страницах сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», или же доведение информации до потребителя посредством телефонных звонков, отправки смс-сообщений, трансляции ее в радио-, телепрограммах. Таким образом, выбор метода распространения рекламы законодатель оставляет на усмотрение рекламодателя.

Вторым неотъемлемым критерием отнесения информации к рекламе является адресация ее неопределенному кругу лиц. То есть, исходя из законодательно закрепленного понятия рекламы, можно сделать вывод о том, что доступ к рекламе должно иметь большое количество потребителей, иначе такая информация будет носить исключительно информационный характер.

Последним и, как представляется, наиболее важным критерием отнесения информации к рекламе в юридическом смысле является то, что любая рекламная информация должна содержать в себе объект рекламирования, непосредственно к которому формируется интерес у потребителя. Понятие объекта рекламирования также закреплено в статье 3 Закона о рекламе. Объектом рекламирования может выступать любой товар, работа, а также услуга.

Для признания информации рекламой, присутствовать в ней должны все вышеуказанные признаки, в противном случае такая информация рекламой считаться не будет и, как следствие, не будет подпадать под действие Закона о рекламе.

Федеральный государственный контроль (надзор) в сфере рекламы на территории Российской Федерации осуществляет Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (далее — ФАС России) и ее территориальные органы [1, ст. 33]. ФАС России также уполномочена на дачу разъяснений по вопросам применения рекламного законодательства.

Так, на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» ведомство дало некоторые разъяснения относительно того, какую информацию следует признавать рекламной. ФАС России подчеркнуло «к рекламе не относятся справочно-информационные и аналитические материалы: обзоры внутреннего и внешнего рынков, результаты научных исследований и испытаний [2]». Это прежде всего связано с тем, что в такого рода материалах отсутствует объект рекламирования, как неотъемлемый признак рекламы. Такие материалы публикуются в первую очередь для доведения до потребителей информации справочного характера, они не преследуют цели продвижения товаров, работ, услуг на соответствующем рынке.

Также не будет считаться рекламой информация, распространяемая на официальном сайте производителя соответствующего товара в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или в его социальных сетях [3]. Такая информация предназначена для информирования посетителей соответствующих сайтов об ассортименте товаров, оказываемых услугах, выполняемых работах. Это же касается информации, размещаемой продавцом в месте нахождения организации, поскольку в данном случае отсутствует не только объект рекламирования, но и адресация неопределенному кругу лиц, так как данную информацию могут увидеть непосредственно посетители организации. Более того, в силу законодательства Российской Федерации [4], доведение данной информации до сведения потребителя обязательно, в противном случае ее размещение будет являться нарушением действующего законодательства со стороны продавца соответствующего товара.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует еще раз отметить, что не вся информация с юридической точки зрения может считаться рекламой. Законодатель четко определил критерии рекламной информации, в совокупности при наличии которых соответствующая информация будет регулироваться рекламным законодательством. Перечисленные в настоящей статье критерии

также являются обязательными при рассмотрении вопроса о возбуждении дела о нарушении рекламного законодательства. В случае, если антимонопольным органом будет установлено, что информация не обладает всеми признаками рекламы, в возбуждении дела о нарушении рекламного законодательства Российской Федерации будет отказано.

Литература:

1. О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.— 2006.— № 12.— Ст. 1232.
2. ФАС уточнила, какая информация признается рекламой / ФАС России.— Текст: электронный // ФАС России: [сайт].— URL: <https://fas.gov.ru/news/32269> (дата обращения: 16.11.2024).
3. Письмо ФАС России от 27 апреля 2023 года № 08/32849/23 «Об информации в сети »Интернет».— Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457902/ (дата обращения: 16.11.2024).
4. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 // Собрание законодательства Российской Федерации.— 1996.— № 3.— Ст. 140.

Проблемы привлечения к административной ответственности лиц по части 1 статьи 14.3 КоАП РФ за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе

Толкачева Надежда Анатольевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Колосов Николай Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет

В статье анализируются актуальные проблемы привлечения правонарушителей к административной ответственности за нарушения в сфере рекламного законодательства, предусмотренные ч. 1 ст. 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административная ответственность, актуальные проблемы, рекламное законодательство.

Понятие рекламы в Российской Федерации закреплено в Федеральном законе от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее — Закон о рекламе). Так, согласно статье 3 указанного закона реклама — это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [1, ст. 3].

В настоящее время за нарушения в области законодательства Российской Федерации о рекламе предусмотрены гражданская и административная формы ответственности. Административная ответственность за нарушение рекламного законодательства предусмотрена такими положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), как статья 14.3, часть 4 статьи 14.3.1, статья 14.37, статья 14.38, статья 19.31.

Следует отметить, что вышеперечисленные составы административных правонарушений, за исключением части 1 статьи 14.3 КоАП РФ, являются своего рода «специальными», поскольку предусматривают ответственность рекламодателей, рекламопроизводителей и рекламораспространителей за конкретные способы распространения рекламной информации с нарушением Закона о рекламе. В свою очередь, часть 1 статьи 14.3 КоАП РФ является общей статьей за нарушение рекламного законодательства.

Так, часть 1 статьи 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает следующее: «нарушение рекламодателем, рекламопроизводителем или рекламораспространителем законодательства о рекламе, за исключением случаев, предусмотренных частями 2–17 настоящей статьи, частью 4 статьи 14.3.1, статьями 14.37, 14.38, 19.31 настоящего Кодекса, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до двух тысяч

пятисот рублей; на должностных лиц — от четырех тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до пятисот тысяч рублей [2, ст. 14.3]».

Несмотря на сложившуюся практику в области привлечения правонарушителей к ответственности за нарушение рекламного законодательства, все еще наблюдается ряд проблем, с которыми сталкиваются уполномоченные органы при реализации своих функций по контролю и соблюдению требований рекламного законодательства.

В первую очередь при наличии явного нарушения рекламного законодательства зачастую антимонопольный орган, уполномоченный на ведение государственного контроля (надзора) в сфере рекламы на территории Российской Федерации [1, ст. 33], сталкивается с невозможностью установления лица, в действиях которого содержатся признаки нарушения рекламного законодательства. В нынешних реалиях это как никогда актуально, поскольку высокую популярность обрело распространение рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без соответствующей пометки «реклама», предусмотренной Законом о рекламе [1, ст. 18.1]. Сложности возникают при попытке установления владельца сайта, на котором размещается реклама, так как сайт может быть зарегистрирован за пределами территории Российской Федерации. Также данная проблема имеет место быть, когда реклама распространяется в так называемых «сообществах», «каналах», «группах» в различных социальных сетях. У таких сообществ может быть несколько администраторов, а вся информация может публиковаться под именем сообщества, а не от конкретного лица.

Отдельно стоит отметить рекламу услуг по поверке приборов учета воды, которая распространяется в почтовые ящики жильцов многоквартирных домов не только в Иркутской области, но и в иных субъектах Российской

Федерации, таких как Пермский край [4], Томская область [5], Кировская область [6], Республика Коми [7], причем рекламодателем везде выступает одно и то же лицо. У потребителей (в особенности у людей пенсионного возраста) создается ложное представление о том, что необходимо обязательно провести метрологическую поверку водосчетчиков у организации, чьи листовки распространены, чтобы не было начисления платы за потребление воды [3].

Проблемой правоприменения при рассмотрении подобных дел, на наш взгляд, является то, что факты распространения рекламы фиксируются на всей территории Российской Федерации. Однако несмотря на то, что такая реклама признается ненадлежащей, а виновное лицо неоднократно привлекается к административной ответственности различными территориальными органами ФАС России в том числе в максимальном размере, установленном ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ (20 000 рублей), такие меры не оказывают должного воздействия на правонарушителя, и реклама вновь распространяется в виде иных отредактированных материалов, также носящих предпринимательский характер.

Представляется, что одним из путей решения данной проблемы может быть увеличение суммы штрафа за совершение повторных нарушений в области рекламного законодательства, применение к правонарушителю иных мер ответственности.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что несмотря на многолетний опыт работы с нарушениями в области законодательства Российской Федерации о рекламе, многие территориальные органы ФАС России продолжают сталкиваться с проблемами при привлечении к административной ответственности лиц, допустивших нарушение рекламного законодательства.

Литература:

1. О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 12. — Ст. 1232.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
3. Иркутское УФАС России: реклама об обязательной поверке счетчиков признана незаконной / Иркутское УФАС России. — Текст: электронный // Иркутское УФАС России: [сайт]. — URL: <https://irkutsk.fas.gov.ru/analytic/21299> (дата обращения: 16.11.2024).
4. Пермское УФАС добилося запрета распространения незаконных листовок о проверке счетчиков водопотребления / Пермское УФАС России. — Текст: электронный // Пермское УФАС России: [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6711171> (дата обращения: 16.11.2024).
5. Томское УФАС оштрафовало ИП на 16 тыс руб за рекламу поверки счетчиков / Томское УФАС России. — Текст: электронный // Томское УФАС России: [сайт]. — URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20230109/tomskoe-ufas-oshtrafovalo-ip-na-16-tis-za-reklamu-poverki-schetchikov/> (дата обращения: 16.11.2024).
6. В Кировском УФАС рекламу поверки счетчиков воды признали ненадлежащей / Кировское УФАС России. — Текст: электронный // Кировское УФАС России: [сайт]. — URL: <https://nn.versia.ru/v-kirovskom-ufas-reklamu-poverki-schetchikov-vody-priznali-nenadlezhashhej> (дата обращения: 16.11.2024).
7. Коми УФАС выявило признаки недостоверной рекламы по поверке приборов учета воды в Сыктывкаре / УФАС по Республике Коми. — Текст: электронный // УФАС по Республике Коми: [сайт]. — URL: <https://komi.fas.gov.ru/publications/18902> (дата обращения: 16.11.2024).

Этика и правосознание в эпоху искусственного интеллекта

Фролова Валерия Сергеевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье рассматриваются ключевые этические и правовые вопросы, связанные с развитием и внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в современное общество. Обсуждаются такие проблемы, как моральная ответственность за действия ИИ, прозрачность алгоритмов, защита прав человека и риск миссии. Отдельное внимание уделено правосознанию и правовому регулированию ИИ, включая вопросы ответственности, приватности и свободы личности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика, правосознание, прозрачность, ответственность, права человека, дискриминация, правовое регулирование, автономность, защита.

Ethics and legal consciousness in the era of artificial intelligence

The article examines key ethical and legal issues related to the development and implementation of artificial intelligence (AI) in modern society. Issues such as moral responsibility for actions AI, algorithmic transparency, human rights protection, and mission risk are discussed. Special attention is paid to legal consciousness and legal regulation of AI, including issues of responsibility, privacy and personal freedom.

Keywords: artificial intelligence, ethics, legal awareness, transparency, responsibility, human rights, discrimination, legal regulation, autonomy, protection.

С развитием искусственного интеллекта (ИИ) мы наблюдаем значительные изменения в различных обществах, от медицины и транспорта до экономики и культуры. Однако вместе с преимуществами возникают и серьезные проблемы в области этики и правосознания. Искусственный интеллект научился решать задачи, которые ранее выполнялись только людьми, но это вызывает вопросы о его возможностях, правах, обязанностях и ответственности. Важно учитывать этические и правовые аспекты, связанные с его внедрением.

Одной из центральных проблем является моральная ответственность за действия, совершаемые ИИ. С одной стороны, ИИ — это всего лишь инструмент, созданный человеком, и его действия являются результатом программирования и данных, которые он обучил. Однако с ростом автономности ИИ этот вопрос становится все более сложным. Если ИИ-система примет решения на основе сложных алгоритмов, которые даже разработчики могут не полностью понять, кто не будет нести ответственность за возможные ошибки или злоупотребления [1].

– **Ответственность и автономность.** Современные ИИ-системы, особенно использующие машинное обучение, могут работать автономно и принимать решения без контроля человека [2].

– **Человеческое достоинство и права человека.** Применение ИИ в таких понятиях, как здравоохранение и правосудие, может значительно улучшить качество услуг, однако есть и риски. Например, если алгоритмы ИИ обучены на неполных или предвзятых данных, это может привести к нарушению прав человека в социальной или юридической сфере, например, в сфере здравоохранения или юстиции. Важно, чтобы методы ИИ разрабатывались и использо-

вались с учетом человеческого достоинства, равноправия и свободы, в противном случае они могут неосознанно увеличивать социальные и расовые предвзятости, присутствующие в данных. Например, если алгоритм ИИ обучен на данных о вирусах, где была дополнительно представлена демографическая группа, он может внести предвзятость, что недопустимо в правовом или медицинском отношении [4].

– **Прозрачность и объяснимость.** Если ИИ-система использует данные для принятия решений о том, кто должен получить кредит, важно, чтобы она могла объяснить, какие факторы были учтены при наших решениях, и как они выяснили в итоге. Если алгоритм не сможет расчитать такую информацию, это повлечет за собой риски несправедливости или несправедливости.

В связи с этим активно разрабатываются методы улучшения объяснимости ИИ, такие как «объяснимые модели» или «интерпретируемые алгоритмы», которые помогают сделать работу ИИ более понятной для человека, даже если сам процесс принятия решения остается сложным.

– **Правовой статус искусственного интеллекта.** В настоящее время ИИ считается инструментом, созданным человеком, а не самостоятельным субъектом, который мог бы нести юридическую ответственность за свои действия. То есть, если ИИ совершает ошибку или наносит вред, ответственность лежит на тех, кто создал, использует или управляет этой системой (разработчики, компании, пользователи).

Однако с развитием ИИ и его возрастающей автономностью (когда системы становятся более независимыми в интеллектуальных технологиях, как в случае с самоуправляемыми автомобилями или автономной цепью) встает вопрос, нужно ли пересмотреть эти подходы. Воз-

можно, с учетом сложных задач, которые ИИ будет решать в будущем, потребуется более гибкое регулирование, которое учитывает не только ответственность человека за действия ИИ, но и в какой-то степени признает автономию ИИ. Например, это может включать в себя определение успеха прав и обязанностей для ИИ-системы, а также то, как они должны быть наказаны или вознаграждены в случае ошибок или ошибок.

В общем, это о том, что несмотря на то, что ИИ сейчас является объектом права, с его развитием и повышением уровня автономности возможна необходимость создания новых юридических норм, которые будут учитывать его особенности.

– **Нормативное регулирование и права человека.** Уже сейчас есть несколько международных инициатив, направленных на разработку базовых прекращений использования ИИ. Например, ООН и Европейский Союз дали рекомендации по разработке ИИ с акцентом на уважение прав человека, защиту данных и недискриминацию. Такие рекомендации предназначены для законодательства, которое в будущем сможет защитить граждан от возможных злоупотреблений при использовании ИИ. В Европе обсуждается проект закона о регулировании ИИ, который определяет правила для различных классов ИИ-систем в зависимости от их риска для общества [6].

– **Ответственность за действия ИИ.** Пока не определено, как именно должна быть отражена ответственность за ошибки и вред, причиненный ИИ. Рассматривается несколько моделей: ответственность разработчиков и компаний, создателей и пользователей ИИ; возможно, возникла особая категория «технологическая ответственность». Например, если автономное транспортное средство совершает аварию, кто должен присутствовать — владелец, разработчик программного обеспечения или производитель автомобиля?

Развитие ИИ создает как возможности, так и риски для прав и свободы человека. Одной из основных проблем является нарушение прав на конфиденциальность. ИИ-системы собирают и обрабатывают огромные объемы данных, включая биометрические и персональные данные, которые могут привести к злоупотреблениям. Кроме того, алго-

ритмы, используемые для анализа данных, могут отслеживать поведение людей и принимать решения на основе прогнозов. Без необходимости контроля это может стать угрозой для свободы личности и прав на частную жизнь [1].

Другая угроза — возможное нарушение свободы слова и информации. ИИ-системы, например, применяются для фильтрации информации в некоторых соцсетях. Если алгоритмы ИИ работают с предвзятыми данными или без учета плюрализма, они могут уточнить доступ к информации, увеличивая цензуру. Это особенно важно в современном мире, где свобода слов является важной частью демократического общества [5, с. 484].

Для достижения этого развития ИИ важно следовать базовым принципам, которые обеспечивают баланс между инновациями и правами человека. Основные принципы этичного использования ИИ включают:

1. **Прозрачность.** Пользователи и общество в целом должны иметь возможность понимать, как принимаются решения ИИ, особенно в тех случаях, когда они нарушают свои права.

2. **Ответственность.** Компании, использующие ИИ, не должны нести ответственность за его использование и обеспечение механизмов дополнительной защиты от риска, таких как дискриминация или нарушение прав.

3. **Недопущение церкви.** Алгоритмы должны быть разработаны таким образом, чтобы не допускать к участию в церкви по расовому, половому или социальному признаку.

4. **Приоритет человека.** Независимо от уровня автономности, ИИ-системы должны использоваться так, чтобы обеспечить приоритет стабильности для человека. Решения, связанные с фундаментальными правами, должны оставаться в зоне ответственности человека, а не ИИ [2].

Этика и правосознание в эпоху искусственного интеллекта — это новая область, которая нуждается в тщательном внимании и разработке. Общество должно создать такие правовые и этические рамки, которые предпочтительнее использовать ИИ во благо, минимизируя при этом риски для прав и свободы человека. Будущее ИИ будет определять не только технологические достижения, но и, тем не менее, мы сможем выработать и внедрить ответственные и этические подходы к его использованию.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (одобрен на заседании Альянса в сфере искусственного интеллекта 26 октября 2021 г.).
3. Черешнев, Е. Форма жизни № 4: как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта: научно-популярное издание / Е. Черешнев. — Москва: Альпина Паблишер, 2022. — 484 с.
4. Станкевич, Л. А. Интеллектуальные системы и технологии: учебник и практикум для вузов / Л. А. Станкевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 495 с.
5. Попов, Д. В. Искусственный интеллект: между человечностью и бесчеловечным / Д. В. Попов // Дискурс-Пи. — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 138–156.
6. Песоцкая, К. И. Этические проблемы в разработке систем искусственного интеллекта / К. И. Песоцкая, Р. А. Дунаев // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. — 2023. — Т. 48, № 1. — С. 147–152.

Восприятие правовых норм в эпоху искусственного интеллекта

Фролова Валерия Сергеевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Статья посвящена исследованию восприятия правовых норм в контексте развития искусственного интеллекта (ИИ). С развитием технологий ИИ меняется не только способ решения задач и выполнения функций, но и подходы к правовому регулированию, этике и социальной ответственности. В статье рассматриваются ключевые проблемы, связанные с правовым статусом ИИ, его ролью в правовых системах, а также взаимодействием между людьми и ИИ в контексте правовых норм. Особое внимание уделено вопросам ответственности за действия ИИ, вопросам прозрачности и объяснимости алгоритмов, а также правам человека в эпоху новых технологий. В статье анализируются основные вызовы, стоящие перед правовыми системами в условиях стремительного развития ИИ, а также предлагаются возможные пути решения этих проблем.

Ключевые слова: искусственный разум, общественная жизнь, искусственный интеллект, научный подход, цифровая личность.

Perception of legal norms in the era of artificial intelligence

The article is devoted to the study of the perception of legal norms in the context of the development of artificial intelligence (AI). With the development of AI technology, not only the way of solving problems and performing functions changes, but also approaches to legal regulation, ethics and social responsibility. The article considers key issues related to the legal status of AI, its role in legal systems, as well as the interaction of people and AI in the context of legal norms. Particular attention is paid to issues of liability for the actions of AI, issues of transparency and explainability of algorithms, as well as human rights in the era of new technologies. The article analyzes the main problems faced by legal systems in the context of the rapid development of AI, and suggests possible solutions to these problems.

Keywords: artificial intelligence, social life, artificial intelligence, scientific approach, digital personality.

На сегодняшний день растет интерес юристов к исследованию воздействия искусственного интеллекта на правовую систему общества. В условиях глобальной нестабильности, неопределенности и быстро меняющихся технологий современному человеку необходимо находить новые подходы для успешного сосуществования с ними. Одной из важнейших задач, стоящих перед Российской Федерацией, является создание правовых норм, регулирующих развитие искусственного интеллекта. Ключевым аспектом этого процесса является последовательная и систематическая интеграция искусственного интеллекта в общественную жизнь при соблюдении законных интересов граждан. Однако одной из нерешенных проблем остается определение места искусственного интеллекта в контексте моральных и этических норм, которые являются основой человеческой деятельности.

Искусственный интеллект — способность интеллектуальных систем выполнять задачи, которые традиционно считались исключительным правом человека. Искусственный интеллект охватывает не только область науки и технологии, но и создание интеллектуальных машин, особенно таких, как компьютерные программы, обладающие творческими способностями.

Существуют многочисленные научные группы, активно занимающиеся исследованиями в данной об-

ласти. Например, в США функционируют специализированные центры, такие как Массачусетский технологический университет и Исследовательский институт машинного интеллекта. В Германии вопросы воздействия искусственного интеллекта на общество исследует Центр искусственного интеллекта. В России Научный совет по методологии искусственного интеллекта при РАН анализирует влияние новых технологий на правовую сферу и их взаимодействие с юридическими принципами.

В 2019 г. Президент РФ В. В. Путин поставил задачу создания Национальной стратегии по искусственному интеллекту. В соответствии с Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. N490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.) в правовых нормах закрепляется современное определение искусственного разума. Разрабатывается комплекс технологических решений, позволяющие воспроизводить высшие мозговые функции человека, включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Деятельность искусственного интеллекта, способного обладать компьютерным зрением, обработкой естественного языка, распознавания речи и иных уникальных

возможностей ИИ, направлена на автономное решение различных задач, представление и преобразование понятий, моделирование многочисленных систем, инженерию знаний, доказательства теорем. В вышеуказанном нормативно-правовом акте провозглашены принципы использования ИИ в жизни людей.

Безусловно, искусственный интеллект играет ключевую роль в преобразовании общественной жизни, предоставляя новые возможности для улучшения качества жизни каждого человека. Он призван повысить уровень обороноспособности государства, улучшить медицинские и образовательные услуги, а также повысить эффективность множества других сфер. Именно поэтому на уровне государственной власти России разрабатывается комплекс мер по внедрению искусственного интеллекта, а также создание нормативных актов, регулирующих его развитие и применение.

Прогнозирование воздействия искусственного интеллекта на правовую сферу и поведение граждан основывается на исследовательских подходах ученых, включая нейролингвистов и психологов. В этой области существует несколько направлений, каждое из которых по-своему трактует роль ИИ в правовом пространстве. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из первых значимых шагов в этой области был язык символических вычислений «Лисп», который предполагал выполнение запрограммированных действий через набор символов. Однако в процессе применения этого подхода ученые пришли к выводу, что предлагаемые ИИ возможности воспринимаются человеком как отсутствие инструментов для воплощения программы в жизнь.

В рамках другой научной парадигмы был разработан логический подход, основанный на законах логики. Ученые создали специальный язык «Пролог», который позволяет систематизировать факты и правила логического вывода, избегая жесткой алгоритмической строгости. Этот подход позволил выделить как минимум две основные траектории эволюции искусственного интеллекта и его влияние на правовое поведение человека.

Сегодня искусственный интеллект уже частично заменяет человека в правовой сфере, особенно в таких областях, как управление собственностью, рассмотрение гражданских дел и составление бухгалтерских отчетов. Однако правовая деятельность не сводится только к строгому соблюдению законов и процедур. Важным элементом является и способность к принятию решений с учетом человеческих эмоций и чувств, что помогает достичь справедливости и понимания в процессе решения юридических вопросов. Поэтому крайне важно, чтобы человеческий элемент сохранялся в правовой практике. Иначе, если исключить это, искусственный интеллект может в конечном итоге заменить человека в этой важной сфере жизни.

Одним из ключевых вопросов, который возникает в контексте искусственного интеллекта, является уста-

новление юридической ответственности за действия, совершенные машинами. Искусственный интеллект продолжает развиваться, и его способность решать разнообразные задачи в правовой сфере становится всё более значимой. Однако, как и любой другой инструмент, ИИ может давать сбои, что может привести к совершению неправомерных действий. В связи с этим в юридической среде возникают споры о том, кто должен нести ответственность в таких случаях — сам ИИ, его разработчики, пользователи или другие участники.

В Указе Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» подробно указаны направления дальнейшего развития технологий ИИ в нашей стране. Документ акцентирует внимание на необходимости принятия новых правовых норм как на уровне национального, так и международного права, которые бы способствовали безопасному и этичному применению искусственного интеллекта.

1) на международном уровне должна быть принята Конвенция о запрете использования технологий искусственного интеллекта в военных целях, а также в целях установления геополитической гегемонии какого-либо государства либо иных целях, направленных против прав и законных интересов человека;

2) необходима Международная правовая конвенция о невозможности наделения систем искусственного интеллекта правосубъектностью;

3) в национальном отраслевом законодательстве следует закрепить этические принципы развития технологий искусственного интеллекта (возможно, по аналогии с соответствующими разработками на уровне Евросоюза);

4) необходимы запретительные нормы конституционного права на использование технологий искусственного интеллекта в политических избирательных процессах в целях воздействия на избирателей и результаты избирательной компании;

5) необходима профессиональная с позиции юридической техники имплементация законов робототехники в правовую сферу

6) в гражданском законодательстве должны быть закреплены нормы, обеспечивающие защиту от использования технологий искусственного интеллекта в качестве средства недобросовестной конкуренции;

7) искусственный интеллект оказывает влияние на правовую деятельность в части замены многих функций человека, что приведет к росту безработицы населения страны, а потому необходима разработка комплекса норм трудового права, предусматривающих защиту населения от безработицы в свете перспективы развития технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, теоретико-правовое исследование темы позволяет определить направления дальнейших исследований для ученых, занимающихся развитием отраслевого законодательства.

Литература:

1. Алейникова, Д. В. К проблеме общения человека с искусственным интеллектом / Д. В. Алейникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки.— 2023.— Вып. 3(848).— С. 9–15.
2. Беликова, Е. К. Основные вопросы философии искусственного интеллекта / Е. К. Беликова // Философия и культура.— 2024.— № 1.— С. 1–11.
3. Бессмертный, И. А. Интеллектуальные системы: учебник и практикум для вузов / И. А. Бессмертный, А. Б. Нугуманова, А. В. Платонов.— Москва: Юрайт, 2024.— 243 с.
4. Бессмертный, И. А. Системы искусственного интеллекта: учебное пособие для вузов / И. А. Бессмертный.— 3-е изд., испр. и доп.— Москва: Юрайт, 2024.— 164 с.
5. Гаспарян, Д. Э. Этические ограничения применимости искусственного интеллекта: культурфилософский анализ / Д. Э. Гаспарян, Д. С. Турко, Е. В. Бессчетнова // Вопросы философии.— 2023.— № 9.— С. 93–102.
6. Евсеев, В. И. Искусственный интеллект в современном мире: надежды и опасности создания и использования / В. И. Евсеев // Аэрокосмическая техника и технологии.— 2023.— Т. 1, № 1.— С. 16–34.
7. Канакова, А. Е. Человек есть цифровая личность, или у человека есть цифровая личность? / А. Е. Канакова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.— 2024.— Т. 8, № 1(29).— С. 126–135.

Роль прокуратуры в борьбе с экстремизмом и терроризмом

Харламова Алёна Владимировна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Научный руководитель: Склемин Андрей Алексеевич, старший помощник прокурора
Прокуратура г. Саратова

Статья посвящена превентивным мерам и профилактике экстремизма и терроризма в России. Рассматриваются основные направления работы государственных структур, включая просвещение населения, мониторинг информационного пространства и реабилитацию лиц, оказавшихся под влиянием радикальных идеологий. Также анализируются проблемы и перспективы борьбы с терроризмом, такие как недостаточная координация между ведомствами и технологическое развитие, позволяющее экстремистам использовать новые средства пропаганды.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, экстремистская деятельность, экстремизм, государственная власть, свобода граждан, прокурорский надзор.

Актуальность темы, посвященной роли прокуратуры в борьбе с экстремизмом и терроризмом, обусловлена нарастающей угрозой данных явлений для общественной безопасности и стабильности государства. В современных условиях экстремизм и терроризм приобретают все более транснациональный характер, угрожая как национальной, так и международной безопасности. Распространение радикальных идей, использование информационных технологий для вербовки сторонников и координации террористических актов требуют усиленных мер противодействия со стороны государства, в том числе эффективного правового регулирования и надзора.

Прокуратура как орган, ответственный за соблюдение законности, играет ключевую роль в обеспечении правопорядка, предотвращении экстремистской и террористической деятельности, а также в уголовном преследовании виновных лиц. Значимость данной темы усиливается необходимостью совершенствования методов прокурорского надзора в условиях постоянной эволюции угроз.

При этом деятельность прокуратуры требует не только оперативного реагирования на преступления, но и реализации превентивных мер, направленных на предупреждение распространения экстремистских идеологий и предотвращения террористических актов.

Также важно учитывать, что борьба с экстремизмом и терроризмом затрагивает широкий круг правовых, социальных и этических вопросов, включая защиту прав и свобод граждан, баланс между обеспечением безопасности и соблюдением демократических норм. Это делает исследование роли прокуратуры в данном контексте крайне актуальным, поскольку от ее эффективной работы зависит способность государства защищать своих граждан от угроз, исходящих от экстремистских и террористических группировок.

В Российской Федерации борьба с экстремизмом и терроризмом основывается на ряде ключевых законов и нормативных актов, которые устанавливают правовые механизмы противодействия этим явлениям.

1. Федеральный закон «О противодействии терроризму» [8] определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом, меры по предупреждению и ликвидации террористических угроз, а также порядок привлечения виновных к ответственности. Он закрепляет основные функции органов государственной власти, включая полномочия прокуратуры, правоохранительных органов и специальных служб, и устанавливает меры по обеспечению безопасности граждан и объектов.

2. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» [1] определяет понятие экстремистской деятельности и запрещает деятельность организаций и лиц, связанных с пропагандой экстремизма.

3. Федеральный закон «О безопасности» [9] определяет основы государственной политики в области обеспечения безопасности, включая защиту от терроризма и экстремизма. Он устанавливает координацию между различными органами государственной власти в области обеспечения национальной безопасности.

4. Федеральный закон «О полиции» [10] регулирует деятельность органов внутренних дел, в том числе в борьбе с терроризмом и экстремизмом, и определяет полномочия полиции в проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предотвращение и пресечение террористической деятельности.

5. Федеральный закон «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2] устанавливает механизмы мониторинга финансовых операций и противодействия использованию финансовых систем для финансирования террористической деятельности.

6. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [3]. В ст. 1 и 21 данного закона закреплены основные полномочия прокуратуры по надзору за исполнением законодательства, включая меры противодействия экстремизму и терроризму. Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законов органами государственной власти, юридическими лицами и гражданами.

Прокурорский надзор в области противодействия экстремизму и терроризму является важной составляющей государственной системы обеспечения законности и правопорядка. Прокуратура реализует надзорные полномочия за соблюдением законодательства в этой сфере и координирует действия правоохранительных органов, обеспечивая защиту прав и свобод граждан.

Основные направления прокурорского надзора:

1. Надзор за соблюдением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму. Прокуратура проверяет соблюдение норм права федеральными, региональными и местными органами государственной власти, а также юридическими и физическими лицами, в том числе мониторинг и надзор за деятельностью государственных учреждений, общественных организаций и образовательных учреждений на предмет соблюдения законодательства о противодействии экстремизму.

2. Надзор за расследованием преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом. Прокуратура надзирает за деятельностью правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ [7], связанных с экстремистской и террористической деятельностью, таких как террористические акты (ст. 205 УК РФ), создание экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

3. Надзор за исполнением законодательства при реализации мер по противодействию финансированию терроризма. Прокуратура проверяет финансовые организации на предмет выполнения требований законодательства о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.

4. Превентивные меры. Прокуратура активно участвует в профилактических мероприятиях, направленных на предупреждение экстремистской и террористической деятельности. Это включает мониторинг информационной среды, в том числе СМИ и интернет-ресурсов, для пресечения распространения экстремистских материалов.

5. Надзор за соблюдением прав и свобод граждан. Важной задачей прокуратуры является защита конституционных прав граждан в процессе проведения антитеррористических и антиэкстремистских операций, чтобы меры государственного реагирования не нарушали права и свободы человека.

Превентивные меры и профилактика экстремизма и терроризма играют ключевую роль в предотвращении радикализации населения и распространения экстремистских идей. Основная цель этих мер — выявление и устранение причин, способствующих развитию экстремистской деятельности, а также защита общества от террористических угроз. Важнейшей составляющей профилактики является работа с населением, особенно с молодежью, которая подвержена влиянию вербовщиков. Просветительские мероприятия в школах, программа толерантности и противодействие радикальной пропаганде в интернете — ключевые направления этой работы [4, с. 17].

Государство активно контролирует информационное пространство, предотвращая распространение экстремистских материалов через интернет и СМИ. Меры включают мониторинг и блокировку ресурсов, распространяющих радикальные идеи. Правоохранительные органы выявляют и пресекают деятельность экстремистских группировок, а также предотвращают финансирование терроризма путем контроля финансовых операций.

Генеральный прокурор Игорь Краснов на координационном совещании 10 октября заявил о росте преступлений в интернете, включая мошенничество, терроризм и экстремизм. Он отметил, что организованные группы используют технологии, такие как вредоносное ПО и фишинговые сайты, для своих действий. Несмотря на меры

противодействия, количество таких преступлений остаётся на высоком уровне.

В 2024 году только за первые восемь месяцев в Роскомнадзор было направлено 642 запроса на блокировку доступов к запрещённой информации, что привело к удалению или блокировке 54,8 тысяч интернет-ресурсов. Также наблюдается рост ложных сообщений о терроризме и случаев мошенничества с банковскими картами [11].

Увеличение преступлений в интернете требует активных мер со стороны правоохранительных органов и внедрения новых технологий для их предотвращения. Проблемы с мошенничеством и террористической деятельностью, использующими интернет, становятся всё более актуальными, что подчеркивает необходимость комплексного подхода в борьбе с IT-преступлениями.

Важным элементом профилактики является реабилитация лиц, оказавшихся под влиянием экстремистских идеологий, с целью их возвращения к нормальной жизни. Международное сотрудничество также играет значительную роль в борьбе с терроризмом, позволяя обмениваться информацией и координировать действия для обеспечения глобальной безопасности.

Проблемы и перспективы борьбы с экстремизмом и терроризмом связаны с множеством факторов, включая недостаточную координацию между государственными органами, сложности мониторинга информационного пространства, а также постоянное развитие форм и методов экстремистской деятельности.

Одной из ключевых проблем является недостаточная координация усилий между различными ведомствами и уровнями власти. Нередко правоохранительные органы, спецслужбы и прокуратура действуют разрозненно, что снижает эффективность борьбы с терроризмом. Также стоит отметить недостаточную подготовленность специалистов, работающих в сфере профилактики экстремизма, к работе с молодежью, которая все чаще становится мишенью для вербовки через интернет и социальные сети [6, с. 15].

Еще одной серьезной проблемой является технологическое развитие, которое дает экстремистским организациям новые возможности для распространения радикальных идей. Интернет, мессенджеры и социальные сети становятся мощными инструментами для пропаганды и вербовки, что требует от государственных органов опе-

ративного реагирования и постоянного совершенствования методов противодействия.

Среди перспектив можно выделить усиление международного сотрудничества, особенно в рамках ООН и других международных организаций. Совместные программы по обмену информацией, разработке глобальных стратегий и проведению совместных операций могут значительно усилить борьбу с терроризмом [5, с. 78].

Также перспективным направлением является развитие технологий мониторинга и анализа информации в интернете, что позволит эффективнее отслеживать экстремистские проявления и предотвратить распространение радикальных идей.

В заключение, борьба с экстремизмом и терроризмом является одним из приоритетных направлений государственной политики, требующим комплексного и системного подхода. Важную роль в этом процессе играют правовые основы, которые обеспечивают государственные механизмы противодействия данным угрозам, а также деятельность прокуратуры, надзирающей за соблюдением законодательства и координацией усилий правоохранительных органов. Эффективная профилактика экстремизма и терроризма требует активного вовлечения гражданского общества, молодежных организаций, образовательных учреждений и религиозных сообществ, что способствует снижению риска радикализации и укреплению социальной стабильности.

Несмотря на имеющиеся успехи, остаются значительные вызовы, такие как стремительное развитие технологий и интернет-пространства, что создает новые возможности для экстремистских группировок. Государственным структурам важно адаптировать свои меры и усиливать взаимодействие как внутри страны, так и на международной арене. Современные вызовы требуют не только совершенствования правовой базы, но и внедрения инновационных подходов к мониторингу, профилактике и расследованию преступлений экстремистского и террористического характера.

Таким образом, только при взаимодействии государственных органов, общественных институтов и международного сообщества можно выработать эффективную систему борьбы с экстремизмом и терроризмом, которая будет способствовать защите прав и свобод граждан, укреплению национальной безопасности и глобальной стабильности.

Литература:

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15 мая 2024 г.) // Собрание законодательства РФ.— 2002.— № 30.— Ст. 3031; Собрание законодательства РФ.— 2024.— № 20.— Ст. 2705.
2. Федеральный закон «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 16 мая 2024 г.) // Собрание законодательства РФ.— 2001.— № 33.— Ст. 3434; Собрание законодательства РФ.— 2024.— № 20.— Ст. 2709.
3. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 11 марта 2024 г.) // Собрание законодательства РФ.— 1992.— № 1.— Ст. 1; Собрание законодательства РФ.— 2024.— № 20.— Ст. 2710.

4. Плотников, А. В. Превентивные меры противодействия экстремизму и терроризму в России // Юридический вестник. — 2020. — № 2. — С. 15–20.
5. Смирнова, Е. В. Перспективы борьбы с экстремизмом в России: современные вызовы и решения // Социология и право. — 2023. — № 4. — С. 75–82.
6. Тихомиров, А. И. Проблемы и перспективы противодействия терроризму в России // Общество и безопасность. — 2022. — № 1. — С. 12–20.
7. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04 августа 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 32 (часть 1). — Ст. 6145.
8. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 15 мая 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1156; Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2706.
9. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 15 мая 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 52. — Ст. 7001; Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2707.
10. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 15 мая 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 6. — Ст. 100; Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2708.
11. Интерфакс. Генпрокурор Игорь Краснов заявил о росте интернет-преступлений. 2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/986190> (дата обращения: 28.10.2024).

Международные экономические договоры как источники международного частного права

Цюпа Андрей Михайлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Литвинова Светлана Фёдоровна, кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет

В рамках данной статьи автором исследован такой специфический источник международного частного права как международный экономический договор. Актуальность темы обусловлена тем обстоятельством, что фундаментом сотрудничества иностранных государств между собой выступают не только политические, социальные интересы, но также интересы экономического характера, как следствие, такие отношения должны быть урегулированы. В частности, одной из форм такого регулирования может выступать международный экономический договор, однако, что в научной литературе, а также в правоприменительной практике такие договоры рассмотрены в недостаточной степени.

Ключевые слова: международное право, международное частное право, договору, экономические договоры, экономическая деятельность.

International economic treaties as sources of international private law

Within the framework of this article, the author has explored such a specific source of international private law as an international economic contract. The relevance of the topic is due to the fact that the foundation of cooperation between foreign states is not only political and social interests, but also interests of an economic nature, and as a consequence, such relations must be regulated. In particular, one of the forms of such regulation can be an international economic agreement, however, such agreements have not been sufficiently considered in the scientific literature, as well as in law enforcement practice.

Keywords: international law, private international law, treaty, economic contracts, economic activity

Важность данной темы обусловлена тем фактом, что основой сотрудничества между иностранными государствами являются не только политические и социальные интересы, но также экономические интересы, следовательно, возникающие экономические отношения должны быть урегулированы. Одной из форм такого ре-

гулирования может служить международный экономический договор.

С учетом того, что в настоящее время Российская Федерация участвует во множестве соглашений, необходимо более детальное изучение вопроса о международных экономических договорах. Несмотря на активное развитие

экономических санкций, государства продолжают проявлять экономический интерес друг к другу, что позволяет им заключать различные виды соглашений.

Цель данного исследования состоит в определении характерных особенностей выполнения международных экономических договоров как особых источников международного частного права.

Методология исследования основывается на использовании комплекса общенаучных и специальных методов. Среди общенаучных методов выделяются методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а к специальным относятся историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

В начале текущего века возникли новые возможности и условия для продвижения международного сотрудничества, включая и экономическую сферу. Однако сегодня, в свете взаимных санкций и напряженных отношений ведущих мировых держав, становится труднее устанавливать взаимодействие.

Постепенно международное экономическое взаимодействие претерпевает значительные изменения, но сохраняется тенденция к активному развитию глобальных связей, в первую очередь в экономике.

Современные международные отношения проявляют стремление к углублению интеграционных процессов и активному развитию экономических связей как между государствами, так и их «представителями». К таким представителям относят субъекты внутригосударственного права, включая государственные органы и должностных лиц, субъекты федерации, органы местного самоуправления, юридические и физические лица. Важно понимать, что особенность их статуса зависит от воли главных субъектов международного права, и самостоятельно выступать в этом качестве они не могут.

Экономические связи играют ключевую роль в международных отношениях в целом. Международные экономические связи сложны и многогранны, охватывая широкий спектр аспектов и участников. При анализе международных экономических связей важно отметить социальные отношения, формирующиеся в таких сферах, как международный кредит, финансы, валюта, транспорт и промышленное сотрудничество. Участие в формировании и развитии этих связей принимают как государства, так и другие субъекты международного права.

Классификация участников на две группы связана с понятием международной правосубъектности, определение которой пока теоретически не сформулировано четко, но подразумевает юридическую способность быть субъектом международного права. Содержание международной правосубъектности состоит из основных прав и обязанностей субъекта, вытекающих из международно-правовых норм.

Как указали П. П. Глушенко, Е. В. Максимова и М. Н. Пригон, субъект международного права не только обретает права и несет обязанности, основываясь на взятых на себя обязательствах, но также представляет

собой коллективное соединение, например, государство как власть и управленческий аппарат, или международные организации с постоянно действующими органами. При выполнении властных прерогатив такие субъекты действуют автономно и не подчиняются друг другу, обладая самостоятельным международно-правовым статусом и представляя себя в международных отношениях. Эти субъекты способны участвовать в разработке и утверждении международных норм. В отличие от внутренних правовых субъектов, они не только следуют международно-правовым нормам, но и активно участвуют в их создании [5, с. 77].

Эффективное управление международными экономическими отношениями обеспечивается регулированием посредством норм международного права, которое является неотъемлемой частью правовой структуры. Цель международного права в этой сфере — добиться упорядочивания и согласованного функционирования международных экономических субъектов для достижения наилучших результатов.

Основной инструмент регулирования международных экономических отношений — международный экономический договор. Это обосновано тем, что такие договоры устанавливают, изменяют или прекращают специфические правоотношения между подписавшими их государствами в контексте внешнеэкономической деятельности. Исходя из этого, международный экономический договор действует как средство закрепления прав и обязательств между сторонами, а также регулирует последствия невыполнения договорных положений.

С развитием глобализации и интеграционных процессов, обширностью международных отношений и укреплением сотрудничества между государствами в различных сферах международной политики возникает необходимость в развитии договорных практик, которые закрепляют права и обязательства участников. В настоящее время экономические договоры между государствами являются незаменимым юридическим инструментом для регулирования международных экономических отношений.

С помощью международного экономического договора можно оперативно реагировать на изменения в международной экономике. Возрастающие международные связи в экономической сфере естественным образом ведут к развитию договорных отношений, что увеличивает число заключаемых соглашений между сторонами.

В России на теоретическом уровне впервые вопросы международного экономического договора стали обсуждаться в работах Фитуни Л. А. «Международные торговые договоры и соглашения» от 1955 года, где было сформулировано следующее определение «международный экономический договор» — акты правового характера, заключенные между двумя и более государствами с целью последующего установления или изменения их прав и обязанностей в сфере их экономических интересов [6, с. 84].

Анализируя представленное определение требуется обратить внимание на то обстоятельство, что автором берется во внимание только те общественные отношения, которые связаны с осуществлением торгового сотрудничества между государствами, при этом, абсолютно беспочвенно остаются без внимания иные сферы. В этой части, на наш взгляд, наиболее точным является определение, предложенное Р. Быстрицким, который под международными экономическими договорами понимал такие соглашения, которые регулируют взаимные экономические и торговые связи, складывающиеся между государствами и иными субъектами таким отношений [3, с. 54].

Важно подчеркнуть, что в литературе продолжает отсутствовать единогласие относительно правовой природы международных экономических договоров. На этот счёт существуют следующие точки зрения исследователей:

- международный экономический договор рассматривается как правовая форма складывающихся международных экономических связей;
- как выражение воли субъектов международных экономических отношений;
- в качестве основного источника международного экономического права.

При более детальном анализе каждой из данных позиций следует учитывать, что в качестве субъектов рассматриваются исключительно государства, однако важно отметить разнообразие участников международных экономических отношений, включая не только государства, но и организации, действующие в их рамках.

При определении термина «международный экономический договор» внимание обращается на его основные характеристики, такие как добровольность и равенство участников, при этом положения заключённого договора не должны противоречить международному праву. Основу правового регулирования международных экономических отношений составляют ключевые принципы международного права, регулирующие экономические отношения между субъектами, а также другие производные нормы, уникальные для международного экономического права.

Следует заметить, что легальное определение термина международный договор содержится в статье 2 Венской Конвенции, где указано, что международным договором признаётся «международное соглашение, заключённое в письменной форме между государствами и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли оно в одном или нескольких связанных документах, а также независимо от его названия» [1]. Однако сегодня, учитывая современные реалии, международный экономический договор также включает и другие признаки, с учётом сферы экономического сотрудничества между государствами, вследствие чего его определяют как соглашение между двумя и более государствами или другими субъектами международного права, с целью установления, исполнения или прекращения прав и обязан-

ностей сторон в рамках международных экономических отношений.

Положения Венской Конвенции, разумеется, находят своё отражение в определении международного экономического договора, однако этот вид договора обладает особенностями и отличается как составом участников и характером регулируемых общественных отношений, так и методами правового регулирования, спецификой санкций для субъектов, которые ненадлежащим образом исполняют условия международного экономического договора, и так далее.

В этом разделе необходимо дать следующее определение международного экономического договора, который представляет собой соглашение между двумя и более государствами или другими субъектами международного экономического права. Это соглашение касается установления, изменения или аннулирования их взаимных прав и обязательств в экономических отношениях. Такие договоры направлены на определение, изменение или прекращение конкретных правоотношений между государствами в сфере внешнеэкономической деятельности.

Для России вопрос признания на своей территории международных экономических договоров встал после распада СССР. В результате возникла необходимость создания нового механизма для взаимодействия и сотрудничества с новыми государствами, ранее входившими в единое союзное государство. После образования Содружества независимых государств Россия заключила особенно много таких договоров, причем 70% из них были заключены с бывшими членами СССР [4].

Международные экономические договоры обладают уникальным содержанием, поскольку регулируют не только экономические отношения, но и отношения в других сферах, таких как воздушное, морское и космическое право, а также охрана окружающей среды. Примером таких договоров являются соглашения между Россией и Грецией от 30 июня 1993 года «Об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве», а также соглашение с Чехией от 2005 года по аналогичному вопросу.

В этих соглашениях предусматривается работа по предупреждению техногенных опасностей, аварий и загрязнений окружающей среды. Весьма интересным является соглашение между США и Россией по международной торговле услугами в сфере космических запусков. Регулирование отношений по такому договору включает не только международное экономическое право, но и космическое, что подчеркивает его комплексный характер, охватывающий несколько правовых сфер.

Международные экономические соглашения обладают рядом уникальных черт, которые важно рассмотреть подробно. К ним относятся:

1. С точки зрения юридической сути, международное экономическое соглашение является договоренностью между государствами и другими субъектами ме-

ждународного права, в котором они выражают свои цели и интересы. Если между сторонами нет согласия по какому-либо пункту договора, это делает его заключение невозможным, а следовательно, такой договор не сможет быть реализован.

2. Такой договор является средством оформления международных правоотношений в международной практике.

3. Международное соглашение представляет собой систему норм, связанных определенной областью международных отношений; соответственно, международный экономический договор регулирует общественные отношения, возникающие в сфере глобальной экономики.

4. Он обычно включает в себя такие части, как преамбула, основная часть, где расписаны права, обязанности и ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий, а также заключительную часть. Кроме того, международный экономический договор должен соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права, только тогда он будет действителен в рамках международного права.

Важно подчеркнуть, что Россия полностью признает международные экономические соглашения как одну из разновидностей международных договоров и активно включает их с зарубежными государствами.

Изучая международный экономический договор нельзя не рассмотреть вопрос его места в системе права Российской Федерации.

Для его раскрытия необходимо обратиться к п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации [2], который устанавливает, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Это означает, что если Российская Федерация становится участником международного договора, то с момента вступления его в силу для Российской Федерации договор автоматически, без необходимости издания дополнительных актов законодательного или административного характера инкорпорируется в национальную правовую систему.

Обращаем также внимание что на особое место международных договоров, которое отводится в иерархической системе источников внутригосударственного права. Положение, которое занимают в этой иерархии международные договоры, как правило зависит от уровня, на котором приняты решения об их внедрении в национальное право, т.е. статус международного договора либо соответствует статусу акта, посредством которого он инкорпорируется во внутригосударственное право, либо международному договору придается приоритет в применении перед актами, равными по юридической силе акту, посредством которого договор инкорпорирован во внутригосударственное право, и всеми нижестоящими актами.

При заключении договора наша страна должна учитывать международные обязательства, которые из него вытекают, и соотносить их с нормами своей Конституции и другими правовыми актами. После подписания международного договора Россия обязана выполнять его добросовестно как на международной арене, так и в рамках внутренней правовой системы.

Таким образом, международный договор становится частью правовой системы страны вне зависимости от уровня, на котором принято решение о его обязательности для Российской Федерации, а также от формы выражения этого согласия. Поскольку международный экономический договор является разновидностью международных, его роль в национальной правовой системе аналогична.

Международные экономические договоры служат инструментом регулирования экономических отношений с иностранным участием и могут использоваться при судебном разрешении споров. Однако, исходя из специфики этих документов, арбитражным судам при рассмотрении споров, в которых фигурируют такие договоры, необходимо определить их статус. Суд обязан проанализировать, кто заключил договор, правомочие органов на его заключение, соблюдение процедуры ратификации и публикации. Суды должны аргументировать в своих решениях признание или непризнание применимости договора в конкретном споре.

Также в судебной арбитражной практике важным вопросом является определение применимости условий конкретного международного экономического договора к рассматриваемым правоотношениям, что должно быть детально обосновано в судебном акте. Кроме того, международный экономический договор может подвергаться анализу международных судов, таких как Экономический суд СНГ, который создан для обеспечения единообразия применения соглашений стран-участников и связанных с ними экономических обязательств через разрешение возникающих экономических споров.

Основу правового функционирования Экономического суда СНГ составляют Соглашение о его статусе от 06.07.1992, Устав СНГ и Регламент Экономического суда СНГ от 05.07.1994. Суд занимается разрешением межгосударственных экономических споров:

— возникающих при выполнении обязательств по актам СНГ и его институтов;

— касающихся соответствия нормативных и иных актов государств-членов СНГ соглашениям и другим актам Содружества, касающимся экономики.

Экономический суд СНГ также имеет юрисдикцию на рассмотрение споров из международных экономических договоров, и объектом его работы являются:

— толкование положений международных экономических соглашений;

— применение положений таких соглашений;

— корреляция международно-правовых актов, принятых государствами СНГ;

— случаи нарушения положений международных соглашений.

Из вышеизложенного можно сделать следующий вывод: «международный экономический договор» является категорией международного частного права, для которой до сих пор нет единого научного понимания, так как она включает в себя признаки, связанные с правовой формой международных экономических отношений; во-

леизъявлением субъектов таких отношений; и даже рассматривается как источник международного экономического права. Тем не менее, в российском законодательстве этот правовой инструмент выступает как одна из разновидностей международных договоров, активно заключаемых с другими странами, и в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ является неотъемлемой частью правовой системы России.

Литература:

1. Венская Конвенция о праве международных договоров: Заключена в Вене 23.05.1969 [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=26e5qMTthPnDk73D&cacheid=10593D49B651FC3D9ADFC97E3AE8AE36&mode=plus&rnd=XlHCw&base=LAW&n=12754&dst=1000000001#svl6qMTO8ExSYbBO1>
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс].— Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Быстрицкий Р. Международные торговые соглашения и организации / Р. Быстрицкий.— М.: Внешторгиздат, 1957.— 681 с.
4. Дергачев С. А. Историко-правовой анализ договорной подсудности в гражданском судопроизводстве дореволюционной России / С. А. Дергачев // История государства и права.— 2010.— № 1.— С. 47–49
5. Елисеев Н. Г. Международное гражданское процессуальное право: учебное пособие / Н. Г. Елисеев, Е. В. Вершинина.— М.: Проспект, 2011.— 240 с.
6. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е. А. Нефедьев.— Краснодар: Кубань, 2015.— 472 с.

Особенности действия норм международного права в регулировании прокурорского надзора за деятельностью средств массовой информации

Чанкаев Мурад Магомедович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается деятельность органов прокуратуры по содействию реализации права на свободу слова, получение и распространение информации в современной России. Отмечается, что общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации играют особую роль в регламентации данных прав. Вместе с тем, необходимо учитывать, что в целях защиты государственных и общественных интересов, частной жизни граждан государство должно предпринимать меры по предотвращению злоупотребления средствами массовой информации правом на свободу слова. Главная роль в осуществлении указанных мер должна отводиться прокуратуре.

Ключевые слова: нормы международного права, прокуратура, средство массовой информации, право на свободу слова, право на получение и распространение информации, суверенитет, общественный порядок, нравственность, здоровье и частная жизнь граждан.

The specifics of the operation of the norms of international law in the regulation of prosecutorial supervision of the activities of the mass media

Chankaev Murad Magomedovich, student master's degree
Saratov State Law Academy

The article examines the activities of the prosecutor's office to promote the realization of the right to freedom of speech, receipt and dissemination of information in modern Russia. It is noted that generally recognized principles and norms of international law, in-

ternational treaties of the Russian Federation play a special role in the regulation of these rights. At the same time, it must be borne in mind that in order to protect the state and public interests, the private life of citizens, the State must take measures to prevent the abuse of the right to freedom of speech by the media. The main role in the implementation of these measures should be assigned to the Prosecutor's Office.

Keywords: norms of international law, prosecutor's office, mass media, the right to freedom of speech, the right to receive and disseminate information, sovereignty, public order, morality, health and private life of citizens.

Согласно ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Поэтому представляется необходимым отдельное внимание уделить изучению международной составляющей регламентации деятельности прокуратуры и средств массовой информации.

В международных нормах закреплены основополагающие права гражданина и человека на свободу высказываний, распространения и получения информации, в том числе, информации о деятельности правоохранительных органов. Принципиальные основы данных прав заложены во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Статьи 18, 19 Декларации устанавливают, что каждый человек имеет право на свободу мысли и убеждений, на их свободное выражение. Каждый имеет право искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами [6].

Статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией в 1998 году [1] и приостановленной в действии с 2023 года [2], подчеркивает необходимость устранения какого-либо вмешательства публичных властей в реализацию права на получение и распространение информации. В связи со сложившейся внешнеполитической ситуацией положения Конвенции утратили свою юридическую силу, но заложенные в них стандарты сохранили значимость для российского права и прокурорской практики [13].

В рамках рассматриваемой тематики важнейшей проблемой является исследование соотношения перечисленных прав и тех ограничений, которые вводит государство для защиты собственного суверенитета, общественного порядка, нравственности, здоровья и частной жизни граждан [10, с. 137].

Право введения установленных законом ограничений и санкций оговорено в международных документах [7]. В Европейской конвенции за государствами закреплено право осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий, вводить ограничения распространения информации в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (ч. 2. ст. 10).

Следует отметить, что государства, присоединившиеся к указанным выше международным актам, по-разному подходят к трактовке пределов распространения принципа свободы слова. В частности, в 2020 г. в результате всенародного голосования в Конституцию Российской Федерации были внесены нормы о том, что наше государство придерживается традиционных семейных ценностей. Во исполнение норм Конституции федеральным законом от 05.12.2022 № 478-ФЗ нормы действующего законодательства дополнены положениями, устанавливающими запрет на распространение на территории России информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения, педофилию, смену пола [3].

По данным Генеральной прокуратуры РФ, за три года органами прокуратуры пресечено распространение 30 тысяч сайтов, пропагандирующих такие нетрадиционные сексуальные отношения либо побуждающих несовершеннолетних к противоправной деятельности [11]. Как известно, в западных странах распространение подобной информации в средствах массовой информации не ограничено.

С 14 июля 2022 г. Российской Федерации действует закон, предусматривающий возможность приостановления деятельности средства массовой информации, признания регистрации недействительной или прекращения действия его лицензии. Подобные действия осуществляются о требованию Генпрокурора (его заместителей) в случае распространения противоправной информации (дискредитации Вооруженных Сил РФ, недостоверных сведений об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий) [4].

Так, например, по результатам проведения проверки Генеральной прокуратурой РФ принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранных организаций SIA TV Rain и TVR Studios B. V. за систематические нарушения законов о СМИ и об информации.

Указанные организации дискредитировали органы государственной власти Российской Федерации, правоохранительные органы, распространяли недостоверные сведения о специальной военной операции, оказывали поддержку организациям и физическим лицам, включенным в реестр иностранных агентов, а также участвовали в распространении материалов организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации [12].

Следует согласиться с правоведом, что «государство в лице правоохранительных и контролирующих органов должно иметь веские и конкретные основания для ограничения конституционных прав и свобод» [9, с. 70]. Именно приверженность международным принципам и конституционным основам взаимодействия прокуратуры и средств массовой информации обуславливает установление определенных гарантий участников правоотношений. В Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 24 марта 2023 г. № 210 [5] перечислены основания для реагирования прокурора на противоправные действия средства массовой информации, определен порядок проведения проверочных мероприятий и принятия соответствующего акта. Отдельно отмечается, что материалы проверки должны содержать данные, позволяющие идентифицировать распространяемую с нарушением закона информацию (копия публикации, снимки экрана, данные о выходе в свет (в эфир), выходные данные публикации (аудиовидеоматериалы) и т.д. Противозаконность распространения сведений средством массовой информации должна быть подтверждена доказательствами.

Хотя приостановление деятельности средства массовой информации во внесудебном порядке подвергается критике в специальной литературе [9, с. 67], тем не менее, полагаем, что внесудебный порядок также содержит и ряд

других важнейших гарантий защиты права на свободу слова и информации. К ним, в частности можно отнести ограничения по субъектному составу органов и лиц, ограничивающих право — требование о приостановлении деятельности средства массовой информации направляется в Роскомнадзор Генеральным прокурором Российской Федерации либо его заместителем, ограничения по времени — требование может быть вынесено на срок не более 3 месяцев, а в случае повторного выявления фактов нарушения средством массовой информации законодательства — на срок не более 6 месяцев.

Таким образом, регулирование прокурорского надзора за деятельностью средств массовой информации характеризуется следующими признаками:

1. коллизией применяемых норм [8, с. 9];
2. приоритетом международных норм и принципов над национальным правом;
3. наличием оговорки о возможности установления государствами ограничений распространения информации;
4. детальной регламентацией процедур ограничения свободы слова;
5. установлением комплекса гарантий в рамках внесудебной процедуры приостановления и прекращения деятельности средства массовой информации.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
2. Федеральным закон № 43-ФЗ от 28.02.2023 г. «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства. 2023. № 10. Ст. 1566; Резолюция Комитета Министров Совета Европы CM/Res(2022)2 16.03.2022 г. о прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы // URL: <https://rm.coe.int/0900001680a5da51> (дата обращения: 14.02.2023).
3. Федеральный закон от 5.12. 2022 г. № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 50 (часть III). Ст. 8772
4. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5222
5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 24.03.2023 г. № 210 «Об утверждении Инструкции о порядке подготовки требований о приостановлении деятельности средства массовой информации, о признании недействительной регистрации средства массовой информации и (или) прекращении действия лицензии на вещание, а также о порядке принятия решения о запрете (ограничении) деятельности иностранного средства массовой информации на территории Российской Федерации» // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-24032023-n-210-ob-utverzhdanii/> (дата обращения 4.06.2024)
6. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.)
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод
8. Бессарабов В. Г. Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина: методич. пособие. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2010. 88 с.
9. Большаков Л. М. Пределы ограничения свободы слова в целях защиты конституционного строя // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 67–72.
10. Козина А. А., Кавецкий А. Б. Проблема реализации конституционного права на свободу мысли и слова в современной России // Вестник УМЦ. 2019. № 2 (23). С. 135–138.
11. В России закрыли доступ к 30 тысячам сайтов с пропагандой ЛГБТ среди детей // Сайт РИА Новости <https://ria.ru/20221017/lgbt-1824541844.html>

12. Генпрокуратура России приняла решение о признании деятельности иностранных неправительственных организаций нежелательной на территории Российской Федерации // <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=89207602>
13. О выходе России из Совета Европы (справочный материал) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 14.02.2023).

Методы и способы обеспечения режима чрезвычайного положения

Чистякова Ольга Олеговна, студент

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Запрет как способ нормативного регулирования представляет собой обязанность воздержаться или отказаться от определенного типа поведения под угрозой наказания. В условиях действия чрезвычайного положения система нормативного регулирования, а также функционирования государственного или муниципального аппарата подвергается определенному стресс-тесту, при котором на органы управления возлагается выполнение исключительно важных, неотложных мероприятий.

В этих условиях обременение властных структур решением текущих вопросов нормальной жизнедеятельности, например, строительство или капитальный ремонт систем водоснабжения фельдшерско-акушерского пункта, безусловно, является обязанностью органов власти, однако не требует экстренного реагирования. Мало того, несмотря на то что действующее законодательство предусматривает создание специального органа управления для решения задач чрезвычайного положения, с органов власти на местах, в том числе федеральных, не снимается обязанность осуществлять функции государственной и местной власти. В подобных условиях речь идет о подчинении их деятельности условиям чрезвычайного положения и надлежащего функционирования в рамках данной ситуации.

Запрет как способ регулирования общественных отношений в условиях чрезвычайного положения указывает субъектам права на недопустимость совершения определенных действий (бездействия), перечень которых является исчерпывающим и основанным на законе. Без запрета и установленной за его нарушение юридической ответственности невозможно добиться от субъектов права надлежащего реагирования на кризисную ситуацию, в том числе исполнения возложенных на него обязанностей.

В современных условиях роль запретов характерна для уголовного, административного, уголовно-исполнительного и иного законодательства, где важна принудительная роль государства как гаранта в сфере безопасности. В то же время огромный массив гражданско-правовых отношений регламентируется диспозитивным методом, что, безусловно, является преимуществом.

В условиях чрезвычайного положения к запретам следует отнести следующие положения:

1) Введение комендантского часа, то есть запрета в установленное время суток находиться на улицах и в иных общественных местах без специально выданных пропусков и документов, удостоверяющих личность граждан;

2) Ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры с указанием условий и порядка ее осуществления, а также временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники, установление особого порядка аккредитации журналистов;

3) Приостановление деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения;

4) Ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств, ядовитых веществ, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, сильнодействующие вещества, этилового спирта, спиртных напитков, спиртосодержащей продукции;

5) Ограничение права на участие в выборах и референдуме граждан Российской Федерации в условиях чрезвычайного положения и другие.

Обязывание как способ императивного регулирования правоотношений в сфере чрезвычайного положения характеризуется наложением на субъекта права обязанности совершить определенные действия, перечисленные в нормах права. Примером обязывания выступает такой нормативный акт как приказ, возлагающий обязанность выполнить отдельное распоряжение. В таких правоотношениях всегда присутствует управомоченная сторона, обладающая необходимыми полномочиями по требованию исполнения возложенной обязанности.

Важной особенностью как запрета, так и обязывания выступает их императивный характер, не связанный с волеизъявлением конкретного субъекта, например, согласием, на его исполнение. Например, приказ коменданта об изъятии транспортных средств из владения дорожной организации для экстренной перевозки строительных материалов к месту прорыва дамбы, не может подвергаться

обсуждению, а требует неукоснительного и своевременного исполнения.

В условиях чрезвычайного положения к обязыванию следует отнести следующие положения:

1) Обязанность временно отселиться в безопасные районы с обязательным предоставлением жителям стационарных или временных жилых помещений;

2) Обязанность соблюдать карантин, санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий;

3) Обязанность предоставить доступ к государственному материальному резерву, ресурсам организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменения режима их работы, переориентации указанных организаций на производство необходимой в условиях чрезвычайного положения продукции и иных необходимых в условиях чрезвычайного положения изменений производственно-хозяйственной деятельности;

4) Обязанность в исключительных случаях, связанных с необходимостью проведения и обеспечения аварийно-спасательных и других неотложных работ, участвовать в мобилизации трудоспособного населения и привлечении транспортных средств граждан для проведения указанных работ при обязательном соблюдении требований охраны труда и другие.

Таким образом, в текущей системе нормативного регулирования в сфере чрезвычайного положения основным методом правового регулирования выступает императивный метод, включающий в себя запреты и обязывания как главные способы достижения поставленных целей. Это связано с необходимостью оперативного и своевременного реагирования органов власти на стихийно возникшие обстоятельства, требующие применения эффективных регулятивных механизмов. Единство метода и способов правового регулирования обеспечивается силой государственного принуждения под угрозой юридической ответственности.

Литература:

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. М., 1982. 478 с.
2. Баранов В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники: Сборник статей. Н. Новгород, 2000. 317 с.
3. Валиев Р. Г. О некоторых теоретических и практических аспектах юридической техники и технологии // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2016. Т. 12. С. 3–12.
4. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009. 318 с.
5. Долотова Д. В. К вопросу о соотношении юридической техники и технологии // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 53–55.
6. Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. 412 с.
7. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. М., 2007. 297 с.
8. Лызлов Д. Н., Картухин В. Ю. Юридическая техника: учебное пособие. М., 2009. 264 с.
9. Миронов А. Н., Мурсалимов К. Р., Логинов А. С. Виды юридических технологий в правотворческой и правоприменительной сферах // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 70–72.
10. Худойкина Т. В., Бикбаев Ю. А. Соотношение юридической техники и юридической технологии // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XII Международной научно-практической конференции (г. Тольятти, 16–17 апреля 2015 г.). Тольятти, 2015. С. 203–205.
11. Червонюк В. И. Юридические технологии («правовая инженерия»), или прикладная юриспруденция: методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правоправедения // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 195–198.
12. Чернова Э. Р. Теория государства и права: учебное пособие для всех форм обучения, обучающихся по направлению 400301 «Юриспруденция». Стерлитамак, 2016. 191 с.
13. Юридическая техника / Под ред. Т. Я. Хабриевой и Н. А. Власенко. М., 2009. 272 с.
14. Бошно С. В. Способы и методы правового регулирования // Журнал «Право и государство». — № 3. — 2014 г. С. 52–60. С. 55.

О возможности заключения соглашения о примирении сторон по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов публичной власти

Чувашова Александра Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Невоструев Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье автор исследует возможность заключения мирового соглашения по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов публичной власти.

Ключевые слова: мировое соглашение, государственный орган, орган публичной власти.

Дела об оспаривании решений, действий и бездействия публичных органов власти представляют собой одну из наиболее распространённых категорий споров, которые рассматриваются в соответствии с административно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Согласно официальной статистике, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в 2023 году в суды общей юрисдикции поступило всего 473 859 дела по главе 22 КАС РФ [1]. При этом, в 2022 году по главе 22 КАС РФ поступило 377 534 дела [2]. Таким образом, мы наблюдаем увеличение количества дел об оспаривании ненормативных актов публичных органов власти.

Для указанной категории споров одним из актуальных на сегодняшний день вопросов остаётся вопрос о возможности заключения соглашения о примирении сторон. Статьей 137 КАС РФ предусмотрена возможность заключения мирового соглашения. Примечательно, что в КАС РФ используется термин «соглашение о примирении сторон», а не «мировое соглашение». Представляется, что разница наименований обусловлена попыткой законодателя продемонстрировать различие между мировым соглашением в его традиционном понимании и мировым соглашением в публично-правовой сфере.

По верному замечанию О.Н. Шеменевой, «процессуальная составляющая» соглашения о примирении (порядок заключения и последствия его утверждения судом) сегодня ничем не отличается от процессуальной составляющей мирового соглашения, что свидетельствует о тождественности указанных институтов» [3].

В период 2002–2015 гг. в цивилистическом процессе одновременно реализовывалось два противоположных подхода: отрицающий возможность мирового соглашения в публично-правовых делах и допускающий ее в самых широких пределах [4].

Сторонники первой точки зрения категорически отрицают возможность заключения соглашения по спорам, возникающим из публичных правоотношений, что объясняется спецификой указанных правоотношений. Приверженцы данной позиции объясняют свой подход тем, что представление публичных интересов органами власти противоречит возможности нахождения компромисса с частными интересами.

В таком случае принято говорить о мировом соглашении между сторонами как о разновидности гражданско-правовой сделки, которая направлена на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей, т.е. на создание правовых последствий в сфере гражданского оборота. Из этого вытекает следующее положение — участниками такого соглашения могут быть исключительно юридически равные субъекты, то есть физические и юридические лица, а также органы государственной власти, но только тогда, когда они вступают в гражданский оборот.

Так, Н.В. Сердюкова отмечает, что разрешение спора посредством мирового соглашения возможно лишь в том случае, если нормы, регулирующие соответствующие отношения, носят диспозитивный, дозволительный характер и допускают усмотрение сторон правоотношения [5]. Следовательно, при определении его условий заинтересованные лица вправе руководствоваться таким основным принципом гражданского законодательства как свободой договора. Полагаем, именно данное обстоятельство послужило основанием для рассмотрения соглашения исключительно как гражданско-правовой сделки, которая не может быть утверждена судом по делам, возникающим из публичных правоотношений.

Кроме того, проблема заключается в том, что, осуществляя это действие, орган публичной власти, должностное лицо имеют возможность совершить злоупотребление. Иными словами, высок риск коррупционных нарушений. Например, при заключении мировых соглашений в налоговых спорах может быть причинен ущерб государству [6].

Вторая точка зрения допускает заключение мирового соглашения. Так, В.В. Блажеев, отождествляя понятия «мировое соглашение» и «соглашение по делу, возникающему из публичных правоотношений», считает, что мировое соглашение — это любое соглашение, согласно которому стороны на взаимовыгодных условиях в пределах предоставленных им полномочий ликвидируют спор о праве. Это влечет прекращение производства по делу, в связи с чем не следует рассматривать такое соглашение исключительно как гражданско-правовой договор [7].

В качестве доводов в поддержку приведенной позиции приводят следующие положения.

Во-первых, несмотря на то, что любое соглашение затрагивает права и обязанности участников в сфере ма-

териального права, его форма и содержание, а также порядок заключения установлены не ГК РФ, а нормами процессуального права.

Во-вторых, стороны вправе предъявить не требование о признании мирового соглашения недействительным как гражданско-правовую сделку, а обратиться с жалобой на определение о его утверждении судом. Кроме того, в таком соглашении могут не устанавливаться новые права и обязанности, а только подтверждаться уже существующие.

В-третьих, соглашение не порождает юридических последствий до момента его утверждения судом, который осуществляет контроль законности его условий. Цель его заключения — устранение спора не может быть достигнута без санкции на то суда (определение об утверждении соглашения). Соглашение только подтверждает права и обязанности, установленные законом, вследствие чего спорное правоотношение становится бесспорным. Его оспаривание возможно только путем обжалования судебного акта, которым утверждено данное соглашение. Правоотношения, одним из субъектов которых является властный орган государства в лице суда, являются процессуальными.

На основании изложенного соглашение, заключаемое по любой категории дел, является институтом процессуального права и обладает публично-правовой природой.

По нашему мнению возможность заключения мирового соглашения у сторон при оспаривании решений органов публичной власти несомненно имеется. Вместе с тем вызывает сомнение фактическая реализация указанного права.

Так, представим себе гипотетическую ситуацию. Административный истец, считая нарушенным своё право, обращается в суд, что предполагает неудовлетворение требований заявителя на этапе досудебного обжалования спорного решения. Обстоятельства, излагаемые административным истцом в административном исковом заявлении, как правило, аналогичны требованиям, предъявляемым в вышестоящий государственный орган. Тогда,

закономерно возникают следующие вопросы. Во-первых, если требования заявителя обоснованы, почему оно не было удовлетворено вышестоящим органом публичной власти? Во-вторых, если государственный орган, чьё решение обжалуется, осознавал факт допущенного нарушения, почему оно не было отменено последним не доходя до судебного рассмотрения спора? Ведь в таком случае согласие государственного органа на мировое соглашение фактически будет означать признание нарушений прав административного истца, что ведет к нивелированию положения органа государственной власти как такового.

Вышесказанное приводит нас к мысли, что заключение соглашения о разрешении спора между представителем власти и заявителем в суде представляется утопичным. Прежде всего, это связано с тем, что в таком случае суд проверяет законность оспариваемых решений, совершенных действиями (бездействиями) органов государственной власти, а на решение этого вопроса не могут повлиять те или иные договоренности между административным истцом и ответчиком. Это означает, что при установлении явной противоправности оспариваемого решения или действий (бездействия) представителя власти заключение мирового соглашения напрямую нарушает законодательство.

Здесь стоит заметить, что приверженцы концепции применения примирительных процедур в публичном производстве также указывают на невозможность заключения каких-либо соглашений при наличии правонарушения со стороны органа власти или должностного лица.

Подводя итог, мы приходим к следующему выводу. В силу прямого указания процессуального законодательства, а также приведенных подтверждающих оснований, возможность заключения мирового соглашения при оспаривании решений, действий (бездействия) органов публичной власти сомнению не подлежит. При этом особое внимание должно уделяться недопущению заключения такого соглашения при явной противоправности поведения органа публичной власти.

Литература:

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>;
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>;
3. Шеменова О. Н. Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе // Юрист. 2016. N10. С. 37–40.
4. Берлин А. Я. Допустимость мирового соглашения в публично-правовых спорах: в поисках универсального критерия // «Вестник гражданского процесса», 2023, N6.
5. Сердюкова Н. В. Заключение соглашения в порядке ст. 190 АПК РФ (дискуссия) // Арбитражная практика. 2004. N1. С. 63.
6. Михайлова Е. В. Мировое соглашение в частноправовых и публично-правовых делах // «Российская юстиция», 2023, N8. С. 4.
7. Блажеев В. В. Заключение соглашения в порядке ст. 190 АПК РФ (дискуссия) // Арбитражная практика. 2004. N1. С. 60.

Особенности юридической техники для устранения коррупциогенности правовых норм

Шакирова Элина Раисовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Давлетгильдеев Рустем Шамилович, доктор юридических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье анализируются ключевые аспекты юридической техники, направленные на нейтрализацию коррупциогенных факторов в законодательстве. Автор акцентирует внимание на приемах, позволяющих повысить прозрачность и предсказуемость правовых норм, минимизируя риски их использования в корыстных целях. Рассмотрены принципы четкости и однозначности формулировок, исключения нормативных излишеств, а также логическая стройность и структурная целостность правовых актов. Особое внимание уделено инструментам антикоррупционной экспертизы, позволяющим выявить скрытые лазейки в законодательстве.

Ключевые слова: коррупциогенные факторы, юридическая техника, антикоррупционная экспертиза, правовые нормы, предотвращение коррупции, прозрачность законодательства, стандартизация законодательства.

Проблема коррупциогенности правовых норм представляет собой одну из ключевых угроз для устойчивости правовой системы и соблюдения принципов верховенства закона. В условиях, когда недостатки юридической техники допускают неоднозначное толкование или оставляют лазейки для произвольного применения норм, значительно возрастает риск возникновения коррупционных практик.

Коррупциогенность правовых норм — это наличие в тексте законодательства положений, которые могут быть использованы для обхода закона или личного обогащения. Данный процесс непосредственно регулирует Федеральный закон «О противодействии коррупции». Такие факторы могут выражаться через неясные формулировки, противоречивость норм, избыточные ссылки на другие нормативные акты и чрезмерные полномочия конкретных лиц. Например, в практике распространены случаи, когда нечеткие определения, такие как «значительная сумма» или «разумный срок», позволяют ответственным лицам принимать произвольные решения, что увеличивает риск коррупции. Подобные выражения затрудняют единообразное применение нормы, а это открывает путь для злоупотреблений.

Юридическая техника охватывает методы разработки, формулировки и систематизации правовых норм. Ключевые принципы, способствующие снижению коррупциогенности, включают:

1. Определенность и четкость формулировок. Использование точных и однозначных терминов исключает возможность неоднозначного толкования.
2. Избегание избыточных норм. Чем сложнее и объемнее законодательство, тем выше риск, что отдельные нормы могут быть истолкованы неправильно или использоваться для личной выгоды.
3. Последовательная структурная организация. Четкая и логически выстроенная структура нормативных актов помогает избежать противоречий и облегчает их понимание. Например, в США принципы организации нормативных актов требуют минимизации перекрестных

ссылок, что делает законодательство более прозрачным и упрощает правоприменение.

Юрико-техническая экспертиза представляет собой исследование и оценку правового акта на предмет соблюдения правил юридической техники, направленных на обеспечение четкости, логичности и непротиворечивости правовых норм. Как правило, она является частью более широкой, специализированной юридической экспертизы правовых актов, которая проверяет текст на соответствие правовым стандартам и требованиям юридической техники. Однако в некоторых случаях юрико-техническая экспертиза может быть представлена в виде отдельного заключения, что позволяет сосредоточиться исключительно на технических аспектах нормотворчества, не затрагивая содержательных вопросов права. Такой подход дает возможность обнаружить и устранить дефекты в формулировках, структуре и логике текста, обеспечивая предсказуемость его применения и снижая риски коррупционного толкования.

Правовая экспертиза осуществляется в целях работы федеральными органами государственной власти в пределах их полномочий, вытекающих из пункта «а» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации мер по обеспечению соответствия конституции, уставов, законов и иных правовых актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

Решаемые посредством экспертизы вопросы весьма разнообразны, поскольку их постановка определяется потребностями практической деятельности субъектов правоприменения. Правовая экспертиза нормативных правовых актов (их проектов) является видом исследования, в рамках которого анализируется конкретный нормативный правовой акт с учетом комплексного подхода к системе и структуре правовой системы Российской Федерации.

Процесс правовой экспертизы нормативного правового акта субъекта Российской Федерации тесно связан с юридической техникой, так как именно приемы и методы юридической техники помогают оценить, насколько

корректно, последовательно и точно сформулирован текст акта, а также выявить и устранить юридические ошибки или неоднозначности.

1. Определение предмета правового регулирования. В рамках юридической техники важна правильная формулировка предмета правового регулирования, что требует использования точных юридических терминов и соблюдения требований логичности и однозначности текста. Юридическая техника помогает определить предмет акта так, чтобы он соответствовал компетенции субъекта Федерации, закрепленной в Конституции, и не выходил за пределы прав, установленных федеральным законодательством.

2. Оценка состояния нормативного регулирования и сопоставление с федеральными актами. Приемы юридической техники помогают избежать противоречий и дублирования норм на разных уровнях законодательства, обеспечивая согласованность акта субъекта Федерации с федеральными актами. Правильное использование ссылок и отсылочных норм — элемент юридической техники, который позволяет упорядочить нормы, сделать их внутренне согласованными и совместимыми с федеральным законодательством.

3. Оценка компетенции органа и соблюдение порядка принятия и обнародования акта. Юридическая техника

требует, чтобы нормы были сформулированы в соответствии с процедурными требованиями и компетенцией органа, что также проверяется в ходе экспертизы. Этот этап экспертизы помогает выявить возможные нарушения или ошибки в процессе принятия акта, которые могут снизить его юридическую силу или породить правовую неопределенность.

4. Оценка содержания норм на предмет соответствия Конституции и федеральному законодательству. На этом этапе используются принципы юридической техники, направленные на выявление и устранение противоречий, двусмысленностей или размытых формулировок. Юридическая техника позволяет улучшить качество норм, делая их максимально ясными, что упрощает их применение и снижает риски коррупционности.

Юридическая техника является важным инструментом для снижения коррупционности правовых норм, обеспечивая их четкость и логическую последовательность. Ключевые меры включают использование точных формулировок, избегание избыточных норм и структурную организацию текста. Правовая экспертиза на основе принципов юридической техники помогает выявлять и устранять неясности и противоречия, что способствует формированию более прозрачной и предсказуемой правовой системы и укреплению верховенства закона.

Литература:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 15.09.2023) // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2008. — № 52 (ч. 1). — ст. 6228.
2. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов, проводимая подразделениями правового обеспечения МВД России в рамках правовой экспертизы [Текст] / Иван Анатольевич Марцев; науч. рук. Т. Н. Кильмашкина; рец. А. П. Ипакян // Закон и право. — 2013. — № 2. — С. 103–106.
3. Марцев И. А. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов, проводимая подразделениями правового обеспечения МВД России в рамках правовой экспертизы // Закон и право. 2019. № 12. — 198 с.
4. Власенко Н. А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1. — С. 8–17.
5. Матковский С. В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы // Российский следователь. — М.: Юрист, 2008, № 24. — С. 27–30.
6. Степаненко Р. Ф., Шаракшинова Т. Ч., Путинцев А. В. Проблемы неопределенности в законотворчестве: анализ коррупционных свойств правовых норм / Р. Ф. Степаненко, Т. Ч. Шаракшинова, А. В. Путинцев // Мониторинг правоприменения. -2019.-№ 3.-С. 21–25.
7. Кабанов П. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в субъектах Российской Федерации: от осознания необходимости до институционализации // Следователь. 2010. № 8. 245 с.

Юридическое содержание и состав административно-правового статуса государственного гражданского служащего

Шишелина Валентина Алексеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует юридическое содержание и состав административно-правового статуса государственного гражданского служащего РФ.

Ключевые слова: государственный служащий, статус, нормативное регулирование, содержание, состав.

Понятие публичной власти занимает ключевое место в современном российском конституционализме. Оно тесно связано с большинством основных явлений политической и правовой жизни современного общества и государства, включая уровень муниципалитетов.

В Постановлении от 15 января 1998 г. Конституционный Суд Российской Федерации заключил, что «публичная власть может быть и муниципальной».

Принципы организации публичной власти в Российской Федерации основываются на различных конституционных и правовых нормах.

Основные из них включают:

1. Принцип разделения властей: Власть в России делится на три ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Это позволяет предотвратить концентрацию власти в руках одного органа и обеспечивает систему сдержек и противовесов.

2. Принцип законности: Все действия органов публичной власти должны основываться на законе. Это означает, что как законы, так и подзаконные акты должны соответствовать Конституции и другим нормативно-правовым актам.

3. Принцип демократизма: Публичная власть формируется на основе выборов, что обеспечивает участие граждан в управлении государством и защиту их прав и свобод.

4. Принцип гласности: Деятельность органов власти должна быть открытой и доступной для общества, что способствует повышению прозрачности и ответственности властей.

5. Принцип федерализма: Россия является федеративным государством, что означает наличие различных уровней власти (федеральной, региональной и местной), каждый из которых имеет свои обязанности и полномочия.

6. Принцип правовой защиты прав и свобод человека: Все органы власти обязаны защищать и уважать права и свободы человека, гарантированные Конституцией и международными стандартами.

7. Принцип ответственности: Органы власти и их должностные лица несут ответственность перед гражданами за свою деятельность и соблюдение законности.

Эти принципы способствуют обеспечению эффективного и справедливого функционирования публичной власти в Российской Федерации.

Очевидно, что развитие российской государственности, процессы ее модернизации напрямую выходят на различные аспекты соответствующей проблематики, связанной с организацией государственной власти и местного самоуправления, повышением эффективности функционирования органов государственной и муниципальной власти в современных условиях глубоких преобразований во всех сферах государственной, административно-политической, социально-экономической жизни.

Права государственного служащего действительно играют ключевую роль как в рамках институциональной структуры, так и в контексте обеспечения демократических принципов в государственном управлении. Они способствуют не только защите прав самих служащих, но и созданию условий для более эффективного выполнения ими своих обязанностей.

Наиболее общие права гражданских служащих установлены Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 14). Условно их можно разделить на три группы: статусные, функциональные и социально-личностные [1].

Такой комплекс прав включает в себя, например, право на адекватную оплату труда, право на профессиональное развитие, право на безопасность и защиту, а также право на выражение своего мнения и участие в процессе принятия решений, что в целом способствует повышению качества и прозрачности работы государственных органов.

Эти права охраняются механизмами государственного принуждения, что подразумевает наличие четкой системы контроля и возможностей для защиты интересов государственных служащих. Это также включает в себя регламентацию их служебной деятельности, что позволяет исключить произвол и обеспечить стабильность их социально-правового статуса.

Таким образом, система прав государственного служащего является неотъемлемой частью обеспечения эффективного и надежного государственного управления и служит важной основой для реализации демократических принципов в обществе.

Существенной составляющей социально-правового статуса гражданского служащего являются законодательно установленные ограничения и запреты по долж-

ности (ст. 16 и 17 Федерального закона о государственной гражданской службе). Это совокупность социально-политических, экономических и организационно-управленческих факторов, очерчивающих пределы дозволенного в служебной деятельности и повседневном поведении служащего. Ограничения и запреты устанавливают те границы, выход за которые государство либо однозначно запрещает, либо не одобряет и не поощряет. Ограничения и запреты призваны не допустить конфликта частных интересов служащего и публичных интересов общества и государства: государство не может не учитывать, что, обладая властными полномочиями, человек располагает немалыми возможностями использования их в целях, не относящихся к должности и даже противопоказанные ей: в политических целях, в интересах третьих лиц, в целях личного обогащения и т.д. [1]

Закрепленные законом ограничения и запреты имеют абсолютный характер, действуют в течение всего времени прохождения службы [2].

Для государственного служащего свобода — это не вседозволенность и игнорирование по своему усмотрению нормативно установленных ограничений его политических, социально-экономических и гражданских прав.

Свобода для государственного служащего — это концепция, которая может включать в себя несколько аспектов:

1. Личные права и свободы: Государственные служащие, как и любые граждане, имеют право на свободу слова, собраний, ассоциаций и другие гражданские права. Однако эти права могут быть ограничены определёнными условиями и обязанностями, связанными с их работой.

2. Профессиональная деятельность: Государственные служащие должны соблюдать определённые нормы и правила, которые могут ограничивать их действия в некоторых аспектах. Например, они могут не иметь права заниматься бизнесом или участвовать в политической деятельности, что связано с конфликтом интересов.

3. Этика и ответственность: Хотя государственные служащие имеют определённые свободы, с этой свободой связано и то, что они должны действовать в интересах об-

щества, следовать принципам этики и ответственно выполнять свои обязанности.

4. Право на карьерный рост и профессиональное развитие: Государственные служащие также имеют право на карьерные возможности и доступ к обучению и повышению квалификации, что может способствовать их личной и профессиональной свободе.

Таким образом, свобода государственного служащего — это баланс между индивидуальными правами и общественными обязанностями.

Требования к служебному поведению должны определять систему нравственных стандартов, конкретных норм поведения гражданских служащих при реализации полномочий государственных органов. Требования определяют в том числе и этические нормы служебного поведения. Мораль гражданского служащего не может основываться только на собственном представлении о нравственности, она определяется и общественными потребностями. При закреплении требований к служебному поведению законодатель опирался на реальные нравы и традиции, соотносив требования с системой ценностей, существующих в обществе, исторически сложившимися представлениями о морали [3].

Большинство требований к служебному поведению гражданского служащего связано с обязанностями гражданского служащего, правами, ограничениями, запретами согласно Федерального Закона «О государственной гражданской службе» [2].

В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию подчеркивалось, что на государственной службе нужны профессионалы, для которых критерием деятельности является закон. Иначе государство открывает дорогу коррупции. И может наступить момент, когда оно просто переродится, перестанет быть демократическим [10].

Таким образом, прохождение государственной службы представляет собой важнейший элемент института государственной службы, так как на этом временном отрезке и реализуется правовой статус государственного служащего.

Литература:

1. Борщевский, Г. А. Государственная служба: учебник и практикум для вузов / Г. А. Борщевский. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 305 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-17197-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/537379> (дата обращения: 26.09.2024).
2. Государственная служба: учебник для вузов / Е. В. Охотский [и др.]; под общей редакцией Е. В. Охотского. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 327 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-18640-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/545232> (дата обращения: 26.09.2024).
3. Дёмин, А. А. Государственная служба в Российской Федерации: учебник для вузов / А. А. Дёмин. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 354 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-00502-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/468430> (дата обращения: 28.08.2024).

Прокурорский надзор в судебном процессе

Штрекер Никита Вадимович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В данной статье рассматривается роль и значение прокурорского надзора в судебном процессе. Авторы анализируют функции прокурора как надзорного органа и его влияние на законность и справедливость судебных решений. Особое внимание уделяется вопросам контроля за соблюдением процессуальных прав граждан, защите общественных интересов и предотвращению злоупотреблений в сфере правосудия.

Ключевые слова: прокурорский надзор, судебное производство, правовое государство.

Прокуратура в Российской Федерации играет ключевую роль в обеспечении законности и порядка в государстве. Ее история уходит корнями в Судебную реформу 1864 года, когда прокурор впервые появился как субъект уголовного процесса. С принятием Судебных уставов началась трансформация российской «надзорной» прокуратуры в универсальный орган. Прошло почти триста лет с момента основания прокуратуры, и за это время этот надзорный орган претерпел значительные изменения.

Несмотря на все изменения, суть задач прокуратуры осталась неизменной — обеспечение законности и порядка в государстве. Поддерживая конституционные и правовые принципы, прокуратура действует как надзорный орган, следящий за соблюдением законов и прав граждан. Важно отметить, что с каждым новым законом или изменением в обществе прокуратуре предстоит адаптироваться и развиваться, чтобы эффективно выполнять свои функции. В своей деятельности органы прокуратуры руководствуются не только законами, но и принципами справедливости и защиты прав человека [2].

Последствия недостаточной эффективности прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве ставят под сомнение не только справедливость рассмотрения дел, но и общественную безопасность. Решение этой проблемы требует не только пассивного наблюдения, но и активных действий на уровне законодательства и практики прокуратуры.

Следует обратить внимание на необходимость публичного обсуждения текущих пробелов прокурорского надзора и их влияние на общественную жизнь. Расширение полномочий прокуратуры в сфере следствия может стать ключевым шагом к повышению эффективности правоприменительной системы и защите прав граждан.

Имеет смысл рассмотреть возможность переориентации процесса прокурорского надзора на предотвращение правонарушений, а не только на их выявление. Это позволит обеспечить более гармоничное функционирование органов власти и укрепить правовые основы государства.

Вопрос о роли прокуратуры и ее функциях является одним из наиболее обсуждаемых в академической среде. Необходимо подчеркнуть, что право прокурора на возбуждение уголовного дела в настоящее время ограничено законодательством. Однако, проведя анализ практики возбуждения уголовных дел, мы пришли к выводу о необ-

ходимости внести изменения в полномочия прокурора на данной стадии [3].

Следуя позиции В.А. Ефановой, мы считаем, что прокурор должен иметь право на возбуждение уголовного дела в случае выявления нарушений уголовного законодательства в ходе надзора за деятельностью федеральных органов исполнительной власти. Это позволит прокурору более эффективно контролировать соблюдение законов и прав граждан.

С учетом этих аргументов можно сделать вывод о целесообразности расширения полномочий прокурора в части возбуждения уголовных дел. Такой шаг способствовал бы укреплению принципов законности и обеспечению защиты прав и свобод граждан.

Для обеспечения эффективности работы прокурора важно предложить дополнение к статье 25 федерального закона «О прокуратуре», которое расширило бы его полномочия в отношении возбуждения уголовных дел и направления материалов расследования. Кроме того, необходимо учитывать, что прокурор должен иметь возможность инициировать уголовное дело в случае, если он обнаруживает достаточные доказательства незаконности отказа в его возбуждении в ходе проверки. Это предполагает внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, чтобы закрепить данное право прокурора. В частности, следует предложить формулировку, которая бы ясно устанавливала компетенцию прокурора в случае признания отказа в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным.

Полномочия прокурора и государственного обвинителя на судебных стадиях уголовного процесса в России играют важную роль в обеспечении функции уголовного преследования. Кроме того, важным элементом этого процесса является право обжалования судебных решений, предоставляемое прокуратуре в соответствии с частью 1 статьи 389.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Государственному прокурору и (или) вышестоящему прокурору предоставляется возможность обжаловать судебные решения.

Прокурор, который утвердил обвинительное заключение и дал указание поддержать обвинение в суде, лишен законодателем права на обжалование судебного решения. Это означает, что прокурор не имеет возможности обжаловать решение суда, если он дал указание на поддержку обвинения. Таким образом, прокурор и государственный

обвинитель играют ключевую роль в процессе уголовного преследования, влияя на результат и ход судебного разбирательства [4].

Право вносить представление на решение апелляционного суда, согласно статье 389.35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не присуще лицу, которое не обладает полномочиями в этом вопросе. Однако, взгляд Г.Б. Точинского, подчеркивающий нарушение роли прокурора как руководителя прокуратуры в данном случае, заслуживает внимания. Он отмечает, что прокурор имеет право требовать привлечения к ответственности лиц, против которых имеются убедительные доказательства, согласно уголовному законодательству.

Стоит подчеркнуть важность уполномочивания прокурора, осуществляющего уголовное преследование и несогласного с решением суда, на внесение представления. Это позволит обеспечить соблюдение закона и защиту интересов общества в рамках правосудия. Таким образом, вопрос о полномочиях прокурора при оспаривании судебного решения является важным аспектом процесса уголовного преследования.

Для обеспечения более эффективного прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного процесса необходимо принять во внимание ряд аспектов. Один из них касается расширения полномочий прокурора в отношении подачи апелляционной жалобы. Таким образом, важно дополнить часть 1 статьи 389.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, чтобы прокурор имел право на обжалование решений суда.

Следует также учитывать, что эти изменения в законодательстве несомненно связаны с осуществлением прокурором функции контроля за законностью судебных актов. Поэтому важно рассмотреть вопрос о расширении компетенций прокурора при направлении дела в суд. В этом контексте имеет смысл обратить внимание на статью 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая также требует дополнительного анализа и корректировок для улучшения процесса прокурорского надзора на всех этапах уголовного дела.

Важным аспектом в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации является вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением уголовно-правовой меры в виде судебного штрафа. Эта тема заслуживает внимания, особенно если обратиться к содержанию части 4 статьи 446.2 УПК РФ. Согласно данной норме, прокурор принимает участие в рассмотрении ходатайства о назначении судебного штрафа. Однако, если такое ходатайство подается следователем в суд с согласия руководителя следственного органа, прокурор об этом не уведомляется. Этот нюанс

вызывает вопросы и может рассматриваться как пробел в законодательстве.

Участие прокурора в процессе назначения судебного штрафа важно для обеспечения законности и справедливости. Отсутствие уведомления прокурора о подаче ходатайства может привести к недопустимым ситуациям, когда стороны не имеют равных возможностей защиты своих интересов. Поэтому необходимо внимательно рассмотреть этот аспект и возможно внести поправки в законодательство для устранения данного пробела.

Для обеспечения более надежного контроля за соблюдением законов в процессе дознания и предварительного следствия, обязательно важно, чтобы уведомление прокурора было закреплено в законе. Это позволит повысить эффективность прокурорского надзора и обеспечить законность принимаемых решений, особенно в случаях прекращения уголовного дела или уголовного преследования при назначении судебного штрафа.

Кроме того, важно отметить, что прокурорский надзор является неотъемлемой частью правопорядка и гарантией справедливости в судебном процессе. Именно через участие прокурора можно обеспечить соблюдение законов и защитить интересы граждан и общества в целом.

Необходимость направления копии постановления прокурору помимо потерпевшего и гражданского истца важна для обеспечения всестороннего контроля за законностью и обоснованностью принимаемых решений. Такой механизм позволяет избежать произвола и недопущения нарушений в судебном процессе, что является важным элементом правового государства [6].

Укрепление института прокурорского надзора и законодательное регулирование полномочий прокурора в судебном процессе — это важные шаги для обеспечения справедливости и эффективности правосудия. В связи с этим, необходимо внести изменения, которые позволят устранить пробелы в законодательстве и улучшить контроль за соблюдением законов на всех этапах уголовного процесса.

Предложенные изменения, направленные на укрепление института прокурорского надзора, будут способствовать более эффективному контролю за законностью действий правоохранительных органов и судебных решений. Это позволит предотвратить возможные нарушения прав граждан и обеспечить более справедливое рассмотрение уголовных дел.

С учетом значимости роли прокурора в судебном процессе, необходимо также обеспечить ему необходимые полномочия и ресурсы для эффективного выполнения своих обязанностей. Реформы в этой области способствуют укреплению верховенства права и повышению доверия общества к юстиции.

Литература:

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N2202-1// СЗ РФ.
2. Звирбуль В. К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступности. Научные основы. М.: Юрид. лит., 1971. 168 с. LAW & LEGISLATION • 11–2023

3. Иову Д. А. Задачи, основные направления и формы деятельности Прокуратуры Российской Федерации по осуществлению надзора // Молодой ученый. 2021. № 12 (354). С. 119–122.
4. Марченко, М. Н. Общая теория государства и права. Академический курс. В 3-х томах. Том 3 / М. Н. Марченко. — М.: Зерцало, 2017. — 828 с.
5. Попов М. А. Прокуратура РФ как гарант прав и свобод человека и гражданина // Наука через призму времени. 2023. № 2 (71). С. 30–32.

Административно-правовые аспекты защиты прав потребителей в Российской Федерации

Яковлева Яна Евгеньевна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Автор рассматривает административно-правовые аспекты защиты прав потребителей в Российской Федерации. Основной акцент делается на анализе законодательства в области защиты прав потребителей и роли различных государственных органов в этом процессе. Автор изучает проблемы и пробелы в существующем законодательстве, а также предлагает возможные пути их решения. Наряду с тем, статья содержит обзор судебной практики по спорам между потребителями и производителями товаров и услуг.

Ключевые слова: защита прав потребителей, административное право, Российская Федерация, законодательство, государственные органы, судебная практика, потребительские споры.

В Российской Федерации защита прав и интересов потребителей основана на законодательстве, гармонизированном с международными стандартами. «Основным нормативным актом является Закон «О защите прав потребителей», закрепляющий права граждан как потребителей и определяющий механизмы их реализации. Защита прав потребителей поддерживается различными направлениями российского права, включая конституционное, гражданское, административное и уголовное законодательство. В условиях постоянных изменений законодательства и эволюции потребительского рынка, включая рост интернет-покупок, вопросы защиты прав потребителей становятся особенно актуальными. Понимание сущности потребительского права имеет большое значение. Согласно В. А. Гуревичу, оно включает отношения на основе договоров розничной купли-продажи, аренды, найма жилья и оказания услуг, связанных с эксплуатацией жилых помещений и предоставлением коммунальных услуг. Таким образом, сфера потребительского права охватывает все виды договорных отношений. В научной литературе существует иное понимание предпринимательского права как отрасли, охватывающей нормы гражданского, административного и уголовного права, регулирующие отношения для удовлетворения потребностей граждан. В более широком контексте предпринимательское право воспринимается как комплексная отрасль, защищающая интересы потребителей. Различия в подходах к определению понятия «потребительское право» объясняются отсутствием его официального признания в законодательстве» [1].

Российское законодательство в области защиты прав потребителей активно развивается, что подтверждается

многочисленными изменениями в законе «О защите прав потребителей». «Первоначально закон был связан с деятельностью антимонопольных органов, поскольку информированный потребитель является ключевым элементом конкурентного рынка. Однако в последние годы механизмы защиты прав претерпели изменения: подразделения в федеральной антимонопольной службе были расформированы, а отделы по защите прав при местных органах власти значительно сократились или исчезли» [1]. Хотя статья 40 закона предусматривает государственный контроль за соблюдением норм, комплексная система для этого пока не создана. Эффективность контроля отстает от масштабов нарушений, что приводит к неэффективности правового регулирования. Действующий контроль основывается на гражданско-правовой защите, включающей ответственность производителя и компенсацию ущерба. Реализация прав граждан сталкивается с трудностями, не учтенными в законе, например, при доказательстве ненадлежащего качества товара покупатель вынужден сам финансировать экспертизу, что влечет за собой дополнительные расходы.

Следует отметить, что российское законодательство предусматривает различные виды ответственности за нарушения прав потребителей, включая гражданско-правовую, административную и уголовную. «Определение соответствующего нормативного акта зависит от серьезности последствий нарушения. Возможными правовыми инструментами могут быть Кодекс об административных правонарушениях или Уголовный кодекс Российской Федерации. Гражданская ответственность наступает всегда и может существовать как самостоятельно, так и в до-

полнение к другим видам ответственности. Административная ответственность закреплена в Кодексе об административных правонарушениях, в четырнадцатой главе которого указаны размеры штрафов за такие нарушения. Например, за несоответствие качества товаров, услуг или работ стандартам юридические лица могут быть оштрафованы на сумму от двадцати до тридцати тысяч рублей. Статья 14.8 предусматривает ответственность за отсутствие необходимой информации о товаре, услуге или работе, с возможным штрафом до одной тысячи рублей для физических лиц и до десяти тысяч рублей для организаций» [3]. Рассмотрение таких дел возложено на Роспотребнадзор, в который целесообразно обращаться для защиты прав.

Видновская городская прокуратура Московской области инициировала административное дело в связи с нарушениями в договорах долевого участия в строительстве жилого комплекса «Новая Развилка». В ходе проверки было установлено, что в договорах отсутствовали конкретные сроки передачи квартир, что освобождало застройщика от ответственности и ущемляло права дольщиков. В результате были возбуждены дела против строительной компании и её генерального директора на основании части 2 статьи 14.8 КоАП РФ. После рассмотрения дел территориальным отделом Роспотребнадзора ответственные лица были привлечены к административной ответственности. Кроме того, прокуратура направила представление руководителю строительной организации, в результате чего виновное должностное лицо было привлечено к дисциплинарной ответственности. Выявленные нарушения были устранены [4].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях делает различие в ответственности между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями за нарушения прав потребителей. Однако, по мнению В. А. Гуревича, такое различие противоречит принципу равенства всех перед законом и судом, закреплённому в Конституции Российской Федерации. Для устранения этой ошибки предлагается унифицировать правовой режим административной ответственности для всех субъектов предпринимательской деятельности, независимо от их правовой формы. В декабре 2023 года на заседании Консультативного совета обсуждались инициативы по разработке мер для повышения уровня цифровой грамотности среди потребителей. Также была подчеркнута необходимость создания нормативно-правового акта, который бы систематизировал и актуализировал положения законодательства в части ответственности предприятий за нарушения прав потребителей. «Ожидается, что этот акт обеспечит единообразие подходов к определению мер ответственности за сходные нарушения прав потребителей и унифицирует правила доказывания в судебных разбирательствах. В 2023 году прокуратура Челябинской области выявила около 1300 случаев нарушений законодательства в области защиты прав потребителей, что привело к подаче исков, вынесению предостережений

и привлечению должностных лиц к ответственности» [5]. Вопросы защиты прав потребителей и совершенствования законодательства остаются актуальными и требуют внимания законодателя.

В отчёте о деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2023 год выявлены значительные нарушения в соблюдении законов и прав граждан. «Общее количество нарушений составило 4136025 случаев, что немного меньше, чем в предыдущем году. В сфере прав граждан зафиксировано 2478600 нарушений, что также демонстрирует снижение. В области оплаты труда зарегистрировано 377667 нарушений, указывая на улучшение в сравнении с прошлым годом» [5]. Однако в бюджетной сфере отмечено небольшое увеличение нарушений до 110278 случаев. В первые три месяца 2024 года выявлено 1130198 нарушений законодательства, с привлечением к дисциплинарной ответственности 139207 человек и инициированием административных взысканий в отношении 50036 человек, что показывает снижение нарушений по сравнению с аналогичным периодом 2023 года. В 2023 году в Челябинской области отмечено уменьшение количества правонарушений с 32451 выявленным случаем, включая 20166 нарушений прав граждан и 3580 нарушений в области оплаты труда, что свидетельствует о снижении по сравнению с 2022 годом.

Наиболее частыми нарушениями, выявленными прокуратурой, являются проблемы, связанные с предоставлением жилищно-коммунальных услуг. Представители прокуратуры активно принимают меры для устранения перебоев в подаче холодной воды, стремятся повысить качество теплоснабжения и улучшить состояние общего имущества многоквартирных домов. Кроме того, они уделяют внимание вопросам обслуживания внутридомового газового оборудования, что подчеркивает их всесторонний подход к обеспечению соблюдения законодательства и улучшению условий жизни граждан. «В зимний период прокуратура уделяет особое внимание проверкам, направленным на обеспечение должной очистки территорий вблизи жилых домов и крыш зданий от снега и льда. Органы прокуратуры сосредотачивают свои усилия на вопросах ценообразования и активно реагируют на случаи нарушения законодательства участниками продовольственного рынка. В рамках проводимых проверок, осуществляемых совместно с представителями Роспотребнадзора, выявляются и пресекаются случаи продажи немаркированной и небезопасной продукции потребителям. В результате таких проверок происходит изъятие и уничтожение товаров, представляющих угрозу для жизни и здоровья граждан. Исследование правовых норм, регулирующих назначение административных наказаний юридическим лицам за правонарушения в сфере защиты прав потребителей, демонстрирует, что применение общих положений главы 4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к данным правовым отношениям обладает специфическими особенностями. Эти особенности объясняются

спецификой применения норм права, касающихся индивидуализации наказаний, а также обязательным учётом обстоятельств, которые могут смягчить или, напротив, усугубить ответственность правонарушителей. Важным аспектом является определение сроков давности для привлечения к ответственности за правонарушения в данной области. Дополнительно рассматривается возможность освобождения от административной ответственности в случае малозначительных правонарушений» [6].

Одним из примеров защиты прав потребителей является случай, выявленный прокуратурой Центрального района города Челябинска, связанный с нарушениями со стороны строительной компании ООО «Эколог». В ходе проверки договоров долевого участия в строительстве, заключенных с гражданами, было установлено, что компания не указывала все основания для расторжения договора, как это предписано Федеральным законом о долевом строительстве. Это привело к ущемлению прав потребителей. «В рамках дела об административном правонарушении генеральному директору компании был назначен штраф в размере одной тысячи рублей за включение в договор условий, нарушающих права потребителей» [7]. Также было вынесено представление с требованием устранить выявленные нарушения, которое было удовлетворено. «Деятельность органов прокуратуры в этой сфере должна осуществляться в тесном взаимодействии с государственными органами и надзорными ведомствами. Региональная политика должна быть ориентирована на обеспечение благополучия граждан и защиту их прав, что обеспечит эффективное пресечение правонарушений и заменит профилактические мероприятия» [7].

«Роспотребнадзор, являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляет контроль и надзор в области защиты прав потребителей, рассматривая эту деятельность как одну из ключевых государственных функций с высокой социальной значимостью. Это требует эффективной организации работы как в центральном аппарате, так и в территориальных подразделениях. Защита прав потребителей направлена на защиту прав каждого гражданина, а восстановление нарушенных интересов возможно при надлежащей организации на региональном

и местном уровнях. В 2023 году было зафиксировано 8 279 обращений о нарушениях прав потребителей, из которых 51% касались торговли, а 49% — услуг» [8]. Снижение числа контрольных мероприятий связано с изменениями законодательства 2021 года, требующими досудебного урегулирования споров. В этот период специалисты активно консультируют потребителей, помогая в составлении претензий и объясняя порядок их подачи. Небольшое количество обращений, ведущих к проверкам, свидетельствует о добровольном устранении предпринимателями причин конфликтов. В течение года проводились проверки в 93 торговых предприятиях, что составляет 72% от их числа. «Предпринимателям предоставлены условия для избежания несвоевременных проверок, а планы проверок публикуются на официальном сайте Роспотребнадзора, что доступно как предпринимателям, так и потребителям» [8].

В период с 2013 по 2023 год количество плановых проверок сократилось значительно, но их эффективность повысилась. В 2024 году Роспотребнадзор предложил прекратить проведение плановых проверок в сфере защиты прав потребителей, заменив их на внеплановые проверки и другие меры. Такое изменение может повысить административное воздействие на предпринимателей. Важно, что нарушение права потребителей на достоверную информацию может быть формой недобросовестной конкуренции, причиняя ущерб конкурентам и ущемляя права потребителей. Потребители нуждаются в информировании о своих правах, что укрепляет хозяйственные отношения и улучшает применение законодательства. Российское законодательство требует государственного контроля, однако на практике не существует комплексной системы норм контроля и надзора. «Эффективность государственного контроля не соответствует количеству нарушений прав потребителей, и надзорное присутствие государства снижается. Это приводит к недостаточному исполнению судебных решений и падению уровня ответственности за нарушения. Необходимо усилить защиту прав потребителей и внести поправки в законодательство для повышения ответственности за правонарушения» [9].

Литература:

1. Озыкова, Ц. И. Защита прав потребителя по законодательству Российской Федерации / Ц. И. Озыкова // Мировая наука. — 2022. — № 11(68). — С. 106–109.
2. Плахова, Е. С. Защита прав потребителей в России: административно-правовой аспект / Е. С. Плахова // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8, № 3(31). — С. 169–179.
3. Лаврова, Е. М. Виды юридической ответственности за нарушение прав потребителей / Е. М. Лаврова // Вестник науки. — 2019. — Т. 3, № 11(20). — С. 117–123.
4. Плахова, Е. С. Защита прав потребителей в России: административно-правовой аспект / Е. С. Плахова // Наука. Общество. Государство. — 2020. — Т. 8, № 3(31). — С. 169–179.
5. Прокуратура Челябинской области. — https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74
6. Щепетков, В. В. Проблемы организации деятельности органов прокуратуры по надзору за соблюдением жилищных прав социально уязвимых категорий граждан / В. В. Щепетков // Вестник Владимирского юридического института. — 2019. — № 3(52). — С. 119–123.

7. Дворецкий, С. А. Вопросы договорной подсудности с потребителем в спорах по договорам долевого участия в строительстве / С. А. Дворецкий // Противоречия и тенденции развития современного российского общества: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Сергиев Посад, 18 апреля 2022 года. — Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2022. — С. 24–33.
8. Прокуратура Челябинской области. — https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_74
9. Петрухина, Н. В. Недобросовестная конкуренция: понятие и формы / Н. В. Петрухина, А. Г. Титова // Наука молодых — будущее России: сборник научных статей 8-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 12–13 декабря 2023 года. — Курск: Университетская книга, 2023. — С. 241–244.

Договорный режим имущества супругов

Якунина Валерия Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Болотина Елена Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В брачном договоре закрепляются права и обязанности сторон, вступающих в брак или уже находящихся в браке. Нормы права, регламентирующие брачный договор, закреплены в ст. 40 Семейного кодекса Российской Федерации.

Брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака. Брачный договор, заключенный до государственной регистрации заключения брака, вступает в силу со дня государственной регистрации заключения брака [8, ст. 41. п. 1].

Для подтверждения своих действий и достоверного принятого решения сторон брачного договора, законодатель закрепил требования к форме брачного договора — письменная форма и нотариальное удостоверение [8, ст. 41. п. 2].

Брачный договор регулирует два вида отношений, действующих на протяжении всего срока действия брачного договора, включая правоотношения, которые могут возникнуть при прекращении брака:

- 1) права и обязанности супругов по поводу имущества;
- 2) права и обязанности по взаимному содержанию друг друга.

Теоретики, воспринимают брачный договор, заключенный до момента заключения брака, договором с отсроченным сроком вступления в силу по причине возникновения прав и обязанностей по такому брачному договору с момента заключения брака, который в силу фактических обстоятельств может и не наступить — действия сторон бывают непредсказуемыми [9].

Брачный договор может иметь срочность его действия, т.е. заключен на определенный срок, а соответственно, наступление даты, указанной в нем, будет являться основанием для прекращения.

Еще одним основанием для прекращения брачного договора — это биологическая смерть (необратимая гибель человека) [10, ст. 66] или признание супруга безвестно отсутствующим или умершим в соответствии с решением суда [11, ст. 42].

В области разрешения семейных споров, одним из основных вопросов, помимо воспитания детей, возникает вопрос раздела общего имущества супругов, и естественно, правильно и равноправно оформленный брачный договор, упрощает процедуру раздела такого имущества, экономит время сторон, а соответственно и финансы (расходы на представителей, государственная пошлина, упущенная возможность полноценного использования такого имущества), обладает следующими характеристиками:

— гибкость во времени его заключения и прекращения (заключение брачного договора до момента заключения брака, в любой период действия брака);

— возможность урегулирования принадлежности имущества каждого супруга, а также распределения имущества между супругами в случае его расторжения.

Подписав брачный договор, супруги обеспечивают защиту возможных потерь имущества в случае прекращения брака, сокращает продолжительность рассмотрений дел о разделе общего имущества супругов. Институт брачного договора был введен в отечественное законодательство около 20 лет назад, до этого момента, постсоветское и советское право не регулировало договорные отношения имущества супругов. Первоначально, указанные правоотношения, были регламентированы в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — «ГК РФ»). Так, в соответствии с п. 1 ст. 256 ГК РФ, имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Семейный кодекс Российской Федерации развивает данное положение, называя вышеуказанное соглашение брачным договором, который стоит относить к смешанным договорам, регулируемый нормами гражданского права и семейного права.

В настоящее время в практике, брачный договор, носит характер сохранения общего имущества супругов, например в делах о банкротстве одного из супругов, при

этом, в гражданском обществе встречается не так часто, несмотря на его практичность при рассмотрении дел о банкротстве и разделе имущества. Воспринимается супругами как инновация или выражение недоверия, хотя в других странах используется гораздо более активно.

Растущий интерес к брачному договору заметен как среди юридических экспертов, так и среди населения, которое стремится к предупреждению имущественных споров путем заключения брачного договора [1, с. 79].

Следует подчеркнуть, что количество официально зарегистрированных браков уменьшается на сегодняшний день [2] (см.: Рис. № 1), а количество разводов возрастает [3] (см.: Рис. № 2).

Незначительный опрос молодежи, проведенный автором в Санкт-Петербурге, показал, что молодые пары всё чаще игнорируют традиционную форму заключения брака, выбирая фактические отношения без регистрации брака т.е. «сожитительство».

В таком развитии событий, логично развитие семейного права и гражданского права в части оформления «брачного договора» вне семейных отношений, т.е. по

факту сожитительства на основании волеизъявления сторон такого волеизъявления [4].

Стремясь урегулировать ситуацию, возникшую вследствие заключения брачного договора задолго до признания брака официальным, нужно учесть отсутствие прямых указаний в Семейном кодексе РФ по данному поводу. Мнения, как действовать в определённых обстоятельствах, разнятся, однако предлагается взглянуть на ситуацию через призму норм Гражданского Кодекса РФ, а именно ст. 429, посвящённой предварительным договорам, действующим в годичный период после их заключения, за исключением случаев, когда в документе прописан иной срок. Аналогия с такими договорами позволяет предположить, что, не регистрируя официально отношения в течение года после подписания брачного соглашения, пара лишает его юридической силы.

В научном сообществе обсуждается возможность распространения брачного договора на прошлый период времени. Специалист в этой области, В.В. Ралько, полагает, что могут быть легализованы условия данного договора, затрагивающие предшествующие временные рамки, если

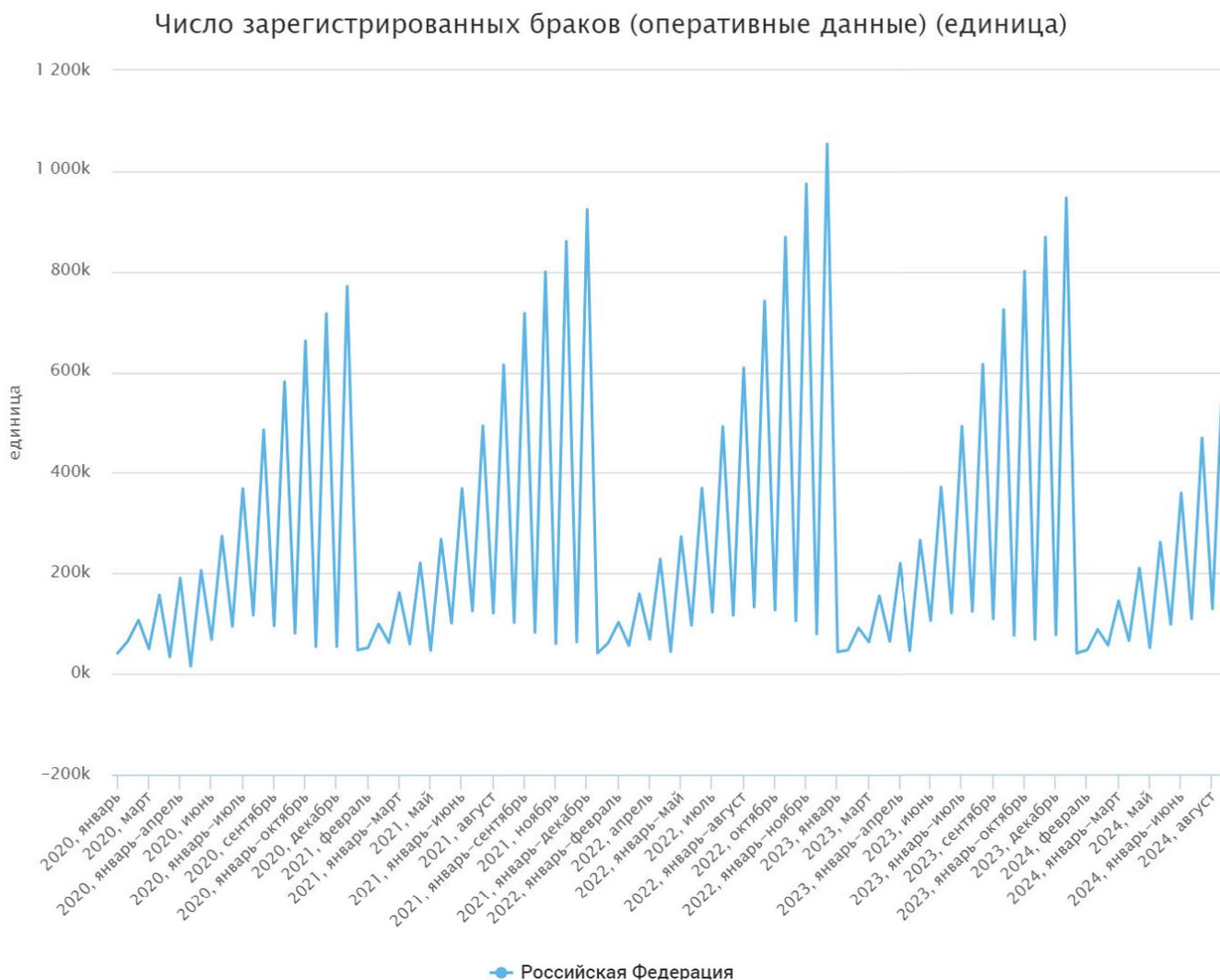

Рис. 1. (период с 2020 г. по август 2024 г.)

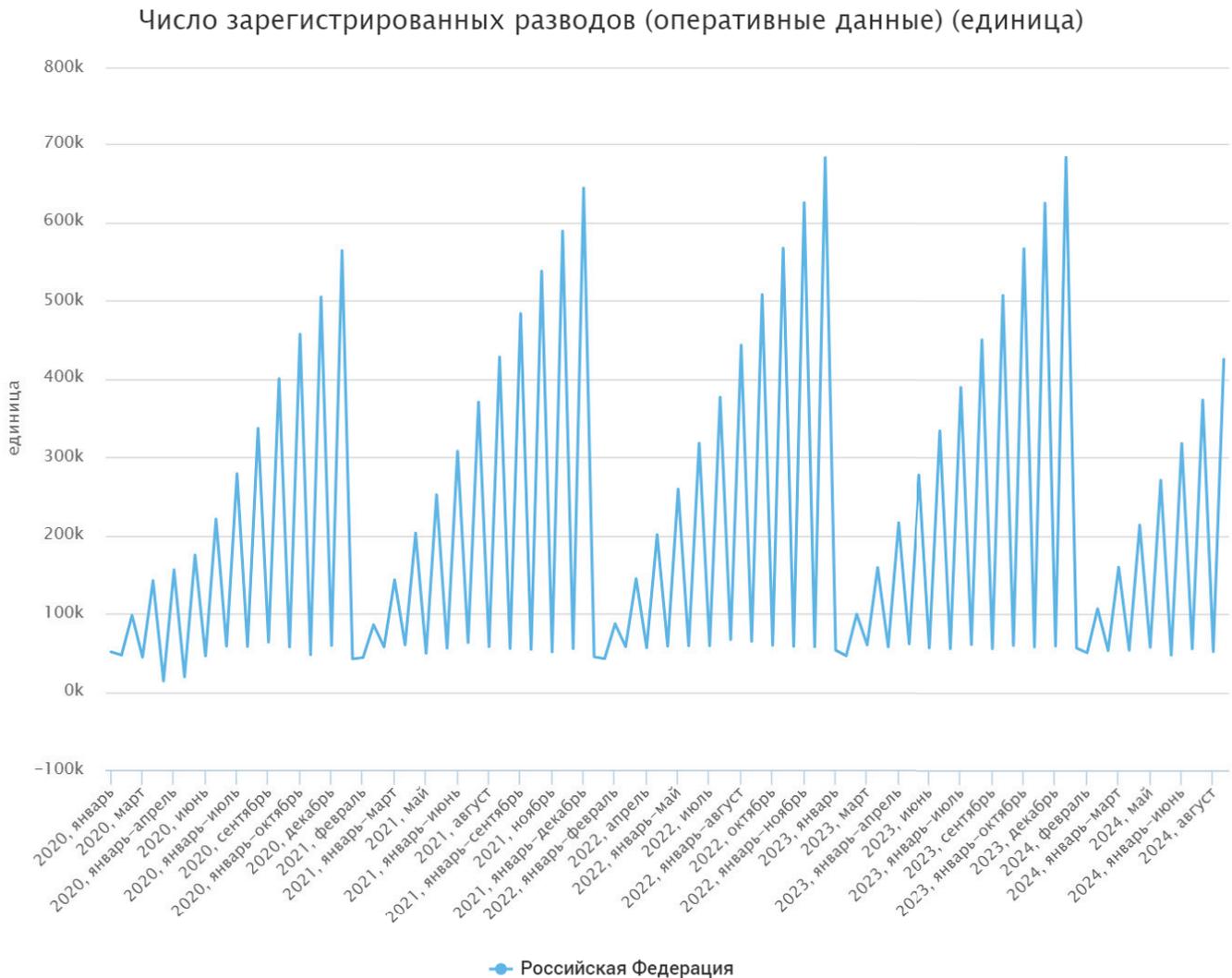

Рис. 2. (период с 2020 г. по август 2024 г.)

за данный отрезок времени существовали взаимоотношения между партнерами [5].

На сегодняшний день не завершен разговор о том, какие именно пункты могут быть внесены в документ о браке. Семейным кодексом РФ предусмотрено включение в брачный договор исключительно имущественных условий, касающихся прав и обязанностей супругов. Мнение Л. П. Мананковой про то, что закон определяет пределы личных неимущественных прав и обязанностей супругов, а их изменение договором, по общему правилу, невозможно, заслуживает одобрения. Таковые договоренности, свершенные сторонами вопреки закону, носят неюридический характер [1].

Статья 42 Семейного кодекса РФ, в её третьем пункте, определяет закрытый список условий, на которые распространяется запрет включения в брачный контракт.

Заключение брачного договора никак не влияет на способность супругов иметь гражданские права и обязанности (правоспособность), реализовывать их и самостоятельно защищать свои интересы в судебном порядке (дееспособность), а также изъяслять это право путём об-

ращения в судебные органы для защиты нарушенных прав.

Поскольку СК РФ не конкретизирует, какие ситуации могут считаться особенно ущемляющими интересы одного из супругов, вопросы этого рода остаются на усмотрение судебной инстанции. Во множестве иных государств правовая система не налагает запрет на включение пунктов, регулирующих личные, не связанные с имуществом взаимоотношения между партнерами в браке. Обычным в зарубежной практике является страхование от возможных финансовых рисков в результате непредвиденных изменений в поведении партнера, таких как неверность или злоупотребление алкогольными напитками; эти положения могут оформляться отдельными пунктами в брачном соглашении.

В сфере юридических дебатов остается актуальным вопрос о возможности изменения режима собственности супругов на имущество, приобретенное до заключения брака, впоследствии заключения брачного договора. Аналитики в сфере норм семейных отношений подтверждают, что статус собственности индивидуальной может быть преобразован в статус общей собственности су-

прыгов с лёгкостью средствами брачного контракта. Несмотря на это, догмат ГК РФ, воплощённый в статье 256, категоричен: объекты материального мира, нажитые пред тем, как был заключён брак, пребывают в безусловном владении у каждой стороны индивидуально, отмечая обязательство установленного порядка.

В области семейного права существует спорный вопрос, требующий осмысления на основе различных научных подходов: способно ли лицо, не достигшее совершеннолетия, но получившее разрешение на уменьшение возраста вступления в брак, оформить договор о браке до его государственной регистрации? По мнению авторитетного юриста П. В. Крашенинникова, такое действие ограничено возможностями гражданского права, когда несовершеннолетний может быть признан полностью дееспособным по достижении брачного союза либо через эмансипацию. Отдельные авторы в правовой литературе защищают позицию, согласно которой несовершеннолетний может вступить в брачные договорные отношения предварительно и получить на это согласие своего законного представителя мгновенно после решения суда об изменении брачного порога возраста [6].

В дебатах, охватывающих семейное право, затрагивается спорная проблематика возможности стороннего участия в ратификации брачного соглашения. Исследователи утверждают, что действующие нормы закона предписывают, что каждый участник данного контракта должен обладать полной дееспособностью и подписы-

вать его лично. Альтернативные ситуации, включая возможности действий через законного представителя, опекуна или лицо с нарушениями психического здоровья, не соответствуют четко установленным критериям, которые обеспечивают неразделимость контракта с его непосредственным подписантом. Таким образом, в контексте семейного законодательства, ставится жёсткий барьер на пути к подписанию брачного документа лицами, лишёнными дееспособности или действующими не из личных убеждений и волеизъявления.

Исследование ряда вопросов, связанных с процессом заключения брачных контрактов в России, позволяет увидеть, что существует недостаточность норм и неопределённость в правоприменительной практике, характеризующиеся наличием пробелов в законодательстве и нормативных столкновений. Вопреки этим проблемам, несомненно, видно, что брачный договор занимает существенное место в структуре семейного права России, обусловленного современными требованиями.

Количество россиян, стремящихся оформить брачный контракт, остаётся заметно небольшим. Многие будущие молодожёны в России ещё не оценили всю значимость такого соглашения, так как не понимают его необходимость и способы применения. Однако такой договор обладает значительными преимуществами: он позволяет супругам предугадать имущественные разногласия и защититься от утрат в имущественной сфере не только при разводе, но и на протяжении всего периода брака [7].

Литература:

1. Общая долевая собственность. Правовой статус членов семьи: основные труды профессора Томского государственного университета Р. П. Мананковой / Р. П. Мананкова. Москва: Статут, 2021.
2. Вкладка «Число зарегистрированных браков (оперативные данные)» — Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) — официальный сайт <https://www.fedstat.ru/>.
3. Вкладка «Число зарегистрированных разводов (оперативные данные)» — Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) — официальный сайт <https://www.fedstat.ru/>
4. Ульбашев А. Х. Семейное право. — М.: Юрайт, 2023. с. 169
5. Нотариальное удостоверение семейных соглашений на примере брачного договора (Ралько В. В.) («Судья», 2019, № 6), с. 23–24.
6. Семейное право: учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019.
7. Беспалов Ю. Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ. Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. с. 137.
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Правовая информационная система «Консультант Плюс».
9. Семейное право. Учебник и практикум / под ред Л. М. Пчелинцевой, Л. В. Цитович. М.: Юрайт, 2024. с. 280.
10. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N323-ФЗ. Правовая информационная система «Консультант Плюс».
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Правовая информационная система «Консультант Плюс».

ИСТОРИЯ

История освоения Кубанской области немецкими и эстонскими поселенцами во второй половине XIX века

Уманец Максим Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Федина Ирина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена процессу немецкого и эстонского освоения Кубанской области во второй половине XIX века. Рассмотрены основные причины и предпосылки переселения немцев и эстонцев на территорию Кубани и отражена численность немецкого и эстонского населения Кубанской области и Черноморской губернии в рамках описываемого в статье периода. Кроме того в данной статье охарактеризованна хронология возникновения немецких и эстонских поселений на территории Кубанской области. Также в статье рассматриваются экономические предпосылки переселения немецких и эстонских колонистов на территорию Кубани. Рассмотрены экономические взаимоотношения немецких и эстонских поселенцев с местной властью. В работе освещаются бюрократические ошибки и проволочки, тормозившие переселение немецких и эстонских поселенцев на территорию Кубанской области.

Ключевые слова: немецкие колонии, переселения, иностранцы,

После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. происходят изменения границ на юге Российской империи. Граница России на Северном Кавказе стала проходить по р. Кубань. Крестьяне из центральных губерний переселялись на новые территории. Российское правительство дало разрешение и на переселение поволжских немцев. 27 октября 1778 г. Екатерина II одобрила доклад генерал-прокурора князя Вяземского «О переселении колонистов с луговой стороны Волги на линию, заводимую между Моздоком и Азовом», что было необходимо вследствие неурожая в некоторых иностранных колониях Поволжья.

24 июля 1785 г. выходит манифест о дозволении иностранцам селиться в городах и селениях Кавказской губернии. В нём определялось правовое положение этой категории переселенцев. Правительство позволяло им заниматься деятельностью в области ремесел, промыслов, торговли на льготной основе, они были на шесть лет освобождены от всех государственных податей. В конце этого срока, если они выезжали из России, то им гарантировалась свобода действий, надо лишь было уплачивать трехлетнюю подать.

Немецкие переселенцы появились в казачьем крае благодаря Высочайшему указу от 20 мая 1852 г. По нему, на казачьих землях из общевойскового фонда выделили два участка в 926 и 1053 десятины земли в Ейском отделе (на берегу Ейского лимана и на берегу Азовского моря) [1]. Жители обеих колоний, получивших названия соответственно Александерфельд (впоследствии село Алексан-

дровское) и Михельсталь (впоследствии селение Воронцовское), стали полноправными гражданами Кубани. Они развили активную хозяйственную деятельность. Располагая первоначально относительно небольшим количеством земли, они уже в 70–80-е XIX в. стали активно скупать землю, сконцентрировав по 30–70 десятин и более у одного хозяина. Таким способом было скуплено несколько участков в станице Должанской [2]. Предполагалось переселить 30 семейств колонистов, допуская возможное увеличение численности населения до 60 семей, в зависимости от пользы, какую принесет первая группа поселенцев. Условия переселения на указанные земли заключались в следующем: колонисты наделялись землей по 30 десятин на семейство; в платеже казенных податей предоставлялась льгота сроком на 8 лет; на первоначальное обзаведение выделялась ссуда с рассрочкой на 10 лет в человек на выделенные земли между г. Ейском и станицей Должанской уже в мае 1852 г. Остальные переселенцы (63 человека) попросили отсрочки до уборки хлеба и табака и прибыли на новое место жительства через год, в мае 1853 г. Проживающие под Ейском с 1850 г. немецкие колонисты также были включены в число жителей колонии. Новое поселение получило название Михельсталь. В начале 60-х гг. XIX в. меннониты из Екатеринославской и Таврической губерний подали прошение о переселении их в количестве 100–150 семейств в Кубанскую область, «с целью посвятить свои познания и труды улучшению земледелия и промышленности на Кавказе». Причиной, по-

будившей их к переселению в Кубанскую область, стал «крайний недостаток земли, неурожай хлеба и травы и другие стеснительные обстоятельства на прежнем месте жительства» [3]. Меннонитам были выделены земли в Баталпашинском отделе Кубанской области на участке ниже устья Большого Зеленчука напротив станицы Невинномыской. С осени 1863 г. начинается заселение колонии Вольдемфюрст. Первые поселенцы, в количестве 8 семей, занялись овцеводством, так как не решались потратить силы и средства для построек, которые необходимы для правильного ведения сельского хозяйства. И только после тщательного изучения местности, климата и почвы колонисты решились на переселение. В августе 1864 г. колония Вольдемфюрст состояла уже из 12 семейств, а в апреле 1865 г. к ним присоединилось еще 20 семей [4].

Импульсом к переселению на Кавказ эстонских колонистов послужили как появившиеся сообщения в печати о переселении эстонцев в 1860-х годах в Крым и Самару, так и опубликованные статьи учителя тифлисской гимназии И.-Р. Рецольдта об условиях жизни на Кавказе. Учитель описывал традиции и быт кавказских народов, природу этого благодатного края, упоминал также об освободившихся в результате вынужденного после Кавказской войны массового переселения в Османскую империю землях по Черноморскому побережью. Безусловно, это стало стимулом для эстонских крестьян, остро нуждавшихся в земле.

Однако отсутствие общегосударственного закона о переселении, сложный паспортный режим, ограничивавший свободу передвижения крестьян, бюрократическое делопроизводство тормозили переезд крестьян в другие места. Хотя переселение на Черноморское побережье Кавказа осуществлялось несколько проще. Там переселенцы получали разрешение на переселение от начальника Черноморского округа, в отличие от законов, действовавших в центральных губерниях России, где от крестьян требовали разрешения губернатора [5]. В Эстонии в 1885 г. С.В. Шаховский пришел к выводу, что упрощенный порядок слишком стимулирует переселение и стал разрешать крестьянам переселяться только с его личного согласия [6].

Первыми еще в мае 1882 г. поселились на Кавказском побережье Черного моря в районе Сухуми эстонцы из Крыма и Поволжья, которые проживали там еще с 1850-х г., но не захотели в тех краях окончательно обосновываться. К 1884 г. эстонскими переселенцами из Северной и Южной Эстонии на Черноморском побережье были основаны поселения Сальме и Сулев вблизи Сочи. В этом же году возникло еще одно эстонское поселение на землях усадьбы Варданее, принадлежавшей брату императора Михаилу Николаевичу, которое стало именоваться Эсти-Лоо [6, с. 18].

По данным Б.М. Городецкого в Майкопском отделе находилась лишь одна эстонская колония, называемая селением Бурным. Располагалась она в нагорной полосе Кубанской области на левом берегу реки Малой Лабы. Эстонцы «осели на общественной земле станицы Псебайской, а впоследствии получили земельный надел в 140 десятин 1500 квадратных саженей на основании положения Военного совета от 30 сентября 1898 г. В данной колонии 8 дворов, в которых проживают 25 человек».

Всего же в 1886 г. в Закавказье в общей сложности переселилось 1226 эстонцев (355 семей), из которых 281 семья, или 946 человек, остались жить в окрестностях Сухуми и в Черноморском округе [7, с. 23].

Цель царского правительства — сделать Черноморье «Русской Ривьерой» привела в середине 1890-х г. к оживлению экономической жизни региона. Социально-экономические изменения, связанные с усилением капиталистических тенденций развития, повлияли также на эстонских поселенцев. Так, согласно данным переписи населения 1897 г., эстонское население, занимающееся сельским хозяйством, составляло 82,3%, торгово-промышленное население — 12,5%, непроизводительное — 5,3%. С развитием капитализма экономическая деятельность зажиточных эстонских колонистов заметно расширилась. Они стали играть руководящую роль в созданных по их инициативе сельскохозяйственных товариществах и кооперативах капиталистического типа. Опыт, привезенный из Эстонии, помог им быстрее перейти к товарному сельскому хозяйству.

К 1897 г. в Кубанской области проживало 800 эстонских переселенцев, в Черноморской губернии — 600. Сравнение традиционной культуры кубанской общины эстонцев с метропольными традициями позволило Н.И. Бондарю сделать вывод об оригинальном варианте эстонской культуры, особенностях в языке, обрядах, праздниках и т.д. [8].

Наиболее достоверно подвести промежуточный итог переселений немцев на Северный Кавказ помогают данные первой всеобщей переписи населения Российской империи в январе 1897 г. Согласно переписи, в Кубанской области насчитывалось 20 778 немцев (из них 1984 — в городах), в т.ч. 1147 меннонитов. Немцы составляли 1,08% этнографического состава населения. К 1897 г. в Кубанской области проживало 800 эстонских переселенцев, в Черноморской губернии — 600. Заселение Кубанской области эстонскими колонистами было успешным, но, к сожалению, в связи с переселением и репрессиями в годы Советской власти, дезорганизации демографического оптимума, а также в результате исчезновения компактного поселения, эстонская группа и ее культура на Северо-Западном Кавказе в современный период находится в состоянии исчезновения.

Литература:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. Р-1547. Коллекция В.М. Миронова. Оп. 1. Д. 316. Л. 60.
2. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 2260. Об основании близ г. Ейска немецкой колонии Александровская. Л. 15–16.

3. Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 89–125.
4. Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александерфельд, Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 209–274.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 2-е СПб., 1868. Т. 41. Отд. 1. Ст. 43093.
6. Выйме Л. А. Эстонские поселения на Черноморском побережье Кавказа (вторая половина XIX — 1929 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук.— Таллин, 1975.— С. 18.
7. Выйме Л. А. Жилища эстонских переселенцев на Кавказском побережье Чёрного моря // XII научная конференция Государственного этнографического музей Эстонской ССР. 14–16 апреля 1970 г.-Тарту. Таллин, 1970.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 / Под ред. Н. А. Тройницкого. Кубанская область. Спб, 1905. Вып.65; Черноморская губерния. Спб., 1903. Вып.70.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Формирование имиджа публичного должностного лица

Вунш Андрей Николаевич, студент магистратуры
Омский государственный педагогический университет

В данной статье рассматривается понятие «имидж», его функции и задачи. Поднимается тема важности положительного имиджа для публичного должностного лица в системе государственного и муниципального управления, а также выделяются ключевые субъекты его формирования.

Ключевые слова: имидж, публичное должностное лицо, СМИ, технологии по формированию благоприятного имиджа, общественность.

В условиях современной нестабильной ситуации на международной арене для того, чтобы сохранить устойчивость социально-экономической системы роль государства должна стать определяющей, а, следовательно, и имидж каждого его представителя, независимо от уровня и ветви власти, которую он представляет должен вызывать положительную и доверительную реакцию у населения.

В современном обществе все более значимую роль играет информация, становится больше средств ее передачи и трансляции, что оказывает существенное влияние на формирование у населения мнения о том или ином представителе власти, а также сфере его деятельности. Ряд научных исследований уже посвящено проблеме имиджа государственного служащего [1], что подтверждает актуальность темы статьи. Принимая во внимание также достаточно негативный образ носителя публичной власти в глазах общественности.

На сегодняшний день в научной литературе присутствует большое количество определений понятия «имидж», что говорит о высоком уровне развития наук занимающимися социологическими и социальными исследованиями. Например, А. А. Коско в своей научной статье посвященной имиджу руководителя дает такое понятие термину имидж: «Имидж — это манеры поведения, внешняя привлекательность, которые являются видимыми элементами», тем самым он пытается разграничить понятие имидж и образ [3]. А. Н. Чумиков трактует имидж как заявленную идеальную позицию, намеренно созданную и продвигаемую в целевые группы. Также А. Н. Чумиков выдвигают идею о том, что имидж имеет прямую зависимость от репутации. Но, несмотря на большое количество определений к понятию имидж, единого его определения по отношению к представителям публичной власти, пока еще не сформировано. Но можно утверждать, что имидж представителя власти создается в первую очередь с целью

положительного воздействия на населения. Стоит выделить и основные социальные функции имиджа:

1. Идентификация, которая позволяет служащему быть узнаваемым;
2. Идеализация, целью которой является создание благоприятного образа представителя власти для населения, которое зачастую близко не знакома с ним и не имеет представления об его реальных чертах характера;
3. Противопоставление, помогающие дистанцироваться служащему от других образов [4].

Стоит также отметить, что имидж имеет первостепенное значение не для всех служащих, а лишь для тех, кто представляет государство в публичном поле по отношению к населению, партнерам и т.д., то есть высшее должностное лицо. Помимо функций можно выделить еще две задачи, которые присущи имиджу государственного служащего:

1. Формирование личностных характеристик;
2. Акцентирование внимание коллег и граждан на компетентности представителя власти.

К личностным характеристикам мы относим физические и психологические особенности высшего должностного лица, а также управленческий стиль индивидуума и его характер [2].

Для того чтобы успешно внедрить имидж представителя власти в сознание людей необходимо в средствах массовых коммуникаций подчеркивать:

- его положительные качества;
- результаты его профессиональной деятельности в тот или иной период жизни;
- положительный опыт его управленческой деятельности в экстремальных ситуациях. [5]

К таким условиям можно отнести участие должностного лица в общественно-значимых мероприятиях, помощь населению в стихийных бедствиях, встречи с представителями рабочего класса на предприятиях и т.д.

Выступления, диалоги, дискуссии — все эти формы общения сами по себе являются технологией по созданию благоприятного имиджа госслужащего. Если в управленческую ситуацию входит элемент конкурирование с другими лицами, то здесь можно активно включать наступление и контрастступление на мнение оппонентов, их взгляды и предложения, но не стоит забывать и о подготовке к защите своей позиции [6].

В демократически государствах, где население проявляет достаточно высокую политическую активность и высокий уровень доверие к власти наибольшую роль по формированию благоприятного имиджа высшего должностного лица играют средства массовой информации.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в процессе формирования позитивного имиджа должностного лица ключевыми субъектами являются:

1. Само публичное должностное лицо и служащие, составляющие его команду;
2. Общественность, которая готова «объективно» оценить имидж высшего должностного лица;
3. Средства массовой коммуникации способные помочь наладить диалог между представителем власти и населением.

Таким образом, подводя итог можно сказать, что имидж публичного должностного лица сам по себе является системой, которая постоянно находится в динамике. Публичному должностному лицу, чтобы сформировать свой положительный имидж необходимо реально продемонстрировать эффективность своей управленческой деятельности, наладить постоянную и эффективную связь с обществом и развивать уровень актуальных PR мероприятий, в которых он принимает участие.

Литература:

1. Амурская О. И. Имидж государственного служащего: исторические реалии и современное состояние // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2018. № 3 (60). С. 79–90.
2. Буряк Н. Ю. Особенности формирования имиджа должностного лица в системе государственного муниципального управления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3–1 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-imidzha-dolzhnostnogo-litsa-v-sisteme-gosudarstvennogo-munitsipalnogo-upravleniya> (дата обращения: 22.11.2023).
3. Коско, А. А. О понятии имиджа. Имидж руководителя (начальника) органа внутренних дел / А. А. Коско // Международный научный журнал «Символ науки» — 2016. — № 4 — С. 205–209.
4. Кузнецов И. О. Особенности формирования имиджа государственного служащего в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. Том 179. С. 64–68.
5. Огнева В. В., Дорохова Ю. В. Имидж государственного гражданского служащего региона как предмет социально-политического анализа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные 2014. № 1. С. 152–163.
6. Орлова, В. Н. Позитивный имидж государственных гражданских служащих как основа развития управленческой культуры / В. Н. Орлова // Управленческое консультирование — 2016. — № 7 — С. 14–18.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 46 (545) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 27.11.2024. Дата выхода в свет: 04.12.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.